

Лучшие детективы мира

Деннис Лихэйн
**Остров
проклятых**

трилогия "Лекарство от скуки"

"Остров проклятых" погружает вас
в кошмар безумия, насилия и лжи.

Шокирующая развязка — настоящее испытание
для рассудка, приготовьтесь его выдержать!

Washington Post Book World

Annotation

Летом 1954 года судебные приставы Тедди Дэниелс и Чак Ауле приезжают в больницу для невменяемых преступников «Эшклиф», чтобы разобраться в загадочном исчезновении одной из пациенток — детоубийцы Рейчел Соландо. В расследование вмешивается ураган, отрезавший остров от внешнего мира. Постепенно Тедди начинает понимать, что в «Эшклифе» все не так, как может показаться на первый взгляд...

- [Деннис Лихэйн](#)

- [Пролог](#)
 - [День первый](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [День второй](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [День третий](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [День четвертый](#)

- [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
-

Денис Лихэйн

Остров проклятых

*Крис Глисон и Майку Эйгену.
Которые слушали. И слышали.
И порой взваливали на себя*

*...Нам мало видеть сны,
мы еще должны с ними жить?*

Элизабет Бишоп.

Вопросы путешественника

Пролог

Из дневников доктора Лестера Шина

3 мая 1993 года

Я не видел острова несколько лет. Последний раз — с яхты моего приятеля, вышедшей из бухты в залив, — остров был виден вдали, за внутренней грядой, в саване из летней дымки, такой случайный мазок краски на фоне неба.

Больше двух десятилетий на него не ступала моя нога, но Эмили говорит (иногда шутя, иногда нет), что ей сдается, будто я оттуда и не уезжал. Как-то она сказала, что для меня время — это серия закладок, с помощью которых я гуляю вперед-назад по тексту моей жизни, снова и снова возвращаясь к событиям, которые, с точки зрения моих проницательных коллег, показывают меня классическим меланхоликом.

Возможно, Эмили права. Она так часто бывает права.

Скоро я и ее потеряю. Вопрос нескольких месяцев, как сказал нам в четверг доктор Аксельрод. Совершите это путешествие, посоветовал он. То, о котором вы постоянно говорите. Флоренция, Рим, Венеция весной. Вы, Лестер, тоже в неважной форме, добавил он.

Пожалуй. В последнее время я стал частенько класть вещи не на свое место, особенно очки. И ключи от машины. Я вхожу в магазин и не помню, зачем пришел. Выхожу из театра и тут же забываю, о чем был спектакль. Если время для меня и вправду это серия закладок, то ощущение такое, будто кто-то тряхнул мою книжку и все эти пожелтевшие полоски бумаги, оторванные спичечные этикетки и пластиковые палочки для размешивания кофе рассыпались по полу, а загнутые уголки распрямил.

Поэтому я хочу все записать. Не отредактировать текст, чтобы выставить себя в более выгодном свете. Нет, нет. Он бы этого не позволил. Ведь он по-своему ненавидел ложь, как никто другой. Просто хочется сохранить текст, перенести его из нынешнего хранилища (в котором, откровенно говоря, стало влажно и начались протечки) на эти страницы.

Больница «Эшклиф» располагалась на центральной равнине в северо-западной части острова. И вид, добавлю, имела самый благопристойный. Меньше всего она была похожа на больницу для невменяемых преступников и тем паче на военные казармы, каковыми являлись изначально ее корпуса. Если на то пошло, она нам напоминала школу-интернат. В викторианской мансарде по соседству с главным зданием жил смотритель, а в красивом замке эпохи Тюдоров, где когда-то квартировал командующий северо-восточным прибрежным отрядом армии северян, проживал наш кадровик. За стеной располагались жилые дома сотрудников — причудливые коттеджи из дранки для клинических врачей, три приземистых общежития из шлакоблоков для санитаров, надзирателей и медсестер. Основную территорию больницы украшали лужайки и подстриженные живые изгороди, огромные тенистые дубы, шотландские сосны, аккуратные клены и яблони, плоды с которых поздней осенью бомбардировали крепостные стены и рассыпались по траве. А по бокам больницы, величественного здания из добротного гранита и темно-серых плит, стояли краснокирпичные близнецы в колониальном стиле. Дальше просматривались отвесные скалы и образованные приливами болота и полоса долины, где некогда возникла общественная ферма, захиревшая вскоре после американской революции. Посаженные еще тогда деревья — персиковые, грушевые, арония — выжили, но давно не плодоносили, и ночные ветра, налетавшие на долину, порой завывали, как бродячие коты.

Ну и конечно форт стоял здесь задолго до появления больничного персонала и по-прежнему стоит, возвышаясь над южным мысом. И чуть поодаль маяк, потухший еще до Гражданской войны и ставший анахронизмом из-за действующего бостонского собрата.

Со стороны моря вроде бы ничего особенного. Но посмотрите глазами Тедди Дэниелса, увидевшего все это тихим сентябрьским утром 1954 года. Поросший кустарником пятак посреди бухты. Не столько даже остров, сколько идея острова. Какое у него может быть предназначение, вероятно, подумал он. Вот именно, какое.

Самой большой популяцией у нас были крысы. Они шебуршали в кустах, по ночам выстраивались боевыми порядками вдоль берега, взирались на мокрые скалы. Некоторые размером с камбалу. После

тех четырех странных дней летом пятьдесят четвертого я не один год изучал поведение крыс из ложбины в холме с видом на северное побережье. К своему удивлению я обнаружил, что отдельные крысы пытались доплыть до острова Паддок, в сущности, скалы в песочнице, двадцать два часа из двадцати четырех остававшейся под водой. Всякий раз, когда во время отлива островок появлялся над водой на час-полтора, они предпринимали заплыв, эти крысы, десяток, не больше, и всегда новый прилив заставлял их вернуться восвояси.

Я сказал «всегда», но это не так. Я видел, как одна доплыла таки. Всего один раз. В полнолуние перед осенним равноденствием, в октябре пятьдесят шестого. Я явственно разглядел черную тушку водяного щитомордника, прошмыгнувшего по отмели.

Или так мне показалось. Эмили, с которой я познакомился на острове, сказала мне: «Лестер, ты не мог ее разглядеть с такого расстояния».

Она права.

И тем не менее я видел своими глазами. Толстый щитомордник шмыгнул по жемчужно-серому песку, уходящему снова под воду с возвращением прилива, готового проглотить остров Паддок вместе с этой крысой, ибо назад она уже не приплыла.

И в ту минуту, когда она бежала по отмели (и все-таки я ее видел, видел, разрази меня гром), я подумал о Тедди. О Тедди и его несчастной покойной жене Долорес Шаналь и их клонах, Рейчел Соландо и Эндрю Лэддисе, этой жуткой парочке, устроившей у нас форменный погром. Если бы Тедди тогда сидел рядом со мной, подумал я, он бы тоже увидел эту крысу. Наверняка.

Скажу вам больше.

Тедди...

Он бы ей поаплодировал.

День первый
Рейчел

Отец Тедди Дэниелса был рыбак. Его моторку за долги забрал банк в тридцать первом, когда Тедди было одиннадцать лет, и в дальнейшем он нанимался на чужие, когда была работа, а когда не было, что-то разгружал в доках, а чаще, уже вернувшись домой к десяти утра, сидел в кресле, тупо разглядывал свои руки диковатыми мутными глазами и что-то шептал себе под нос.

Дэниелс-старший брал с собой Тедди рыбачить у островов еще ребенком, когда проку от него было не много. Все, что он умел, — это распутывать леску и отвязывать крючки. Случалось, он ранился, кровь выступала на пальцах, размазывалась на ладонях.

Они выходили в море затемно, и вот над окоемом появлялось солнце, словно вырезанное из холодной слоновой кости, и тогда из отступающей темноты выплывали острова, сбившись в кучу, как будто их поймали за чем-то предосудительным.

Взору Тедди открывался ряд приземистых светловатых лачуг на одном из островов, полуразрушенная усадьба из известняка на другом. Отец показывал пальцем: вон тюрьма на Диэре, а это мощный форт на Джордже. На острове Томпсон в кронах высоких деревьев гнездились птицы, и их гомон походил на удары градин по стеклу.

Дальше за ними лежал остров Проклятых, словно брошенный в море с проплывающим испанского галеона. Весной далекого двадцать восьмого его оставили один на один с собственной буйной растительностью, и расположенный на самой верхотуре форт был удушен вьющимися побегами и покрыт целыми шапками мха.

— Почему Проклятых? — поинтересовался Тедди.

Отец повел плечами:

— Вопросы. Вечно ты со своими вопросами.

— Нет, ну правда?

— Да просто так назвали, и слово прижилось. Может, пираты.

— Пираты? — Звучало красиво. Тедди сразу увидел рослых мужчин с повязкой на глазу, в высоких сапогах, с блестящими саблями.

Отец пояснил:

— В старые времена они тут прятались. — Его рука обвела горизонт. — На этих островах. Сами прятались, золото прятали.

Тедди представил себе кованые сундуки и как из-под крышки высыпаются монеты.

Через какое-то время его начало выворачивать наизнанку, снова и снова, черные потоки полились за борт.

Отец смотрел озадаченно, ведь прошло уже несколько часов, и океанская гладь безмятежно поблескивала. Он сказал:

— Все нормально. Твой первый выход в море. Так что нечего стыдиться.

Тедди кивнул и обтер рот тряпицей, которую ему протянул отец.

А тот продолжал:

— Иной раз качку и не почувствуешь, пока она не заберется к тебе в кишки.

Тедди снова кивнул от невозможности сказать отцу, что качка тут ни при чем.

Это все вода, простиравшаяся вокруг, кроме которой больше ничего в мире не осталось. Ему казалось, что сейчас она и небо проглотит. До этой минуты он и не думал, что они на свете так одиноки.

Он глядел слезящимися красными глазами на отца, повторявшего, что все будет нормально, и пытался выдавить из себя улыбку.

Летом тридцать восьмого его отец вышел из Бостона на китобойце и не вернулся. Лишь следующей весной на отмель Нантакета возле города Халл, где Тедди вырос, выбросило обломки корабля. Часть киля, нагревательная плита с выгравированным на донце именем капитана, банки с консервированными помидорами и картофельным супом, пара ловушек для лобстеров, продырявленные и бесформенные.

Траурная церемония по четырем погибшим рыбакам состоялась в церкви Святой Терезы, задней своей стеной почти упирающейся в море, унесшее стольких ее прихожан. Тедди стоял рядом с матерью и слушал слова про капитана, и первого помощника, и третьего рыбака, старого морского волка по имени Джил Рестак, терроризировавшего бары города Халла с тех пор, как он вернулся с большой войны с раздробленной пяткой и ворохом страшных картин в башке. Но смерть, как сказал один из пострадавших от него барменов, ему все простила.

Владелец китобойца Никос Коста признал, что он почти не знал отца Тедди и что взял его в последний момент, когда член команды сломал ногу, упав с грузовика. Капитан тогда высоко отозвался о новичке, мол, любой в городе вам скажет, что свою работу он делает на ять. Разве может быть похвала выше этой?

Стоя в церкви, Тедди вспомнил тот день на отцовской моторке, после которого вместе в море они уже не выходили. Отец повторял, что они обязательно выйдут, но Тедди понимал, с какой целью это говорится: чтобы помочь ему сохранить остатки гордости. Отец никогда не вспоминал о том злополучном дне, но когда они возвращались через архипелаг, — остров Проклятых остался сзади, Томпсон впереди, а до их родного города рукой подать, и весь он виден так отчетливо, что, кажется, можно ратушу поднять вверх за шпиль, — что-то такое промелькнуло в его взгляде.

— Это море, — сказал отец, легонько потирая сыну спину, пока они стояли, прислонившись к корме. — Одни здесь себя находят. Других оно себе подчиняет.

И при этом он так посмотрел на Тедди, что не трудно было догадаться, в какую категорию тот, скорее всего, попадет.

Чтобы сюда попасть в пятьдесят четвертом, им пришлось сесть на городской паром и миновать череду богом забытых островков — Томпсон и Спектэкл, Грейп и Бампкин, Рэйнфорд и Лонг, — лепившихся на морском скальпе песчаными заплатками, пучками цепких деревцев и скалистыми грядами, выбеленными, как кости. Если не считать планового завоза продовольствия по четвергам и субботам, паром ходил от случая к случаю, и в такие дни вельбот был совершенно гол — лишь обшитое металлическим листом днище да две железные скамьи по бортам под иллюминаторами. Скамьи были прикручены болтами к днищу и дополнительно к массивным черным боковым стойкам, с которых этакими вермишелями свисали ручные кандалы на цепях.

Но нынче паром вез не душевнобольных, а только Тедди и его нового партнера Чака Ауле, а также мешки с почтой и ящики с медикаментами.

Для Тедди путешествие началось в обнимку с унитазом, а мотор тарахтел и пыхтел, и у него в ноздрях маслянистый запах бензина

смешивался с запахом августовского моря. Хотя из него не выходило ничего, кроме жалких водянистых струек, горло продолжали душить спазмы, и желудок ощущался где-то под пищеводом, а перед носом крутились и помаргивали воздушные пылинки.

В качестве заключительного аккорда вместе с застрявшим в нем кислородным пузырем из него с грохотом разорвавшейся бомбы, похоже, вылетел кусок грудной клетки, после чего он уселся на железный пол и, вытирая лицо носовым платком, подумал, что это не самый лучший способ начинать партнерские отношения.

Он представил себе, как Чак, вернувшись домой, говорит жене, если она у него, конечно, есть — в сущности, они еще ничего друг о друге не знали, — вспоминая о первом знакомстве с легендарным Тедди Дэниелсом: «Я ему, милая, так понравился, что его вывернуло наизнанку».

С той памятной рыбалки в детстве Тедди никогда не испытывал радости от нахождения на воде, от этого тотального отсутствия земли, которая ему всюду грезилась, от невозможности потрогать нечто твердое, чтобы при этом твоя рука не растворилась в текучей субстанции. Ты говорил себе «все нормально» — без этих слов как преодолевать водные пространства? — но как бы не так. Даже в разгар войны больше всего его страшило не боевое десантирование, а последние метры от плавсредства до берега, когда ботинки вязнут в иле и непонятные существа юркают между ног.

И сейчас он бы предпочел находиться на палубе, встретить вызов на свежем ветру, а не здесь, скрюченный, в липком поту.

Убедившись, что приступ миновал, что желудок больше не пучит и голова не кружится, он вымыл лицо и руки и придирчиво осмотрел себя в зеркальце над раковиной, изъеденном морской солью, так что осталась в сердке лишь крохотная туманность, в которой отражался еще довольно молодой человек с казенной короткой стрижкой правительственного чиновника. Лицо же его несло на себе печать военных действий и последующих лет, а глаза, которые Долорес однажды назвала «тоскливыми, как у собаки», выдавали его двойную склонность — к погоням и насилию.

Откуда столько суровости в мои-то годы, подумал про себя Тедди.

Он поправил ремень так, чтобы кобура оказалась на боку. Взял шляпу со сливного бачка, нахлобучил на голову и сдвинул немного

набекрень. Затянул потуже узел на галстуке. Цветастый яркий галстук из тех, что уже год как вышли из моды, но он по-прежнему его носил, так как это был ее подарок: в день своего рождения он сидел в гостиной, когда она подошла сзади и закрыла ему глаза этим галстуком. Прижалась губами к его кадыку. Положила ему на щеку теплую ладонь. Ее язычок пахнул апельсином. Она оседлала его и только тогда убрала галстук, но Тедди продолжал держать глаза закрытыми. Чтобы чувствовать ее запах. Рисовать ее в своем воображении. Создавать и удерживать в своих мыслях.

Он до сих пор не утратил этой способности: закрыть глаза и ясно увидеть ее перед собой. Правда, в последнее время то мочка уха, то ресницы, то контуры волос стали покрываться белыми пятнами. Пока это не мешало ее восприятию в целом, но уже закрадывался страх, что время хочет ее украсть у него и мало-помалу обгладывает, разъедает эти картинки у него в голове.

— Я по тебе скучаю, — сказал он вслух и отправился на бак.

Хотя здесь было тепло и ясно, в воде просматривалось что-то темное, тронутое ржавчиной, что-то зловеще серело, намекая на придонные буйные заросли.

Чак отхлебнул из фляжки и повернул лицо с вопросительно вздернутой бровью в сторону приближающегося напарника. Тедди отрицательно покачал головой, и Чак сунул фляжку обратно в карман пиджака, запахнул полы плаща и посмотрел на море.

— Ты как? — спросил он. — Малость бледнул.

Тедди пожал плечами:

— Я в порядке.

— Уверен?

Тедди кивнул:

— Еще не обвык.

Они молча постояли, вокруг них покачивались волны, и отдельные темные сегменты казались гладкими, как бархат.

— Знаешь, когда-то там был лагерь для военнопленных, — сказал Тедди.

— На острове? — уточнил Чак.

Тедди кивнул:

— В Гражданскую. Там возвели форт, построили казармы.

— А как они его используют сейчас?

Тедди пожал плечами:

— Понятия не имею. Тут были форты на разных островах. Во время войны артиллеристы пристреливали по ним орудия. Так что не многие уцелели.

— А больница?

— Насколько я понимаю, она помещается в бывших казармах.

— Вроде как возвращение в учебку? — сказал Чак.

— Лучше не надо. — Тедди, опираясь на поручень, повернулся к нему лицом. — Расскажи про себя.

Чак улыбнулся. Он был коренастее и приземистее своего напарника, где-то сто семьдесят пять, выющиеся черные волосы, оливковая кожа, изящные маленькие руки, которые как-то не вязались с его фактурой, как будто он одолжил их на время, пока из мастерской не пришлют настоящие. На левой щеке у него был косой шрам, который он сейчас потыкал перстом.

— Я всегда начинаю со шрама, — сказал он. — Все рано или поздно спрашивают.

— Ну и?

— Это не война, — продолжал он. — Моя подружка говорит: «Скажи, война, — и закрой тему», но... — Он передернул плечами. — На самом деле, игра в войну. Мальчишки. В лесу палили друг в друга из рогаток. Приятель стрельнул в меня и не попал, значит, я в порядке, правильно? — Тут он помотал головой. — Камень попал в ствол, и отлетевший кусок коры полоснул по щеке. Отсюда шрам.

— Войнушка, значит.

— Вот-вот.

— Ты сюда перевелся из Орегона?

— Из Сиэтла. На той неделе.

Тедди ждал пояснения, но оно не последовало.

— А в судебных приставах давно?

— Четвертый год.

— Тогда ты в курсе, какой это узкий круг.

— Ну да. Ты хочешь услышать, почему я перевелся. — Чак покивал, что-то для себя решая. — А если я скажу, что меня достали дожди?

Тедди развел ладони в стороны примирительным жестом:

— Как скажешь...

— Но ты прав, это узкий круг. Все друг друга знают. Так что рано или поздно — как это говорится? — сорока принесет на хвосте.

— Точно.

— Это ведь ты поймал Брека?

Тедди кивнул.

— Как ты догадался, где его искать? Полсотни следаков отправились в Кливленд, и только ты один в Мэн.

— Однажды мальчишкой он там отдыхал с семьей. Помнишь, что он проделывал со своими жертвами? Обычно это проделывают с жеребцами. Я поговорил с его теткой. Она мне рассказала: в детстве он был по-настоящему счастлив один раз — на ферме, где выращивали племенных жеребцов, неподалеку от коттеджа, который снимала его семья в штате Мэн. Поэтому я отправился туда.

— Пять пуль в него всадил, — сказал Чак, разглядывая пену внизу.

— И еще столько же всадил бы, — сказал Тедди. — Но больше не понадобилось.

Чак понимающе кивнул и сплюнул через перила.

— Подружка у меня японка. То есть родилась здесь, но... Выросла в лагере для интернированных. В тех краях — Портленд, Сиэтл, Такома — до сих пор сохраняется напряжение. Людям не нравится, что я с ней.

— Поэтому тебя перевели.

Еще кивок, еще плевок. Чак проследил, как тот упал в бурлящую пену.

— Говорят, это будет нечто, — сказал он.

Тедди снял локти с перил и выпрямился во весь рост. Лицо его было мокрым, на губах соль. Удивительно, что море его все-таки достало, хотя он не помнил, чтобы брызги до него долетали. В поисках пачки «Честерфилда» он похлопал себя по карманам дождевика.

— Кто говорит? И о чем?

— Газеты, — ответил Чак. — Про будущий шторм. Обещают что-то особенное. Грандиозное. — Он махнул рукой в сторону неба, белого, как кипящая пена под носовой частью. Там, вдоль южной кромки, выстроились шеренгой пунцовье барашки, расползшиеся чернильными пятнами.

Тедди потянул носом воздух.

— Ты ведь помнишь войну, Чак?

Видя ухмылочку своего партнера, Тедди подумал: быстро же мы настроились на одну волну и смекнули, как подначивать друг дружку.

— Смутно, — ответил Чак. — В основном помню строительный мусор. Кучи мусора. Обычно люди говорят о мусоре пренебрежительно, а по-моему, он занимает свое законное место. В нем есть своя, так сказать, эстетическая красота. Ибо все в глазах смотрящего.

— Прямо как по писаному. Тебе это никогда не говорили?

— Служалось. — Перегнувшись через перила, чтобы размять спину, Чак подарил морю очередную улыбочку.

Тедди похлопал себя по карманам брюк, порылся во внутренних карманах пиджака.

— Бывало, боевые задания зависели от прогнозов погоды, ты помнишь?

Чак потер щетину на подбородке тыльной стороной ладони.

— Как не помнить.

— И как часто эти прогнозы сбывались?

Чак нахмурил брови, давая понять своему напарнику, что он всерьез обдумывает этот вопрос. Потом почмокал губами и сказал:

— Процентов тридцать, пожалуй.

— В лучшем случае.

Чак кивнул:

— В лучшем случае.

— И теперь, когда мы вернулись на гражданку...

— Еще как вернулись, — ввернул Чак. — Можно сказать, уgnездились.

Тедди с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться. Этот парень нравился ему все больше. Во сказанул.

— Угнездились, — согласился он. — Так почему ты должен верить этим прогнозам сейчас больше, чем верил тогда?

Над горизонтом показалась верхушка треугольничка.

— Вообще-то я не уверен, что моя вера измеряется в таких понятиях, как «больше» или «меньше», — сказал Чак. — Дать сигаретку?

Тедди, который уже по второму разу похлопывал себя по карманам, неожиданно замер, поймав на себе взгляд Чака. Ухмылочка

отпечаталась на лице его напарника аккурат под шрамом.

— Когда мы садились на паром, пачка была в кармане, — сказал Тедди.

Чак мотнул головой в сторону берега:

— Чиновный люд. Обчистят, и не заметишь.

Он вытряхнул сигаретку из пачки «Лакиз», протянул товарищу и щелкнул медной зажигалкой «зиппо». Пахнуло бензином, который сразу забил солоноватый морской воздух и проник Тедди в самое горло. Чак защелкнул крышку зажигалки, тут же снова открыл одним движением кисти и закурил сам.

Тедди выдохнул, и треугольничек острова на мгновение исчез в сигаретном дыме. А Чак продолжал философствовать:

— На Заокеанском театре военных действий, когда от метеосводки зависело, отправят тебя десантироваться с парашютом или морем высадят на берег, ставки-то были повыше, а?

— Да уж.

— А тут можно без особого риска сомневаться что в одну сторону, что в другую. Так мне сдается, босс.

То, что прежде казалось верхушкой треугольничка, постепенно разрасталось, уже прорисовывалось основание, а когда морская гладь сомкнулась вокруг островка земли, они стали различать и цвета, словно кто-то поработал кистью: матовая зелень дикой растительности, коричневатая полоска отмели, охряные скалы на северной стороне. А когда они подобрались еще ближе, на возвышенности обнаружились плосковатые коробочки домов.

— Жаль, — сказал Чак.

— Ты о чем?

— О цене прогресса. — Он поставил одну ногу на буксирный канат и приналег на перила бок о бок с Тедди; они оба наблюдали за попыткой острова самоопределиться. — При нынешних подвижках в области душевного здоровья — а подвижки есть, можешь не сомневаться, причем каждый день, — больница вроде этой исчезнет. Через двадцать лет люди назовут это заведение варварским. Побочным продуктом Викторианской эпохи. Исчезла, скажут они, и слава богу. Слияние и поглощение, скажут они. Таково веяние времени. Сворачивайте лавочку. Мы вас успокоим. Возродим к жизни. Мы,

судебные приставы общей юрисдикции. Мы — новое общество, в котором нет места для исключений. Забудьте про Эльбу.

Хотя дома снова спрятались за деревьями, Тедди мог разглядеть пока неясные очертания конической башни, а затем и жесткие прямые углы старого форта, как ему показалось.

— Но должны ли мы отбросить наше прошлое, дабы обеспечить себе будущее? — Чак выкинул окурок в морскую пену. — Вот в чем вопрос. Скажи мне, Тедди, что ты теряешь, подметая пол? Правильно: пыль. Крошки, привлекающие муравьев. А как насчет серьги, которую она потеряла? Считать ее тоже мусором?

— Кто это «она»? И откуда «она» вдруг взялась, Чак?

— В каждой истории присутствует она. Разве нет?

Вой мотора сменил тональность, палуба дернулась под ногами, и, по мере того как паром стал заходить с западной стороны острова, обрисовались очертания форта на вершине южной скалы. Пушки отсутствовали, но орудийные башни хорошо просматривались. Земля простиралась до подножия холмов позади форта, и где-то там, подумал Тедди, сливаясь с пейзажем, высятся стены, а за утесами западного побережья должна находиться больница «Эшклиф».

— У тебя есть девушка, Тедди? — спросил Чак. — Или ты женат?

— Был. — Тедди увидел картинку: на него, обернувшись, смотрит Долорес во время их медового месяца, ее подбородок почти касается голого плеча, и видно, как играют плечевые мышцы. — Она умерла.

Чак отстранился от перил, шея его порозовела.

— О господи.

— Да ладно, — сказал Тедди.

— Нет, нет. — Чак протестующе поднял перед собой ладонь. — Как же... я ведь про это слышал. Не понимаю, как я мог забыть. Это случилось пару лет назад, да?

Тедди кивнул.

— Господи, Тедди. Я чувствую себя идиотом. Правда. Извини.

Новая картинка перед глазами, Долорес со спины: что-то напевая, она уходит по коридору в его старой армейской рубашке, а потом сворачивает в кухню, а на него обрушивается знакомая тяжесть. Чего бы только он сейчас не сделал — даже поплавал бы в этой воде, — только бы не говорить о Долорес, о том, как тридцать один год она жила на этой земле и вдруг — пухф! Исчезла, словно и не

существовала. Утром, когда он уходил на работу, была. А вечером, когда вернулся, уже нет.

Но это как со шрамом Чака — история, которую надо рассказать, чтобы двигаться дальше, иначе она будет постоянно между ними возникать. Как? Где? Почему?

Долорес ушла два года назад, но в его снах она неизменно оживала, а по утрам ему иной раз казалось, что она хлопочет на кухне или пьет свой кофе на крыльце их многоквартирного дома в Баттонвуде. Мозг играл с ним злые шутки, что правда, то правда, однако Тедди давно свыкся с этой логикой — в конце концов, пробуждение сродни появлению на свет. Ты вылезал на поверхность, не имея за спиной никакого шлейфа, и потом еще долго моргал и зевал, собирая по крупицам свое прошлое и складывая осколки в хронологическом порядке, прежде чем храбро войти в настоящее.

Куда жестче были ассоциации с женой, которые вроде бы алогичный перечень предметов или свойств мог вызвать в его голове в одно мгновение, подобно вспыхнувшей спичке. Поди угадай, что окажется провокацией в следующий раз: солонка на столе, походка незнакомки на оживленной улице, бутылка кока-колы, след губной помады на стакане, декоративная подушка?

Но из всех спусковых механизмов ни один не выглядел менее логичным, если говорить о смысловых ассоциациях, и не разил больнее, если иметь в виду эффект воздействия, чем вода, — текущая из крана, барабанящая с небес, в виде лужи на тротуаре или, как сейчас, раскинувшаяся на многие мили вокруг.

— В нашем жилом доме случился пожар, — начал Тедди. — Я был на работе. Четыре человека погибли. Включая ее. От дыма, Чак, не от огня. Так что боли перед смертью не было. Страх? Наверно. Но не боль. Это важно.

Чак еще отхлебнул из фляжки и снова предложил ее напарнику. Тедди помотал головой.

— Я завязал. После пожара. Ее это, знаешь, напрягало. Солдаты и копы слишком много пьют, говорила она. Так что... — Он чувствовал смущение Чака, как оно его тяготит, и добавил: — Со временем научаешься тянуть лямку. У тебя нет выбора. Это как со всем этим дерьямом на войне, правильно?

Чак кивнул с отрешенным лицом и легким прищуром — ушел в воспоминания.

— Так уж повелось, — выдохнул Тедди.

— Ну да, — не сразу отозвался Чак. Он был все еще красный от смущения.

Причал возник, словно в результате светового трюка, издали такая полоска жевательной резинки, крошечная, серенькая.

После тошниловки Тедди ощущал обезвоженность организма, а еще некоторую усталость от разговора. Он хоть и научился тянуть лямку, а все же нет-нет да и выбивался из сил. За левым глазом поселилась тупая боль, как будто к веку кто-то приложил ложку. Пока трудно было сказать, побочный ли это эффект от обезвоживания, первые признаки обычной головной боли или намек на кое-что похуже — одну из тех мигреней, которые терзали его с юношеских лет и порой достигали такой силы, что он переставал видеть левым глазом и свет превращался в градопад раскаленных гвоздей, а однажды (слава богу, лишь однажды) на полтора дня он оказался частично парализован. Эти мигрени, по крайней мере в его случае, никогда не приходили в разгар напряжения или работы, только потом, в минуты покоя, после падения снарядов, после окончания погони. Пика же достигали в базовом лагере или казармах, ну а в мирное время — в мотелях или в машине по дороге домой. Как Тедди уже давно успел усвоить, хитрость заключалась в том, чтобы не сбавливать обороты и сохранять концентрацию. Пока ты бежишь, они тебя не настигнут.

— Что-нибудь слышал про это место? — поинтересовался он у Чака.

— Психбольница, вот все, что я знаю.

— Для невменяемых преступников, — уточнил Тедди.

— Иначе нас бы сюда не направили, — сказал Чак.

Опять эта сухая ухмылочка.

— Как знать, Чак. Ты не производишь впечатление стопроцентно уравновешенного человека.

— Может, пока мы здесь, я забронирую себе кроватку на будущее. Пусть подержат.

— Неплохая мысль.

Мотор ненадолго заглох, пока паром разворачивался вправо вместе с течением, а затем снова затарахтел. Перед ними теперь было

открытое море, а паром кормой подплывал к причалу.

— Насколько мне известно, они применяют радикальные подходы, — сказал Тедди.

— Красная зона?

— Нет. Просто радикальные. Есть разница.

— В последние годы она стирается.

— Бывает, — согласился Тедди.

— А эта сбежавшая пациентка?

— Про нее я мало что знаю, — сказал Тедди. — Прошлой ночью она слиняла. Ее имя записано у меня в блокноте. Остальное, надеюсь, нам расскажут.

Чак оглядел бескрайнее водное пространство.

— Куда ей деваться? Поплыла домой?

Тедди пожал плечами:

— Наверняка их пациенты находятся в плену разных иллюзий.

— Шизофреники?

— Почему нет. Сомневаюсь, что ты здесь увидишь обычных монголоидов. Или какого-нибудь типа, которого пугают трещины в асфальте, или беспробудную соню. Насколько я мог понять из дела, тут настоящие *психи*.

— И сколько из них, по-твоему, придуриваются? — спросил Чак.

— Меня это давно занимает. Помнишь «восьмерок»^[1] на войне? Сколько из них, как ты думаешь, были действительно психами?

— Был у нас, в Арденнах, один тип...

— Ты был в Арденнах?

Тедди кивнул.

— Однажды он проснулся и заговорил задом наперед.

— Слова?

— Предложения. Например: «Крови следы тут, глядите, сержант». А вечером, сидя в окопе, он охаживал себя по голове камнем. Методично так стучал. Мы офонярели и даже не сразу поняли, что он выцарапал себе глаза.

— Иди ты.

Тедди покачал головой, словно сам себе не веря.

— Через несколько лет мне рассказал один парень, что в госпитале для ветеранов в Сан-Диего вместе с ним был слепой, который говорил задом наперед. Его разбил паралич, и врачи не могли

установить причину. Парень сидел у окна в инвалидном кресле и весь день разглагольствовал про свой урожай зерновых. А вырос он, между прочим, в Бруклине.

— Да, когда парень из Бруклина считает себя фермером, это, пожалуй, тянет на восьмую статью.

— Я тоже так думаю.

На причале их встретил Макферсон, помощник смотрителя заведения, достаточно молодой для своей должности, с длинноватыми, не по уставу, блондинистыми волосами, а в его движениях сквозила томная грация, которая у Тедди ассоциировалась с техасцами либо с лошадниками.

Он стоял в окружении санитаров, в основном негров, у белых же лица были каменные, как будто в младенчестве их недокормили и они выросли чахлыми и недовольными.

Санитары в белых рубашках и белых брюках ходили стадом. На Тедди с Чаком они даже не посмотрели. Они ни на что не смотрели, просто подошли к парому и остановились в ожидании, пока его разгрузят.

По просьбе Макферсона Тедди и Чак предъявили свои бляхи, и он их долго изучал с прищуром, сравнивая фотографии с лицами владельцев.

— Кажется, до сих пор я никогда не видел удостоверение судебного пристава, — признался он.

— А тут сразу два, — сказал Чак. — Знаменательный день.

Макферсон ответил ему ленивой ухмылкой и вернул бляху.

Над береговой линией море хорошо поработало за эти две-три ночи: она была вся завалена ракушками, сплавным лесоматериалом, оставами моллюсков и полуобглоданными дохлыми рыбешками, над которыми потрудились неизвестные падальщики. Тедди обратил внимание на мусор, прибитый течением из внутренней гавани, — пустые банки, размякшие бумажки, номерной знак с номером, вытравленным водой и солнцем. В основном на острове росли сосны и клены, худосочные, побитые ветрами, а сквозь просветы деревьев, на вершине склона, можно было разглядеть отдельные строения.

Долорес, любившая загорать, наверное, оценила бы это место по достоинству, ну а что касается Тедди, то он воспринимал нестихающий бриз как угрозу океана, что тот готов в любой момент вцепиться в него когтями и уволочь на дно.

Санитары снесли на причал мешки с почтой и коробки с медикаментами и погрузили их на ручные тележки, а Макферсон расписался в акте за полученный товар и передал его одному из паромщиков.

— Ну, мы тогда отчаливаем, — сказал тот.

Макферсон щурился на солнце.

— Шторм, — продолжал паромщик. — Никто не знает, чего от него ждать.

Макферсон покивал.

— Мы свяжемся со станцией, когда придет время нас забирать, — сказал Тедди.

Паромщик согласно кивнул.

— Шторм, — повторил он.

— Да, да, — подал голос Чак. — Мы учтем.

Макферсон вел их вверх по тропинке, полого поднимавшейся среди деревьев. Когда они кончились, тропинка уткнулась в мощеную дорогу, этакую ухмылочку на их пути, в уголках которой стояли два дома. Тот, что слева, попроще, представлял собой красно-коричневый викторианский особнячок с мансардой и маленькими оконцами в черной оправе — такие местные дозорные. Тот, что справа, смахивал на тюдоровский замок.

Они двинулись дальше вверх по крутому склону, поросшему буйной армерией, пока не вышли на зеленое травчатое плато, а вскоре и на вполне традиционную лужайку, растянувшуюся на несколько сотен ярдов, вплоть до стены из оранжевого камня, которая, как казалось, тянется вокруг всего острова. Эту трехметровую стену венчала проволока под током, и, глядя на нее, Тедди почувствовал внезапную жалость к тем, кто находился по ту сторону стены и, прекрасно понимая ее назначение, отдавал себе отчет в том, что мир всеми правдами и неправдами желает удержать их в заточении. Двигаясь вдоль стены, мужчины в синей униформе что-то разглядывали на земле.

— Тюремные охранники в клинике для душевнобольных, — заметил вслух Чак. — То еще зрелище, мистер Макферсон, уж извините.

— У нас больница строгого режима, — отозвался Макферсон. — Мы работаем по двум лицензиям — от Массачусетского департамента

по охране душевного здоровья и от федерального управления тюрем.

— Я понимаю, — сказал Чак. — Просто интересно... вам, ребята, наверно, есть о чем поговорить за ужином?

Макферсон улыбнулся и покачал головой.

Тедди обратил внимание на брюнета в такой же униформе, что и остальные охранники, только с желтыми эполетами и стоячим воротничком, а также с золотой бляхой на груди. Он единственный шагал с поднятой головой, заложив руку за спину, и Тедди сразу вспомнил встречавшихся ему во время войны полковников, считавших свое командование ношей, которую на них взвалила даже не армия, а сам Господь Бог. Вторая рука прижимала к груди черную книжицу. Он кивнул в их сторону и начал спускаться по тому же склону, и никакой бриз не мог пошевелить его ежик.

— Смотритель, — сказал Макферсон. — Вы с ним познакомитесь позднее.

Тедди кивнул, а сам подумал, что ему мешало познакомиться с ними сейчас. А тем временем смотритель скрылся за гребнем.

Один из санитаров открыл ключом ворота в стене и распахнул створ, после чего тележки въехали на территорию. К Макферсону подошли два охранника и встали по бокам. Он же расправился во весь свой рост и, обращаясь к судебным приставам, официальным тоном произнес:

— Я должен ввести вас в курс дел.

— Давайте.

— Господа, вы будете приняты со всем уважением, вам будет оказана необходимая помощь. Ну а вы во время своего короткого визита будете вести себя в рамках протокола. Ясно?

Тедди кивнул, а Чак сказал:

— Так точно.

Макферсон сфокусировал взгляд на точке поверх их голов.

— Доктор Коули наверняка разъяснит вам детали протокола, но хочу сразу подчеркнуть: бесконтрольные контакты с пациентами запрещены. Ясно?

Тедди чуть не сказал «да, сэр», как будто дело происходило в тренировочном лагере, но в результате отделался коротким «да».

— Корпус А, для мужчин, за моей спиной, справа. Корпус В, для женщин, слева. Корпус С за этими скалами, позади комплекса и казарм

для персонала, в помещении бывшего Уолтонского форта. Вход в корпус С только с письменного разрешения и в присутствии смотрителя больницы и доктора Коули. Ясно?

Оба пристава кивнули. Макферсон протянул свою лапищу, словно обращаясь с мольбой к солнечному светилу.

— А сейчас прошу вас сдать оружие.

Чак посмотрел на Тедди. Тот покачал головой и сказал:

— Мистер Макферсон, мы являемся официально назначенными судебными приставами и по уставу обязаны находиться при оружии двадцать четыре часа в сутки.

Голос Макферсона разрезал воздух, как стальной кабель:

— Статья триста девяносто один федерального закона о пенитенциарных учреждениях и заведениях для невменяемых преступников гласит, что требование о ношении оружия гражданскими лицами может быть отменено как их непосредственным начальством, так и лицами, отвечающими за работу и меры предосторожности в тюрьмах и психлечебницах. Господа, вы находитесь под юрисдикцией этой поправки. С оружием вы не войдете в эти ворота.

Тедди посмотрел на Чака. Тот уставился на протянутую ладонь и пожал плечами.

— Мы хотим, чтобы это было зафиксировано, — сказал Тедди.

Макферсон повернулся к одному из сопровождающих:

— Охранник, прошу зафиксировать факт применения поправки в отношении судебных приставов Дэниелса и Ауле.

— Есть, сэр.

— Господа? — повторил Макферсон.

Охранник справа от него раскрыл небольшую кожаную сумку.

Тедди поднял полу плаща и вытащил из кобуры служебный револьвер. Движением кисти открыл барабан и положил оружие в протянутую ладонь. Макферсон передал его охраннику, тот спрятал оружие в кожаную сумку, Макферсон же повторно протянул ладонь.

Чак, в отличие от Тедди, какое-то время возился с кобурой, но Макферсон, не выказывая нетерпения, ждал, пока тот неуклюже вложит револьвер в его широкую длань.

Макферсон передал оружие охраннику, тот пополнил содержимое сумки и прошел в ворота.

— Ваше оружие будет храниться в комнате личных вещей рядом с офисом смотрителя, — голос Макферсона прошелестел, как листья на ветру, — в главном здании, которое находится в центре комплекса. Вы его заберете в день отъезда. — Он снова позволил себе ковбойскую ухмылочку. — Ну что, официальная часть на сегодня закончена. Не знаю, как вы, а лично я вздохну с облегчением. Как вы насчет того, чтобы познакомиться с доктором Коули?

Он повел их вперед, ворота за ними закрылись.

По обе стороны от главной дорожки, вымощенной тем же кирпичом, из которого была сложена стена, раскинулись лужайки. За травой и деревьями и клумбами и даже за кустами роз, высаженными вдоль здания больницы, ухаживали садовники с кандалами на ногах, под присмотром санитаров. Другие пациенты, тоже в кандалах, прохаживались по территории утиными шажками. В основном мужчины, лишь несколько женщин.

— Видели бы вы старые фотографии, — сказал Макферсон. — Когда сюда приехали первые врачи, тут были сплошные заросли армерии и кустарник. — А сейчас...

Справа и слева от больницы стояли два одинаковых краснокирпичных здания в колониальном стиле с цоколем, выкрашенным в яркий белый цвет, зарешеченными окнами и переплетами, пожелтевшими от морских испарений. Сама больница, из отполированного морской стихией камня и выкрашенная в угольно-черный цвет, имела шесть этажей, и сверху к гостям внимательно приглядывались мансардные окна.

— Здание построили перед Гражданской войной для штаба батальона, — пояснил Макферсон. — Очевидно, были планы использовать его как тренировочную базу, но, когда война стала неизбежной, все переключились на форт, а здесь позднее разместили военнопленных.

Тедди смотрел на башню, которую заприметил еще с парома. Ее макушка выглядела из-за верхушек деревьев в дальнем конце острова.

— Что за башня?

— Старый маяк, — ответил Макферсон. — В этом качестве не используется с начала восьмисотых годов. Я слышал, что армия

северян держала на нем сторожевых наблюдателей, ну а теперь мы там обрабатываем...

— Пациентов?

Он помотал головой:

— Сточные воды. Вы не поверите, какую только дрянь к нам не приносит. С парома все выглядит красиво, но отходы целого штата, попадающие из рек в эту гавань, в конце концов оказываются у нас.

— Потрясающе, — сказал Чак, щурясь на солнце, и затянулся сигаретой, чтобы подавить зевок.

— Там, ближе к стене, — Макферсон махнул рукой в сторону корпуса В, — стоит дом командующего северян. Вы могли его заметить, когда поднимались на гору. Тогда он обошелся в кругленькую сумму, и, когда дядя Сэм получил счет, командующего сняли с должности. Этот дом стоит посмотреть.

— И кто там сейчас живет? — спросил Тедди.

— Доктор Коули, — ответил Макферсон. — И смотритель больницы. Эти двое создали здесь нечто уникальное.

Они огибали комплекс с тыла, встречая по дороге новых садовников в кандалах, за которыми присматривали санитары; многие мотыжили суглинок возле задней стены. Одна садовница, женщина средних лет с жиidenькими пшеничными волосами, просвечивавшими на макушке, вытаращилась на Тедди и приложила палец к губам. На ее шее выделялся багровый шрам размером с лакричную конфету. Она улыбнулась ему, не отнимая пальца от губ, и медленно, в знак запрета, покачала головой.

— Коули в своей области человек легендарный, — говорил Макферсон, пока они огибали здание больницы. — Лучший студент, что в Джоне Хопкинсе, что в Гарварде, опубликовал свою первую работу по патологии бреда в двадцать лет. Многократно консультировал Скотленд-Ярд, МИ-6 и УСС.^[2]

— Зачем?

— Зачем? — переспросил Макферсон.

Тедди кивнул. Вопрос казался ему логичным.

— Ну... — Макферсон был в замешательстве.

— Взять УСС, для начала, — сказал Тедди. — Зачем им консультироваться с психиатром?

— Военная область, — наконец ответил Макферсон.

— Допустим. — Тедди говорил с расстановкой. — А конкретнее?

— Информация засекреченная, — сказал Макферсон. — Так я предполагаю.

— Какая же она засекреченная, если мы об этом говорим? — заметил Чак, переглянувшись с напарником.

Макферсон, уже поставивший ногу на ступеньку лестницы, что вела к дверям больницы, застыл в растерянности. Он скользнул взглядом по изгибу оранжевой стены, а затем сказал:

— Спросите у него сами. У него как раз должно было закончиться совещание.

Они поднялись по ступенькам и вошли в отделанное мрамором фойе, увенчанное купольным сводом с кессонами. Перед ними с характерным звуком открылись автоматические двери, и они очутились в большой приемной, где за столами, справа и слева, сидели санитары, а вглубь уходил длинный коридор, упиравшийся в еще одни автоматические двери. У подножия лестницы, уходящей наверх, пока Макферсон записывал все три фамилии в реестр, они предъявили свои бляхи санитару, тот сравнил их фото с подлинниками и вернул удостоверения владельцам. За спиной у санитара, в зарешеченной клетушке, обнаружился мужчина в такой же униформе, как смотритель больницы; за ним, на стене, висели ключи.

Они поднялись на второй этаж и свернули в коридор, пропахший лесным мылом. Дубовый пол блестел, отражая свет, проникавший через большое окно в конце коридора.

— Секьюрити у вас хватает, — сказал Тедди.

— Мы принимаем все меры предосторожности, — ответствовал помощник смотрителя.

— За что общественность вам благодарна, мистер Макферсон, не сомневаюсь, — вставил Чак.

— Поймите одну вещь. — Макферсон снова обращался к Тедди. Они шли мимо закрытых офисов с именами врачей на серебряных табличках. — Другого такого заведения в стране просто нет. Мы принимаем самых сложных пациентов. Тех, с кем больше ни одна больница не справится.

— Здесь находится Грайс, верно? — спросил Тедди.

Макферсон кивнул:

— Винсент Грайс, да. В корпусе С.

— Грайс — это тот, который... — обратился Чак к напарнику.

— Да. Укокошил всю свою родню, потом скальпировал и сделал себе из их скальпов головные уборы.

— И в них разгуливал по городу, — продолжил Чак.

— Если верить газетам.

Они остановились перед двустворчатой дверью. Медная табличка гласила:

НАЧМЕД ДОКТОР ДЖ. КОУЛИ

Макферсон, взявшись за ручку двери, повернулся к ним и посмотрел пронзительным взором.

— В менее просвещенный век, — сказал он, — этого Грайса посадили бы на электрический стул. А здесь его изучают, выявляют патологию, возможно, даже сумеют купировать отклонения в мозгу, заставившие его столь радикально нарушить общепринятые нормы поведения. Если так, то можно надеяться, что наступит день, когда подобные аномалии в нашем обществе будут полностью искоренены.

Его пальцы застыли на дверной ручке. Казалось, он ждал ответной реплики.

— Мечтать не вредно, — сказал Чак. — Не так ли?

Доктор Коули был до того худ, что казался истощенным. Не то чтобы ходячий скелет, каковых Тедди насмотрелся в Дахау, но немного откормить его не мешало бы. Его маленькие темные глаза сидели глубоко в глазницах, на лицо легли тени. Его щеки даже не ввалились, а провалились, и кожа вокруг была вся в застарелых прыщах. Тонкость губ и носа могла поспорить с его собственной худобой, подбородок практически отсутствовал. Остатки волос были такими же темными, как глаза и тени под ними.

Зато он обладал яркой взрывной улыбкой, в которой сквозила уверенность в себе, отчего радужницы делались светлее, и ее-то он и пустил в ход, выходя из-за стола им навстречу с протянутой рукой.

— Пристав Дэниелс. Пристав Ауле. Рад, что вы смогли так быстро выбраться.

Его рука оказалась сухой и гладкой, как у статуи, а пожатие жестоким, до костей, и оно отзывалось у Тедди до самого предплечья. В глазах Коули зажегся огонек — дескать, не ожидал, да? — а затем он повернулся к Чаку:

— Очень рад, сэр. — Улыбка пулей улетела, он уже обращался к помощнику смотрителя. — Пока всё, Макферсон. Спасибо.

— Да, сэр, — откликнулся тот. — Мое почтение, господа. — И с этими словами вышел из кабинета.

Улыбка вернулась на лицо Коули в клейкой версии, напомнившей Тедди пленку на супе.

— Хороший человек. Макферсон. Неравнодушный.

— К чему? — спросил Тедди, присаживаясь возле стола.

Улыбка трансформировалась, съехав на одну сторону и там застыв.

— Простите?

— Он неравнодушный, — повторил Тедди. — К чему?

Коули, сев за стол из тикового дерева, развел руки:

— К работе. В нашем случае это моральный сплав закона, порядка и врачебного внимания. Еще пятьдесят лет назад, а то и меньше, отношение к таким пациентам, как наши, было однозначное: в лучшем

случае заковать в кандалы и пусть гниют в собственном дерьме. Их систематически избивали, как будто психоз можно выбить из человека. Их демонизировали. Их истязали. Подвешивали на дыбе. Загоняли шурупы в черепную коробку. Иногда топили.

— А сейчас? — спросил Чак.

— Сейчас мы их поддерживаем. Морально. Мы пытаемся их вылечить, поставить на ноги. А если это не удается, то, по крайней мере, обеспечиваем им необходимый покой.

— А как же их жертвы? — спросил Тедди.

Коули поднял брови. Он ждал продолжения.

— Это ведь люди, совершившие жестокое насилие, — сказал Тедди. — Так?

Коули кивнул:

— Весьма жестокое, да.

— Они кого-то мучили, — продолжал Тедди. — Кого-то даже убили.

— Подавляющее большинство.

— Тогда почему их покой важнее покоя их жертв?

Коули подбирал слова:

— Моя работа состоит в том, чтобы лечить этих людей, а не их жертв. Их жертвам я уже не в силах помочь. В любой работе существуют свои рамки. В моей тоже. Она ограничена кругом моих пациентов. — Он улыбнулся. — Разве сенатор не объяснил вам ситуацию?

Тедди и Чак обменялись короткими взглядами.

— Мы ничего не знаем ни о каком сенаторе, доктор. Нас назначила окружная судебная палата.

Коули поставил локти на зеленую книгу записей, сложил ладони и, положив на них подбородок, возврился на них поверх очков.

— Стало быть, я ошибся. И что вам сказали на инструктаже?

— Нам известно, что пропала заключенная. — Тедди положил на колени блокнот и перелистнул несколько страниц. — Рейчел Соландо.

— Пациентка, — поправил его Коули с застывшей на лице улыбкой.

— Пациентка, — согласился Тедди. — Прошу прощения. Если мы правильно поняли, с момента побега еще не прошло двадцати четырех часов.

Коули чуть наклонил подбородок вместо кивка.

— Побег был совершен прошлой ночью. Между десятью и полуночью.

— И до сих пор ее не нашли, — уточнил Чак.

— Верно, пристав... — Доктор поднял руку, как бы извиняясь.

— Ауле, — напомнил Чак.

Лицо Коули вытянулось поверх сложенных рук. Об оконное стекло за его спиной шлепнулось несколько капель. То ли с неба, то ли с моря — Тедди не смог определить.

— А имя — Чарльз?

— Да.

— Я буду вас звать Чарльз, если не возражаете, — сказал Коули.

— Мне повезло.

— В смысле?

— Имена не выбирают, — сказал Чак. — Хорошо хоть с именем угадали.

— И кто же его выбрал?

— Мои родители.

— Нет, фамилию?

Чак пожал плечами:

— Кто знает. Нам придется вернуться на двадцать поколений назад.

— Или на одно.

Чак подался вперед:

— Простите?

— Вы грек или армянин, — сказал Коули. — Кто же?

— Армянин.

— А фамилия Ауле...

— Когда-то была Анасмаджан.

Коули перевел свой прищур на второй объект:

— А ваша?

— Дэниелс? Ирландская фамилия в десятом поколении. — Губы Тедди тронула улыбка. — И я знаю всех своих предков, доктор.

— А полное имя? Теодор?

— Эдвард.

Коули отвалился на стуле, руки упали на стол. Он постучал ножичком по краю столешницы; звук был тихий и настойчивый, как

падающий на крышу снег.

— Имя моей жены Маргарет, но, кроме меня, никто ее так не называет, — сказал он. — Для старых друзей она Марго, и в этом есть смысл, все же прочие зовут ее Пегги. И вот это мне совершенно не понятно.

— Что?

— Как из Маргарет получилась Пегги. И ведь это распространенный случай. Или как из Эдварда получается Тедди. В *Маргарет* нет «п», в *Эдварде* нет «т».

Тедди пожал плечами.

— Как ваше имя?

— Джон.

— Вас никогда не называли Джеком?

Коули покачал головой:

— Для большинства людей я просто «доктор».

Вода поплесывала в оконное стекло. Коули как будто прокручивал в уме их разговор, глаза его сделались блестящими, а взгляд отсутствующим. И тут голос подал Чак:

— Мисс Соландо считается опасной?

— Все наши пациенты склонны к насилию, — ответил Коули. — Поэтому они здесь. Как мужчины, так и женщины. Рейчел Соландо — вдова убитого на войне. Она утопила троих своих детей в озере за домом. Отводила по очереди и удерживала их головы под водой, пока они не захлебнулись. Потом принесла их обратно домой, рассадила за кухонным столом и спокойно ела, когда к ней заглянул сосед.

— Она и его убила? — спросил Чак.

Брови Коули приподнялись, он тихо вздохнул.

— Нет. Пригласила с ними позавтракать. Он, естественно, отказался и позвонил в полицию. Рейчел по-прежнему считает, что дети живы и дожидаются ее дома. Это может объяснить мотив ее побега.

— Желание вернуться домой, — уточнил Тедди.

Коули кивнул.

— А где ее дом? — спросил Чак.

— Маленький городок в Беркшире. Приблизительно сто пятьдесят миль отсюда. — Коули мотнул головой в сторону окна за

спиной. — Отсюда вплавь до материка одиннадцать миль. А на север пришлось бы плыть до самого Ньюфаундленда.

— Остров прочесали? — спросил Тедди.

— Да.

— Достаточно тщательно?

Коули поиграл серебряной статуэткой лошади, что стояла в углу стола, прежде чем ответить.

— Смотритель больницы и его люди вместе с санитарами всю ночь и почти целое утро осматривали остров и каждое здание больничного комплекса. Никаких следов. Еще тревожнее то обстоятельство, что никто не может объяснить, каким образом ей удалось ускользнуть из палаты. Комната запирается снаружи, а единственное окно забрано решеткой. Никаких признаков того, что кто-то ковырялся в замке, мы не обнаружили. — Он перевел взгляд со статуэтки на гостей. — Впечатление такое, будто она испарилась сквозь стены.

Тедди записал у себя в блокноте слово «испарилась».

— А вы уверены, что во время отбоя она находилась в своей палате?

— Абсолютно.

— На каком основании?

Коули оставил в покое лошадь и нажал на кнопку селекторной связи.

— Сестра Марино?

— Да, доктор.

— Пожалуйста, попросите ко мне мистера Гантона.

— Сию минуту, доктор.

У окна стоял столик, а на нем кувшин с водой и четыре стакана. Коули подошел к столику и наполнил три стакана, два поставил перед гостями, а с третьим вернулся на свое место.

— У вас здесь не найдется аспирина? — спросил Тедди.

Главврач едва заметно улыбнулся.

— Думаю, найдем. — Он порылся в выдвижном ящике и достал флакон «Байера». — Две, три?

— Лучше три.

Тедди уже чувствовал пульсирующую боль в глазу. Коули протянул ему таблетки, он бросил их в рот и запил водой.

— Подвержены головным болям, пристав?

— Морской болезни, увы.

Коули понимающе кивнул:

— Обезвоживание организма.

Тедди подтвердил кивком, а Коули открыл сигаретницу из греческого ореха и поднес ее гостям. Тедди взял одну, Чак же, мотнув головой, достал собственную пачку, и все трое закурили. Главврач поднял фрамугу.

Он снова сел и протянул через стол фотографию: молодая женщина, чье красивое лицо портили круги под глазами, такие же черные, как ее волосы. Глаза широко раскрыты, как будто их распирало от внутреннего жара. А то, что им открывалось за объективом камеры, за фотографом, а возможно, и за пределами видимого мира, не предназначалось для посторонних глаз.

Что-то в ее лице вызвало у Тедди тревожную ассоциацию, а потом он сообразил: паренек в концлагере, отказывавшийся от еды, которую ему предлагали. Он сидел у стены на апрельском солнышке с застывшим выражением глаз, пока его веки не закрылись. Бездыханное тело добавили к горе трупов на железнодорожной платформе.

Чак тихо присвистнул:

— О господи.

Коули сделал затяжку.

— Это реакция на ее бесспорную красоту или бесспорное безумие?

— И то и другое, — ответил Чак.

Эти глаза, думал Тедди. Даже застывшие во времени, они кричали. Хотелось залезть внутрь картинки и сказать ей: «Ну, ну, ну. Все хорошо, все хорошо. Шшш». Хотелось держать ее за плечи, пока не пройдет озноб, и произносить утешительные слова.

Дверь открылась, и вошел высокий негр с седыми прядками, в белой униформе санитара.

— Мистер Гантон, — сказал Коули, — это джентльмены, о которых я вам говорил. Приставы Ауле и Дэниелс.

Тедди с Чаком встали и обменялись с Гантоном рукопожатиями. Тедди почувствовал, как от этого человека буквально исходит страх, возможно, от того, что он пожимает руку представителям закона, а у него дома лежит парочка повесток в суд.

— Мистер Гантон работает у нас вот уже семнадцать лет. Он главный санитар. Это он сопровождал Рейчел в ее палату прошлой ночью. Мистер Гантон?

Гантон, усевшись, скрестил лодыжки, положил на колени руки и немного подался вперед, глядя на свои ботинки.

— В девять собирались группа, а после...

Коули его перебил:

— Речь о сеансах групповой терапии, которые проводят доктор Шин и сестра Марино.

Гантон подождал, не захочет ли Коули еще что-то добавить, а затем продолжил:

— Ну вот. Значит, в десять они закончили, и я повел Рейчел в палату. Она вошла. Я запер дверь снаружи. После отбоя, каждые два часа, мы делаем обход. В двенадцать прихожу. Заглядываю в глазок, а койка пустая. Может, думаю, на полу лежит. Пациенты, они часто на полу спят. Открываю дверь...

И снова Коули вмешался:

— Своим ключом, правильно, мистер Гантон?

Тот кивнул, разглядывая собственные колени.

— Своим, ага, дверь-то заперта. Вхожу. Мисс Рейчел нигде не видать. Я закрыл дверь и проверил решетку на окне и само окно. Вроде крепко заперто. — Он передернул плечами. — Тогда я позвонил смотрителю. — Он поднял глаза на Коули, который по-отечески ему кивнул.

— Есть вопросы, господа?

Чак мотнул головой.

Тедди оторвался от блокнота.

— Мистер Гантон, вы сказали, что вошли в палату и убедились в том, что пациентки нет на месте. Вы не разовьете свою мысль?

— Сэр?

— Там есть стенной шкаф? Есть место под койкой, где она могла спрятаться?

— Все есть.

— И вы там и там проверили?

— Да, сэр.

— Притом что дверь оставалась открытой.

— Сэр?

— Вы сказали, что вошли в палату и не увидели там пациентки. А *потом* закрыли дверь.

— Вообще-то... Ну...

Тедди подождал и затянулся сигаретой, которую ему дал Коули. Дым был мягче и насыщеннее, чем у его «Честерфилда», и запах тоже другой, сладковатый.

— Дело-то на пять секунд, сэр, — пояснил Гантон. — Глянул в шкаф, глянул под койку и закрыл дверь. Где ей там прятаться-то? На пятаке?

— А прижаться к стене? Справа или слева от двери?

— Да ну. — Гантон помотал головой, и, хотя глаза были опущены долу, Тедди впервые ощущил исходившую от него волну досады и глухого недовольства при всех этих услужливых «да, сэр» и «нет, сэр».

— Маловероятно, — обратился Коули к Тедди. — Я вижу, пристав, к чему вы клоните, но когда вы увидите эту комнатку, то поймете, что мистеру Гантону было бы крайне трудно не заметить пациентку, где бы она в тот момент ни находилась.

— Вот именно. — Гантон уже смотрел приставу в лицо, и в его взгляде сквозили вызов и гордость за безупречно сделанную работу, которую он, Тедди, своими вопросами поставил под сомнение.

— Благодарю вас, мистер Гантон, — сказал Коули. — Пока достаточно.

Гантон поднялся, еще на пару секунд задержавшись взглядом на приставе, и со словами «Спасибо, доктор» покинул офис.

С минуту они молча докуривали свои сигареты, прежде чем затушить их в пепельницах. После чего Чак произнес:

— Я думаю, нам следует осмотреть палату, доктор.

— Разумеется. — Коули встал из-за стола. В его огромной пятерне была связка ключей. — Следуйте за мной.

Это была клетушка с открывавшейся внутрь железной дверью; благодаря хорошо смазанным петлям она открывалась до самого конца. Слева от входа, за небольшим простенком, находился деревянный чуланчик, где на пластмассовых вешалках висели блузы и брюки на завязках.

— Похоже на правду, — признал Тедди.

Коули кивнул:

— От человека, стоящего на пороге, здесь спрятаться негде.

— А на потолке? — сказал Чак, и все трое задрали головы, а Коули позволил себе улыбнуться.

Главврач закрыл за собой дверь, и Тедди позвоночником почувствовал себя узником. Над узкой койкой зарешеченное окошко. У правой стены крошечный комод. Цементные стены и пол казенного белого цвета. В этой каморке три человека неизбежно терлись локтями.

— Кто еще имел сюда доступ? — спросил Тедди.

— Среди ночи? В такое время нет никому резона заглядывать в этот корпус.

— Это понятно, — сказал Тедди. — Но кто сюда имеет доступ?

— Санитары, естественно.

— Лечащие врачи? — спросил Чак.

— Медсестры, — уточнил Коули.

— У врача нет ключей? — спросил Тедди.

— Есть. — В голосе Коули почудилось легкое раздражение. — Но в десять вечера все врачи расписываются в журнале.

— И сдаают ключи?

— Да.

— Это зафиксировано? — гнул свое Тедди.

— Я не понимаю.

— Они должны расписываться за получение и сдачу ключей, доктор. Правильно?

— Разумеется.

— И мы можем проверить расписи в журнале за вчерашний вечер, — уточнил Тедди.

— Да-да. Конечно.

— Журнал хранится в зарешеченной будке на первом этаже? — уточнил Чак. — Там, где сидит охранник, а на стене висят ключи?

Коули быстро кивнул.

— А еще личные дела медицинского персонала и охранников. Нам понадобится доступ к ним, — сказал Тедди.

Коули уставился на него так, словно на его лице роились мошки.

— Зачем?

— Из запертой палаты исчезла женщина. Она прячется на маленьком острове, и никто не может ее найти? Доктор, я не вправе

исключать того, что кто-то оказывал ей помощь.

— Посмотрим, — сказал Коули.

— *Посмотрим?*

— Да, пристав. Мне надо переговорить со смотрителем и кое-кем из персонала. Мы рассмотрим вашу просьбу, основываясь на...

— Доктор, — перебил его Тедди. — Это не просьба. Мы находимся здесь в соответствии с правительственным указом. Это федеральное учреждение, из которого опасный преступник...

— Пациент.

— Опасный пациент совершил побег. — Тедди старался говорить ровным голосом. — Если вы, доктор, не оказываете содействия американским судебным приставам в поимке такого пациента, это расценивается как... Чак?

— Воспрепятствование отправлению правосудия.

Коули попытался прочесть в глазах Чака, не потому ли тот поддакивает, что опасается наезда со стороны напарника, но их взгляды не встретились.

— Могу сказать одно. — Голос Коули был лишен всяких эмоций. — Я сделаю все, чтобы выполнить вашу просьбу.

Приставы переглянулись и снова посмотрели на голые стены. Наверно, Коули не привык, чтобы после того как он выказал свое неудовольствие, ему продолжали задавать вопросы, так что они решили дать ему короткую передышку.

Тедди заглянул в чуланчик, где висели три белые блузы и стояли две пары белых туфель.

— Сколько пар обуви выдают пациентам?

— Две.

— То есть она сбежала босая?

— Да. — Коули поправил галстук под лабораторным халатом и показал пальцем на лист бумаги, лежащий на койке. — Мы нашли это за комодом. Смысл непонятен. Мы надеемся, что кто-то сумеет нам объяснить.

Тедди взял лист. Оборотная сторона представляла собой оптометрическую таблицу в виде пирамиды букв, уменьшающихся по мере приближения к основанию. Он перевернул лист и поднес текст к глазам Чака.

ЗАКОН 4

Я 47
ИМ 80

+ ВАС 3

НАС 4
НО
КТО 67?

Этот листок не вызывал у Тедди приятных чувств. Края бумаги подрагивали в его пальцах.

- Хер поймешь, — сказал Чак.
- Сзади к ним подошел Коули.
- Наш диагноз недалек от вашего.
- Нас трое, — сказал Тедди.
- Чак бросил повторный взгляд на листок.
- Чего?
- Это может относиться к нам, — пояснил Тедди. — Мы втроем стоим здесь.
- Чак помотал головой:
- Как она могла это предсказать?
- Тедди пожал плечами:
- Это всего лишь гипотеза.
- Ну да.
- Гипотеза гипотезой, но Рейчел весьма изобретательна по части игр. Ее галлюцинации — особенно убеждение, что трое ее детей по-прежнему живы, — зиждутся на шатком, но замысловатом фундаменте. А сшивает она эту структуру затейливой повествовательной нитью своей жизни, выдуманной от начала до конца.
- Чак медленно поднял взгляд на Коули и сказал:
- Боюсь, что без ученой степени вас не понять.
- Коули хмыкнул:
- Вспомните, сколько небылиц вы рассказывали родителям в детстве. Какими они были изощренными. Вместо того чтобы дать

простое объяснение, почему вы пропустили школу или забыли про домашние обязанности, вы что-то накручивали, изобретали. Разве нет?

Чак, подумав, кивнул.

— Да, — сказал Тедди. — Преступники поступают так же.

— Совершенно верно. Напускают туману. Запутывают слушателя, чтобы тот поверил, — не потому, что это правда, а просто от усталости. А теперь представьте, что эти небылицы вы рассказываете сами себе. Как Рейчел. За четыре года она ни разу не призналась себе в том, что находится в клинике. Она полагает, что живет в своем доме, в Беркшире, а мы — разносчики, молочники, почтовые служащие — просто ходим мимо. Какой бы ни была реальность, усилием воли она делает собственные иллюзии убедительнее.

— Но как может не доходить до нее истинное положение дел? — спросил Тедди. — Как ни крути, она в больнице для душевнобольных. Она же не может этого совсем не замечать?

— А-а. — Коули поднял вверх указательный палец. — Вот она, пугающая красота параноидального мышления настоящего шизофреника. Если ты веришь в то, что ты единственный знаешь правду, то из этого следует, что все прочие — лгуны. А если они лгуны...

— То любая правда в их устах становится ложью, — закончил за него Чак.

Коули оттопырил большой палец, а указательный направил на Чака, как дуло пистолета:

— Смысл ухватили.

— И это каким-то образом нашло отражение в данных цифрах? — предположил Тедди.

— Скорее всего. За ними наверняка что-то стоит. У Рейчел ни одна мысль не бывает праздной или случайной. Ей важно уберечь мозг от распада, а для этого она должна постоянно *думать*. Мы имеем дело, — он постучал пальцем по оптометрической пирамиде, — с некой структурой. Которая, убежден, содержит информацию о ее местонахождении.

На мгновение Тедди показалось, что криптограмма с ним разговаривает, понемногу проясняясь. С двумя числами — 47 и 80 — вывод напрашивался, что-то такое брезжило в мозгу, как забытая мелодия, которую пытаешься вспомнить, пока по радио передают

нечто совсем другое. К 47 ключик, вот он. Руку протяни. Это так просто. Ну же...

Но логический мостик рухнул, все разом стерлось из памяти, и стало понятно, что надо ловить заново — и ключ, и связь, и мостик. Тедди положил листок бумаги обратно на койку.

— Бред, — сказал Чак.

— Что именно? — поинтересовался Коули.

— Куда она могла пропасть. По-моему, бред.

— Ну да, — согласился Коули. — Это данность.

Они вышли. От лестницы в обе стороны уходил коридор. Палата Рейчел была слева от лестницы, примерно посередине коридора.

— Это единственный выход? — спросил Тедди.

Коули кивнул:

— С крыши сюда нельзя проникнуть? — спросил Чак.

Коули помотал головой:

— На крышу можно попасть только по пожарной лестнице с южной стороны здания. На лестницу ведет специальная дверь, которая всегда заперта. Ключи от нее есть только у персонала. Чтобы попасть на крышу, ей пришлось бы спуститься вниз, выбраться наружу, воспользоваться ключом и по пожарной лестнице залезть на крышу.

— Но крышу проверяли?

Кивок.

— Как и все комнаты в этом корпусе. Сразу же. Как только обнаружили, что она исчезла.

Тедди показал пальцем на санитара, сидевшего возле лестницы за столиком.

— Это круглосуточный пост?

— Да.

— Значит, кто-то здесь сидел прошлой ночью.

— Санитар Гантон, кстати сказать.

Они подошли к лестнице.

— Короче... — сказал Чак, глядя на напарника с вопросительно поднятыми бровями.

— Да, — согласился тот.

— Короче, — повторил Чак. — Мисс Соландо из запертой палаты попадает в коридор, спускается по ступенькам... — Они спустились на один пролет, и Чак показал большим пальцем на другого санитара, что дежурил на лестничной площадке второго этажа. — Незаметно проходит мимо второго санитара, непонятно как, вероятно сделавшись невидимкой, спускается еще на один этаж и выходит наружу...

Спустившись на нижний этаж, они увидели перед собой просторную комнату с несколькими кушетками вдоль стен, большим раскладным столом и складными стульями в центре. Через эркеры комнату заливал уличный свет.

— Комната отдыха, — сказал Коули. — Здесь пациенты в основном проводят вечера. Вчера здесь состоялась групповая терапия. Вы видите портик, а за ним пост медицинской сестры. После отбоя здесь собираются санитары. Вообще-то они должны драить пол, мыть окна и тому подобное, но чаще всего мы их застаем за картами.

— А прошлой ночью?

— По свидетельству тех, кто вчера находился на дежурстве, карточная игра была в самом разгаре. Семеро мужчин, сидя за столом у подножия этой лестницы, резались в покер.

Положив руки на бедра, Чак с шумом выпустил из легких воздух.

— И тут наш человек-невидимка поворачивает направо или налево.

— Повернув направо, она попала бы сначала в столовую, потом в кухню, а за ней зарешеченная дверь с сигналом тревоги, который включается в девять, после ухода кухонного персонала. Повернув налево, она должна была бы пройти мимо поста и комнаты отдыха для врачей. Оттуда нет выхода наружу. Их только два: в противоположном конце или по коридору за лестницей. У обоих выходов вчера дежурили люди. — Коули глянул на часы. — Господа, у меня совещание. Если у вас возникнут вопросы, пожалуйста, обращайтесь к медперсоналу или лично к Макферсону. Он непосредственно занимается поисками и располагает всей необходимой информацией. Ужин для персонала — ровно в шесть, в большой столовой, она находится в подвальном этаже общежития для санитаров. После ужина все собираются здесь, в комнате отдыха, и вы сможете поговорить с любым, кто дежурил прошлой ночью, когда произошел инцидент.

Он вышел в дверь, и они смотрели ему вслед, пока он не скрылся из виду, свернув налево.

— Без «крота» тут явно не обошлось, что скажешь? — спросил Тедди.

— А мне нравится версия человека-невидимки. Может, она знает магическую формулу. И сейчас наблюдает за нами. А? — Быстро

гляднув назад через плечо, он снова обратился к Тедди. — Есть над чем поразмыслить.

Во второй половине дня они присоединились к поисковой партии и двинули в глубь острова. Бриз потеплел и словно тяжестью налился. Большая часть территории была во власти дикой природы: поля, поросшие сорняками и высокой травой, за ноги цеплялись корни старых дубов, в тело впивались колючие побеги. Эти буйные заросли в основном были непроходимыми, даже если ты держал в руке мачете, как некоторые из охранников. У Рейчел Соландо не было мачете, но даже если бы был, сама природа вытолкнула бы ее на берег.

В глазах Тедди вся поисковая экспедиция выглядела бессмысленной, так как кроме него и Чака в конечный успех, кажется, никто не верил. Люди угрюмо прочесывали периметр, глядя себе под ноги. В какой-то момент, обогнув россыпь черных валунов, они увидели перед собой утес, уходивший в море. Слева, за травостоем, где мох, репейник и кусты с красными ягодами образовали немыслимый клубок, виднелась прогалина, тянувшаяся до подножия низких холмов. Холмы постепенно подрастили, так что каждый следующий был выше предыдущего, и последним в ряду был зазубренный утес. Тедди обратил внимание на овальные проемы на боку утеса.

— Пещеры? — обратился он к Макферсону.

Тот кивнул:

— Есть несколько.

— Вы их осмотрели?

Макферсон, вздохнув, сложил «домиком» ладони от ветра и закурил тонкую сигарету.

— У нее две пары обуви, пристав, и обе остались в чулане. Как можно босиком пройти по этим джунглям, через которые мы-то кое-как прорвались, потом по этим валунам, да еще взобраться на утес?

Тедди показал на самый пологий холм за прогалиной:

— А если она выбрала обходной маршрут и поднялась наверх с западной стороны?

Рядом с пальцем пристава появился второй.

— Видите, где обрывается прогалина? У кончика вашего пальца? Это болотина. А подножие холмов поросло ядовитым плющом,

виргинским дубом, сумахом и тысячью всяких сорняков, у которых колючки размером с мой член.

— Такие же большие или такие же маленькие? — полюбопытствовал шедший впереди Чак, обернувшись через плечо.

Макферсон улыбнулся:

— Средние.

Чак понимающе кивнул.

— Что я хочу сказать, господа? У нее не было другого выхода, кроме как держаться береговой линии, которая, в какую сторону ни иди, довольно скоро обрывается. — Он показал на утес. — И ты утыкаешься в скалу.

Часом позже они уткнулись в ограждение на противоположной стороне острова. За ним виднелись старый форт и маяк, обнесенный собственным забором. У ворот стояли два охранника с винтовками наперевес.

— Водоочистка? — спросил Тедди.

Макферсон подтвердил кивком.

Тедди перевел взгляд на Чака. Тот вопросительно поднял брови.

— Водоочистка? — повторил свой вопрос Тедди.

За ужином к ним никто не подсел. Они сидели одни в волглой одежде от случайных капель, заброшенных теплым бризом с океана. В сумерках за окном погромыхивало — бриз перерастал в настоящий ветер.

— Из запертой палаты, — сказал Чак.

— Босая, — сказал Тедди.

— Мимо трех внутренних постов охраны.

— И кучи санитаров.

— Босая, — вторил ему Чак.

Тедди повозил по тарелке волоконца картофельной запеканки с мясом.

— Поверх стены с проволокой под током.

— Или через охраняемые ворота.

— В эту свистопляску.

Ветер сотрясал здание и саму тьму за окном.

— Босая.

— Никем не замеченная.

Чак пожевал еду, отпил глоток кофе.

— Если кто-то на острове умирает, — не без того, правильно? — куда его девают?

— Хоронят.

Чак кивнул.

— Ты сегодня где-нибудь видел кладбище?

Тедди покачал головой:

— Может, где-то за забором.

— Ага. Как и их водоочистка. — Чак отодвинул от себя поднос и откинулся на спинку стула. — Кто на очереди?

— Медперсонал.

— Думаешь, от них будет толк?

— А ты?

Чак усмехнулся. Он закурил, не спуская глаз с Тедди, а его усмешка перешла в тихий смех, в такт которому изо рта повалил дым.

Тедди стоял посередине комнаты, а медперсонал сидел вокруг него. Руки он положил на спинку металлического стула. Рядом Чак, руки в карманы, привалился спиной к балке.

— Я полагаю, вы все в курсе, зачем мы здесь собрались, — начал Тедди. — Прошлой ночью совершен побег. Насколько мы можем судить, пациентка исчезла. У нас нет доказательств, подтверждающих предположение, что пациентка исчезла без посторонней помощи. Вы со мной согласны, Макферсон?

— Угу. Оценка ситуации на данный момент точная.

Тедди уже собирался продолжать, когда подал голос Коули, сидевший рядом с больничной сестрой:

— Господа, вы не представитесь? Не все мои коллеги с вами знакомы.

Тедди встал во весь рост.

— Федеральный судебный пристав Эдвард Дэниелс. А это мой партнер, федеральный судебный пристав Чарльз Ауле.

Чак помахал присутствующим и снова убрал руку в карман. А Тедди продолжил:

— Макферсон, вы с вашими людьми прочесали остров.

— Так точно.

— И что вы нашли?

Макферсон расправился на стуле.

— Ничего, что указывало бы на женщину в бегах. Ни оторванного лоскутка, ни отпечатков ног, ни примятой травы. Течение вчера было сильное из-за мощного прилива, поэтому о заплыве говорить не приходится.

— Она могла попытаться.

Это подала голос медсестра Керри Марино, худенькая, с копной рыжих волос, которые она распустила при своем появлении, вытащив шпильку у самого загривка. Она положила белую шапочку на колени и пальцами обеих рук лениво расчесывала гриву, что можно было бы принять за жест усталости, но, судя по реакции мужчин, исподволь бросавших на нее взгляды, сигнал, который она посыпала, означал приглашение в постель.

— Что вы сказали? — переспросил Макферсон.

Расчесывание прекратилось, и обе руки упали на колени.

— Может, она попыталась отправиться вплавь и утонула?

— Тогда бы ее уже выбросило волной на берег. — Коули зевнул в кулак. — Вон какой прилив.

Марино подняла руку, словно собираясь попросить у всех прощения, но сказала другое:

— Я подумала, что это заслуживает внимания.

— Спасибо, — сказал Коули. — Пристав, пожалуйста, задавайте свои вопросы. У всех позади долгий трудовой день.

Тедди оглянулся на Чака, и тот ответил выразительным взглядом. Пропавшая пациентка, известная своими насильственными действиями, разгуливает на свободе, а все думают только о том, чтобы поскорей завалиться спать.

— Мистер Гантон сообщил нам, что в полночь он заглянул к мисс Соландо и не обнаружил ее у себя. Замки на оконной решетке и на двери остались нетронутыми. Мистер Гантон, прошлой ночью между десятью и двенадцатью ваше наблюдение за коридором на третьем этаже ни разу не прерывалось?

Несколько голов повернулось в сторону Гантона, и Тедди несколько смущился; в насмешливых взглядах читалось: и этот ученик задает вопросы лучшему ученику класса!

Гантон отвечал, разглядывая собственные колени:

— Только когда я заглянул к ней и не застал в палате.

— То есть секунд тридцать.

— Если не пятнадцать. — Он поднял глаза на Тедди. — Комнатка-то крошечная.

— А в остальном?

— А в остальном... В десять всех заперли. Она была последней. Я сидел на посту, возле лестницы, и за два часа никто не проходил.

— И вы ни разу не отлучались?

— Нет, сэр.

— За чашкой кофе, например?

Гантон помотал головой.

— Вот что, ребята, — сказал Чак, отрываясь от балки. — Давайте пофантазируем. Допустим... это не более чем предположение и ничего личного, мистер Гантон... допустим, каким-то образом мисс Соландо прошмыгнула по потолку...

Раздались смешки.

— ...и оказалась на лестнице, ведущей на второй этаж. Мимо кого ей пришлось бы пройти?

Санитар-альбинос с крашеными оранжевыми волосами поднял руку.

— Вас зовут?.. — спросил Тедди.

— Глен. Глен Майга.

— О'кей, Глен. Вы были на посту всю ночь?

— Ну да.

— Глен, — с напором сказал Тедди.

— Чё? — Санитар оторвал взгляд от ногтя, из-под которого он выковыривал грязь.

— Как на духу?

Глен посмотрел на Коули, потом снова на пристава.

— Всю ночь.

— Глен, я жду.

Под пристальным взглядом Тедди у санитара расширились зрачки, и наконец он из себя выдавил:

— В туалет разок сходил.

Коули всем телом подался вперед:

— Кто вас заменил?

— Я только отлить, сэр. По-быстрому. Извиняюсь.

— И долго вы отсутствовали? — спросил Тедди.

Глен повел плечами:

— Минуту. Не больше.

— Минуту. Вы уверены?

— Я же не верблюд.

— Не спорю.

— Зашел-вышел.

— Вы нарушили протокол, — снова вмешался Коули. — Господи.

— Да, сэр. Я...

— Сколько было на часах? — спросил Тедди.

— Одиннадцать тридцать. Около того. — Страх Глена перед главврачом перерастал в неприязнь к Тедди. Еще пара вопросов, и дело кончится откровенной враждебностью.

— Спасибо, Глен. — Кивком головы Тедди дал понять партнеру, что пришла его очередь.

— В одиннадцать тридцать или около того игра в покер была в разгаре? — вступил Чак.

Несколько голов повернулись друг к другу, потом к Чаку, потом какой-то негр кивнул, а за ним закивали и остальные.

— Кто еще играл в карты в это время?

Четыре негра и один белый подняли руки.

Чак сосредоточился на самом активном, на том, который первым кивнул и первым поднял руку. Такой сбитый толстячок, чья бритая голова сияла в лучах света.

— Имя?

— Трей, сэр. Трей Вашингтон.

— Где вы все сидели, Трей?

Толстячок ткнул пальцем в пол:

— Примерно здесь. В центре комнаты. Лестница была прямо перед нами. И обе двери, передняя и задняя, просматривались.

Чак встал рядом, чтобы удостовериться, хорошо ли видны обе двери и лестница.

— Да, все видно.

Трей понизил голос:

— Сэр, вы вот всё про пациентов. А врачи, сестры? Они нас недолюбливают. Вот в карты играть не дают. Ежели кто идет, то сразу хватайся за швабру.

Чак улыбнулся:

— И как, успеваете?

— Молнию видали?

— Ну?

— Против меня со шваброй она тихоход.

Санитары покатились со смеху, двое негров тыкали пальцами соседей в бока, даже медсестре Марино не удалось скрыть улыбки. Тут-то Тедди и понял, что, пока они здесь, Чаку отведена роль доброго следователя. Он умел находить с людьми общий язык вне зависимости от их социальной принадлежности, цвета кожи и языка. Непонятно, как они там в Сиэтле его отпустили, даже при подружке-японке.

Тедди же был такой бычок. Те, кто принимал его таким, как это было на фронте, довольно быстро становились его корешами. Но поначалу чувствовалось напряжение.

— Ну всё, всё. — Чак поднял руку, чтобы утихомирить честную компанию, хотя сам посмеивался. — Итак, Трей, вы все сидели возле лестницы и играли в карты. В какой момент вы поняли, что что-то не так?

— Когда Айк... то есть мистер Гантон... закричал сверху: «Звоните смотрителю! У нас побег!»

— И во сколько это было, помните?

— Двенадцать ноль две и тридцать девять секунд.

У Чака брови полезли вверх.

— Вы что, циферблат?

— Нет, сэр, но я первым делом на него смотрю, ежели что не так. Как ЧП, так мы все заполняем СОП... сообщение о происшествии... а там первый вопрос: «Во сколько?» Сами-то их не раз небось заполняли? Это у нас на автомате. Ежели какая неприятность, сразу смотришь на часы.

Несколько санитаров согласно покивали, сопроводив это дружными «ага», как певчие в хоре.

Чак поглядел на напарника, словно спрашивал: «Во разошлись, да?»

— Значит, двенадцать ноль две, — повторил Чак.

— И тридцать девять секунд.

Тедди Гантону:

— Эти две лишних минуты после полуночи появились из-за того, что вы успели проверить несколько палат до того, как добрались до мисс Соландо?

Гантон кивнул.

— Ее палата — пятая по коридору.

— Когда появился смотритель? — спросил Тедди.

— Первым появился Хиксвилл, охранник. Кажется, он дежурил перед входной дверью. Это было в двенадцать ноль шесть и двадцать две секунды. А смотритель пришел через четыре минуты, и с ним шесть человек.

Тедди повернулся к медсестре Марино:

— Вы услышали шум и...

— Я заперла пост медицинской сестры и направилась в комнату отдыха, как раз когда туда через переднюю дверь входил Хиксвилл. — Она пожала плечами и закурила. Остальные восприняли это как сигнал и тоже засмолили.

— Никто не мог прошмыгнуть мимо вас на посту?

Положив подбородок на тыльную сторону ладони, она взирала на пристава сквозь облако дыма.

— Прошмыгнуть куда? В отделение гидротерапии? Чтобы оказаться запертой в цементной коробке среди ванн и маленьких купален?

— А эту палату осматривали?

— Да, пристав, — ответил Макферсон усталым голосом.

— Сестра Марино, вы ведь участвовали в групповой терапии накануне вечером, — сказал Тедди.

— Да.

— Там не случилось ничего необычного?

— Смотря что вы подразумеваете под необычным.

— Простите?

— Это психбольница, пристав. Для невменяемых преступников. День у нас редко проходит в «обычном» режиме.

Тедди в ответ кивнул со слабой улыбкой.

— Спрошу иначе. Не произошло ли во время вчерашней групповой терапии чего-то такого, что бы отличалось от... гм...

— Нормы? — подсказала она.

Это вызвало улыбку у Коули и несколько смешков.

Тедди кивнул.

С минуту она думала, а тем временем пепельный кончик ее сигареты серел и уже начал загибаться. Заметив это, она стряхнула его в пепельницу и вскинула голову.

— Нет. Уж простите.

— А мисс Соландо вчера что-нибудь говорила?

— Кажется, пару раз, да.

— На тему?

Марино бросила взгляд на главврача.

— В виде исключения, ради приставов, мы можем нарушить правило конфиденциальности.

Она кивнула, хотя было видно, что она не в восторге от такого решения.

— Мы говорили о том, как сдерживать свою ярость. В последнее время у нас было несколько случаев неподобающих вспышек.

— А именно?

— Шум-крики, выяснения отношений и тому подобное. Ничего экстраординарного, так, небольшие стычки, связанные, вероятно, с недавней тепловой волной. Так что вчера мы обсуждали подобающие и неподобающие способы проявления беспокойства и недовольства.

— У мисс Соландо в последнее время были приступы ярости?

— У Рейчел? Нет. Только в дождь приходила в возбуждение. И вчера на терапии об этом говорила. «Я слышу дождь. Я слышу дождь. Его еще нет, но скоро пойдет. А что будет с едой?»

— С едой?

Марино загасила сигарету и покивала:

— Рейчел раздражала кормежка. Она постоянно жаловалась.

— По делу? — спросил Тедди.

Марино вовремя заморозила полуулыбку и опустила взгляд.

— Кто-то, возможно, согласится с такой точкой зрения. Мы не оцениваем мнения и мотивы в моральных категориях «хорошо» или «плохо».

Тедди понимающе кивнул.

— Вчерашнюю групповую терапию вел доктор Шин. Он здесь присутствует?

Никто не отозвался. Несколько мужчин затушили свои сигареты в пепельницах, стоявших между стульями.

В конце концов Коули сказал:

— Доктор Шин уехал сегодня на утреннем пароме. На том самом, которым вы потом приехали.

— Почему?

— Плановый отпуск.

— Но нам надо с ним поговорить.

— У меня есть его обзоры групповых занятий. С комментариями, — сказал Коули. — Вчера в десять вечера он ушел из главного корпуса к себе. А поутру уехал. Его отпуск давно планировался и все время откладывался. Мы не видели причины его задерживать.

Тедди обратился к Макферсону:

— С вашего одобрения?

Тот кивком подтвердил.

— Объявлена строгая изоляция в связи с побегом, — сказал Тедди. — Как вы могли позволить кому-то покинуть территорию?

— Мы проверили, где он находился прошлой ночью, — сказал Макферсон. — Мы все взвесили и не нашли причин, чтобы его задерживать.

— Он *врач*, — подчеркнул Коули.

— Мать честная, — тихо выдохнул Тедди. Грубейшее нарушение предписаний, установленных для всех учреждений пенитенциарной системы, а все ведут себя так, будто ничего не произошло.

— Куда он уехал?

— Простите?

— Вы сказали, что он уехал в отпуск. Куда именно?

Коули, припоминая, поднял глаза к потолку.

— Нью-Йорк, по-моему. Там его семья. Парк-авеню.

— Мне нужен его номер телефона, — сказал Тедди.

— Я не понимаю зачем...

— Доктор, — перебил его Тедди, — мне нужен номер телефона.

— Вы его получите, пристав. — Коули смотрел в потолок. — Что-нибудь еще?

— Да уж, — сказал Тедди.

Коули опустил взгляд на пристава.

— Телефон, — сказал Тедди.

Из телефонной трубки на посту медицинской сестры раздавалось тихое шипение. За стеклом было еще четыре аппарата, но, когда доступ к ним открыли, результат оказался таким же.

Тедди и доктор Коули отправились к центральному коммутатору на первом этаже главного больничного корпуса. Оператор поднял глаза, когда они вошли в дверь. Гарнитура висела у него на шее.

— Сэр, — обратился он к главврачу, — связи нет. Даже по радио.

— Погода вроде ничего.

Оператор пожал плечами:

— Я пытаюсь прорваться. Проблема не в том, какая погода у нас, а в том, что творится на материке.

— Продолжайте, — сказал Коули. — Если связь восстановится, дайте мне знать. Этому джентльмену надо сделать важный звонок.

Оператор кивнул и, отвернувшись, надел наушники.

Воздух за окном напоминал задержанное дыхание.

— Что произойдет, если вы не появитесь в положенное время? — поинтересовался Коули.

— В головном офисе? — уточнил Тедди. — Сообщат об этом в вечернем докладе. А если не появлюсь в течение сорока восьми часов, все задергаются.

Коули понимающе кивнул.

— Может, к тому времени все закончится.

— Закончится? — удивился Тедди. — Еще ничего не началось.

Коули передернул плечами и направился к железной двери.

— Часов в девять я собираюсь пропустить стаканчик и выкурить сигару-другую. Можете заглянуть ко мне домой вместе со своим партнером.

— Вот как, — сказал Тедди. — Значит, мы сможем поговорить?

Коули притормозил и развернулся в его сторону. Темные деревья за окном раскачивались и шелестели листвой.

— А чем мы, пристав, занимаемся?

Чак и Тедди шли по территории в сгустившихся сумерках, физически ощущая, как надвигающийся шторм накапливает в себе духоту, словно природа забеременела и ее все больше распирает.

— Чушь какая-то, — сказал Тедди.

— Угу.

— Товар с гнильцой.

— Как баптист говорю тебе «аминь, брат».

— По поводу, брат?

— Да всей этой болтовни. Я год проработал в Миссисипи.

— Да ну?

— Аминь, брат.

Тедди стрельнул у него еще одну сигаретку и закурил.

— Позвонил в головной офис? — спросил Чак.

Тедди мотнул головой.

— Нет телефонной связи. — Он махнул в сторону неба. — Штормовой фронт.

Чак выплюнул табачную крошку.

— Штормовой фронт? Где?

— В воздухе, не чуешь? — сказал Тедди. — Хотя чтобы вырубился центрком...

— Центрком, — хмыкнул Чак. — Ты дембельнулся или все еще ждешь соответствующие бумаги?

— Коммутатор, — поправился Тедди, отмахнувшись сигаретой. — Называй как хочешь. Радиосвязи, кстати, тоже нет.

— Чего-чего? — У Чака округлились глаза. — И радиосвязи? У них нет и радиосвязи, босс?

Тедди кивком подтвердил.

— Мы заперты на острове, где разыскивается женщина, бежавшая из запертой палаты...

— ...миновавшая четыре поста с охраной...

— ...и комнату, где куча санитаров резались в покер.

— Перемахнула через трехметровую каменную стену...

— ...поверх которой протянута проволока под током.

— Проплыла одиннадцать миль...

— ...против гневливого течения...

— ...чтобы добраться до материка. «Гневливого» — хорошо сказано. И холодного. Градусов девять?

— Тринадцать максимум. К тому же ночью...

— Считай, девять. Тедди, вот что я тебе скажу. Вся эта история...

— Да еще отсутствующий доктор Шин.

— Тебе это тоже показалось странным? Я уж засомневался. Мог бы и больше расковырять задницу этому Коули.

Тедди засмеялся, и его смех, унесенный ночным ветром, растаял в волне далекого прибоя, словно его и не было, словно этот остров и просоленное море хватали то, что вроде бы принадлежало тебе и...

— ...если мы нужны, чтобы эта история попала на обложку журнала?

— А?

— Что, если мы нужны, чтобы эта история попала на обложку журнала? — повторил Чак. — Что, если нас сюда вытащили для того, чтобы помочь им поставить все точки над i?

— Конкретнее, Ватсон.

Очередная улыбка.

— Ладно, босс, следите за моей мыслью.

— Ну-ка, ну-ка.

— Предположим, некий врач по уши влюбился в некую пациентку.

— Мисс Соландо.

— Вы видели ее фото.

— Привлекательная особа.

— Привлекательная? Да это девушка с картинки в личном шкафчике американского солдата. И вот она обработала нашего паренька, Шина... Поняли, куда я клоню?

Тедди отбросил недокуренную сигаретку, искорки вспыхнули на ветру и вместе с окурком унеслись прочь.

— Шин привязывается и решает, что не может без нее жить.

— Здесь ключевое слово «живь». Вдвоем, в большом мире.

— И они делают ноги с этого острова.

— А в эти минуты, может быть, сидят на концерте Толстяка Домино.^[3]

Тедди остановился перед оранжевым торцом общежития для персонала.

— Но тогда почему они не вызвали ищеек?

— Они и вызвали. По протоколу. А на материке подумали, кого бросить на такое дело, и решили послать нас. Если они здесь покрывают соучастника побега, то мы им нужны в качестве алиби — дескать, все сделано согласно букве закона.

— О'кей, — согласился Тедди. — Но зачем им покрывать Шина?

Чак уперся подошвой ботинка в стену, чтобы поразмять колено, а заодно прикурил.

— Не знаю. Это еще надо обмозговать.

— Если Шин действительно увез ее отсюда, то он должен был кой-кого подмазать.

— Как пить дать.

— Многих людей.

— Нескольких санитаров. Парочку охранников.

— Кого-то на пароме. Может, и не одного.

— Если он уехал на пароме. У него могла быть собственная яхта.

Тедди на пару секунд задумался.

— Он человек не бедный. Парк-авеню, сказал Коули.

— Значит, собственная яхта.

Тедди поднял глаза к тонкой проволоке поверх стены. Атмосферу распирало, как пузырьки воздуха.

— Вопросов больше, чем ответов, — промолвил Тедди после паузы.

— То есть?

— Что значит этот шифр в палате Рейчел Соландо?

— Она же сумасшедшая.

— Но зачем показывать его нам? Я хочу сказать, если это операция прикрытия, то не проще ли, чтобы мы подписали рапорт и уехали восвояси? «Сиделка уснула». Или «Мы не заметили, что замок на оконной решетке проржавел».

Чак прижал ладонь к стене.

— А может, они это от одиночества. Соскучились по компании извне.

— Почему нет. Сочинили историю, чтобы заманить нас сюда. Будет о чем поговорить. Вполне правдоподобно.

Чак, повернувшись, разглядывал «Эшклиф».

— Шутки в сторону...

Тедди тоже повернулся, и теперь они вдвоем смотрели на здание больницы.

— Да?

— Мне здесь как-то не по себе, Тедди.

— Они называли это «большой залой», — сказал Коули, ведя их через выложенную паркетом прихожую к двустворчатой дубовой двери с медными ручками размером с ананас. — Серьезно. Моя жена обнаружила на чердаке пачку неотосланных писем полковника Спайви, владельца дома. В них он постоянно рассказывает о «большой зале», которую строит.

Коули потянул за «ананас», и створка открылась.

Чак тихо присвистнул. Что касается Тедди, то их с Долорес квартира в Баттонвуде вызывала зависть у друзей, в их прихожей можно было играть в футбол, но эта зала вместила бы в себя две таких прихожих.

Мраморный пол здесь и там покрывали восточные ковры. Камин был выше среднего человеческого роста. Одни только шторы — три ярда пурпурного бархата на одно окно, а всего их было девять — наверняка стоили больше, чем годовая зарплата Тедди. Если не две. Один угол занимал бильярдный стол, а за ним, над громадным камином, висели картины маслом: мужчина в синей форме армии северян, женщина в белом платье с рюшами, они вместе и собака в ногах.

— Полковник? — спросил Тедди.

Проследив за его взглядом, Коули кивнул.

— Его освободили от должности вскоре после того, как были написаны эти картины. Мы их нашли в подвале вместе с бильярдным столом, коврами и стульями. Вы бы видели этот подвал, пристав. Там можно играть в поло.

Вдруг учуяv запах трубочного табака, Тедди и Чак разом повернулись, осознав, что в зале находится еще кто-то. Человек сидел к ним спиной в кресле-качалке с высокой спинкой, лицом к камину, положив вытянутую ногу на колено другой ноги в качестве подставки для раскрытой книги.

Коули подвел их к камину и пригласил жестом сесть на один из повернутых к очагу стульев, а сам направился к бару.

— Какой яд предпочитаете, джентльмены?

— Ржаное виски, если у вас есть, — сказал Чак.

— Думаю, найдется. А вы, пристав Дэниелс?

— Содовую со льдом.

Незнакомец посмотрел на него.

— Вы не употребляете алкоголь?

Тедди опустил взгляд. Маленькая красная головка сидела вишненкой на грунном теле. В нем чувствовался какой-то особый лоск, как будто по утрам он нежил себя в ванной, умазывая тело ароматическими маслами и припудривая тальком.

— А вы?.. — протянул Тедди.

— Мой коллега, — подал голос Коули. — Доктор Джеремайя Нэлинг.

Мужчина моргнул в знак подтверждения, однако не протянул руки, поэтому не сделали этого и гости.

— Просто любопытно, — сказал Нэлинг, когда они сели слева от него.

— Ради бога, — отозвался Тедди.

— Почему вы не пьете? Разве в вашей среде не склонны к возлияниям?

Взяв у Коули стакан, Тедди встал и прошелся к книжным полкам справа от камина.

— Пожалуй, — ответил он. — А в вашей?

— Простите?

— В вашей среде? — уточнил Тедди. — Только и слышишь, как поддают врачи.

— Я не замечал.

— Может, не очень приглядывались?

— Я не вполне вас понимаю.

— У вас в стакане что, холодный чай?

Отвернувшись от книг, Тедди наблюдал за тем, как Нэлинг взглянул на свой стакан, и его мягкие губы тронула улыбка.

— Отлично, пристав. У вас превосходно развит защитный механизм. Вы, наверное, мастер допросов.

Тедди, отметив про себя, что у Коули на книжных полках, по крайней мере в этой комнате, не так уж много медицинской литературы, отрицательно покачал головой. Главным образом романы,

несколько тоненьких книжечек, вероятно стихов, а также много биографий и книг по истории.

— Действительно мастер? — спросил Нэлинг.

— Я федеральный пристав. Наша задача — доставить человека. А вопросы ему задают другие.

— Я о «допросах», а вы мне о «вопросах». Да, пристав, у вас в самом деле потрясающая защитная реакция. — Он постучал о столик донышком стакана с виски, словно аплодируя. — В мужчинах, склонных к насилию, есть что-то интригующее.

— В каких мужчинах? — Тедди подошел ближе и устремил взгляд на человечка в кресле-качалке, погромыхивая кубиками льда в стакане.

Нэлинг, откинув голову назад, пригубил свой скотч.

— Склонных к насилию.

— Не слишком ли смелое предположение, док? — сказал Чак. Таким откровенно раздраженным Тедди его еще не видел.

— Предположение? Это не предположение.

Тедди еще разок встряхнул стакан со льдом, прежде чем его осушить. У левого глаза Нэлинга пульсировала жилка. Тедди сел со словами:

— Не могу не согласиться с моим напарником.

— Не-е-ет. — Односложное слово Нэлинг превратил в три. — Я вас назвал мужчинами, склонными к насилию. А это не то же самое, что обвинить вас в насилии.

Тедди встретил его заявление широкой улыбкой.

— Просветите нас.

За их спинами Коули поставил пластинку на диск проигрывателя, послышался скрип иглы, а затем отдельные щелчки и шипение, напомнившие Тедди звуки в трубке мертвого телефона. А дальше — бальзам для слуха — звуки струнных и фортепьяно. Какая-то классика, определил Тедди. Что-то прусское. Вспомнились кафешки за границей, а также коллекция пластинок в кабинете помощника коменданта Дахау, одну из которых он слушал, когда выстрелил себе в рот. Офицер был еще жив, когда вошли Тедди и еще четыре солдата. Он булькал кровью и все пытался дотянуться до пистолета, выпавшего из рук после первого выстрела. Бархатная музыка расплзлась по комнате, как пауки. Он умирал минут двадцать, пока двое солдат обыскивали комнату, попутно справляясь у *der Kommandant*, не больно ли ему.

Когда Тедди забрал у него фотографию в рамке, на которой тот был изображен вместе с женой и двумя детишками, он округлил глаза и потянулся за фото. Тедди же, отступив на шаг, переводил взгляд с фотографии на лежащего, туда-обратно, туда-обратно, до тех пор пока тот не испустил дух. И все это время звучала музыка. Звенела в ушах.

— Брамс? — спросил Чак.

— Малер, — ответил Коули, садясь рядом с коллегой.

— Вы хотели, чтобы я вас просветил, — напомнил Нэлинг.

Тедди развел руки в стороны — дескать, милости прошу.

— Ручаюсь, — начал Нэлинг, — что со времен окончания школы ни один из вас не уклонился от физической стычки. Это не значит, что вы получали удовольствие, а лишь то, что вариант отступления вы даже не рассматриваете.

Тедди бросил взгляд на Чака, тот ответил ему смущенной улыбкой.

— Он не привык обращаться в бегство, док. Воспитание, — сказал Чак.

— Ах, ну да... воспитание. И кто же вас воспитывал?

— Медведи, — сказал Тедди.

Глаза Коули просветели, он одобрительно кивнул.

А вот Нэлинг явно не оценил юмора. Он разгладил брючины на коленях.

— В Бога веруете?

Тедди засмеялся.

Нэлинг весь подался вперед.

— Вы это серьезно? — спросил Тедди.

Тот молча ждал ответа.

— В лагере смерти бывали, доктор?

Нэлинг жестом показал «нет».

— Нет? — Тедди тоже подался вперед. — Ваш английский хороший, почти безупречен. И все же согласные у вас выходят твердоватыми.

— Разве легальная иммиграция является преступлением, пристав?

Тедди с улыбкой помотал головой.

— Тогда вернемся к Богу?

— Как-нибудь познакомьтесь с лагерем смерти, доктор, а потом спрашивайте меня о том, что я думаю о Боге.

Вместо кивка Нэлинг медленно прикрыл веки, а потом снова открыл, уже обращаясь к Чаку:

— А вы?

— Я незнаком с концлагерем.

— В Бога веруете?

Чак пожал плечами:

— Давно как-то о нем не думал, ни в каком качестве.

— С тех пор как умер ваш отец, да?

Теперь и Чак подался вперед, глядя в прозрачно-стеклянные глаза толстячка.

— Ведь ваш отец умер? Как и ваш, пристав Дэниелс? Готов побиться об заклад, что вы оба лишились главного мужского авторитета в доме, когда вам еще не было пятнадцати лет.

— Пятерка бубей, — сказал Тедди.

— Простите? — Нэлинг еще сильнее подался вперед.

— Это ваш очередной трюк? — сказал Тедди. — Вы мне сообщаете, какая карта у меня в руках. Хотя нет, подождите... вы распиливаете пополам медсестру и достаете кролика из шляпы доктора Коули.

— Никаких трюков.

— Еще вариант, — продолжал Тедди, у которого руки чесались оторвать эту голову-вишенку на жирных плечах. — Вы учите женщин проходить сквозь стены, воспарять над больницей, напичканный санитарами и охранниками, и улетать через морскую бухту.

— Отлично сказано, — подал голос Чак.

Нэлинг в очередной раз медленно моргнул, что напомнило Тедди домашнего кота после кормежки.

— Повторюсь, у вас отменный защитный...

— Та-ак, приехали.

— ...механизм. Но суть в том...

— Суть в том, — перебил его Тедди, — что в этом учреждении вчера ночью совершено девять серьезных нарушений правил безопасности. У вас пропала пациентка, и никто даже не думает...

— Мы ищем.

— Без дураков?

Нэлинг откинулся назад и взглянул на Коули так, что невольно возникал вопрос, кто же тут главный.

Коули перехватил взгляд Тедди, и его подбородок слегка порозовел.

— Доктор Нэлинг, кроме всего прочего, является главным координатором по связям с нашим наблюдательным советом. Поэтому я его попросил рассмотреть ваши просьбы.

— Какие именно?

Нэлинг чиркнул спичкой и, сложив ладони домиком, реанимировал потухшую трубку.

— Мы не выдадим личные досье нашего персонала, — отрезал он.

— Конкретно Шина, — сказал Тедди.

— Ничьи.

— Решили нас тормознуть?

— Я незнаком с этой терминологией.

— Может, вам стоит больше поездить?

— Пристав, продолжайте свое расследование, и мы вам поможем, чем можем, но...

— Нет, — рубанул Тедди. — Расследование закончено. Первым же паромом мы возвращаемся в город и подаем рапорт, после чего дело передадут, я так понимаю, гуверовским ребятам. Но это уже без нас.

Трубка Нэлинга повисла в воздухе. Коули потягивал из стакана. В ушах звенел Малер. Где-то тикали настенные часы. За окнами усиливался дождь.

Коули поставил на столик пустой стакан.

— Как вам будет угодно.

Когда они вышли из дома, уже лило как из ведра, дождь барабанил по черепичной крыше, по камням внутреннего дворика, по черной крыше поджидавшего их автомобиля. Черноту разрезали косые серебристые лезвия. Машина стояла всего в нескольких шагах от крыльца, но они успели вымокнуть до нитки. Макферсон, обойдя капот и быстро шмыгнув за руль, встрихнул головой, отчего приборный щиток тут же сделался мокрым, и завел свой «паккард».

— Хороша ночка. — Он возвысил голос, чтобы перекрыть лязг «дворников» и барабанную дробь дождя.

Обернувшись назад, Тедди через заднее стекло увидел на крыльце размытые очертания двух фигур, провожающих взглядами отъезжавшую машину. Мимо ветрового стекла со свистом пролетела ветка, оторванная от дерева.

— В такую погоду собаку на улицу не выпустят, — сказал Макферсон.

— Давно вы здесь работаете? — спросил Чак.

— Четыре года.

— Раньше побеги бывали?

— Нет, бог миловал.

— А как насчет нарушения дисциплины? Скажем, человек пропал на час или два?

Макферсон помотал головой:

— Тоже не бывало. Нужно быть совсем уж ненормальным. Куда отсюда податься?

— А доктор Шин? — спросил Тедди. — Вы с ним знакомы?

— Само собой.

— Давно он здесь?

— Пришел на год раньше меня, если не ошибаюсь.

— Значит, пять лет.

— Вроде так.

— Он плотно работал с мисс Соландо?

— Я не в курсе. Вообще-то ее ведет доктор Коули.

— Это в порядке вещей — главврач ведет дело пациентки?

— Ну... — Макферсон сделал паузу.

Они ждали, пока шлепали «дворники» и темные ветки склонялись к ветровому стеклу.

— По-разному бывает. — Макферсон помахал рукой охраннику у ворот, в которые въезжал «паккард». — Доктор Коули ведет многих пациентов в корпусе С. И еще несколько в других корпусах.

— Кого кроме мисс Соландо?

Макферсон остановил машину перед мужским общежитием.

— Не возражаете, если я не стану выходить, чтобы открыть вам дверь? Постите. Я уверен, доктор Коули ответит утром на все ваши вопросы.

— Макферсон, — обратился к нему Тедди, открывая дверь.

Тот обернулся к нему через спинку кресла.

— У вас это не слишком удачно получается, — сказал пристав.

— Что «это»?

Тедди ответил ему мрачноватой улыбкой и выбрался наружу под проливной дождь.

Их поселили вместе с Треем Вашингтоном и еще одним санитаром по имени Бибби Люк. Комната была приличная, с парой двухъярусных кроватей и столом, за которым Трей и Бибби играли в карты, когда они вошли. Вытерев мокрые головы белыми махровыми полотенцами, — кто-то оставил целую стопку на верхней кровати, — Тедди с Чаком придвинули еще пару стульев и присоединились к игрокам.

Играли в покер «по мелочи», и, если заканчивались монеты, в ход шли сигареты. Тедди раскрутил всех троих, взяв хороший прикуп, и в результате заработал пять баксов и восемнадцать сигарет на пиковом флеше. Сигареты он спрятал в карман и в дальнейшем играл с оглядкой.

Чак оказался настоящим игроком при всей своей внешней легкости, совершенно непредсказуемым, перед ним быстро выросла горка монет и сигарет, а потом и бумажек, и под конец он воззрился на нее с удивлением, словно не понимая, откуда что взялось.

— Пристав, у вас что, рентгеновские аппараты вместо глаз? — спросил Трей.

— Да просто везуха.

— Черта с два. Чё-то нам, сучкам, так не везет. Небось занимаетесь вуду.

— Может, просто сучкам не стоит дергать себя за мочку.

— Чего?

— Каждый раз, когда у вас на руках было меньше фула, вы дергали себя за мочку, мистер Вашингтон. — Чак показал пальцем на Бибби. — А этот сучок...

Все трое так и покатились.

— Он... погоди... он... у него зенки делаются как у белки... и перед тем как блефануть, он проверяет, сколько у кого жетонов... А когда у него сильная карта? Он сидит такой тихий-тихий, весь в себе...

Трей взорвался громким хохотом и хлопнул ладонью по столу.

— А пристав Дэниелс? Он как себя выдает?

Чак усмехнулся:

— Хотите, чтобы я сдал своего напарника? Нет уж, дудки.

— Колитесь! — Бибби тыкал пальцем в них обоих.

— Нет, увольте.

— Ага, ясно, — сказал Трей. — Все белые заодно.

Чак потемнел лицом и так на него посмотрел, что в комнате вдруг стало нечем дышать. У Трея запрыгал кадык, он уже было поднял руку, чтобы извиниться, как вдруг Чак произнес:

— А то. Одна компашка. — И рот его растянулся до ушей.

— Во сучок! — Трей хлопнул его по руке.

— Сучо-ок! — поддакнул Бибби.

— Сучара, — сказал Чак, и все трое захихикали, как маленькие девочки.

Тедди подмывало включиться в общее веселье, но он решил, что это выйдет ненатурально, вроде как чужак хочет показаться своим в доску. А как же Чак? У него это выходило как-то само собой.

— И что же выдавало меня? — спросил Тедди у Чака в темноте, когда они лежали в своих кроватях. В другом конце комнаты Трей и Бибби соревновались в храпе. Дождь за окном в последние полчаса несколько утих, словно копя силы или дожидалась подкрепления.

— В карты? — уточнил Чак с нижней кровати. — Проехали.

— Нет. Я хочу знать.

— Ты ведь считал себя хорошим игроком, да? Признайся.

— Я считал себя *неплохим* игроком.

— Ошибочка вышла.

— Ты меня сделал.

— Да ну, заработал несколько баксов.

— Твой отец был игрок, я правильно понимаю?

— Мой отец был придурок.

— Извини.

— Ты тут ни при чем. А твой?

— Отец?

— Нет, дядя. Отец, кто ж еще.

Тедди попытался представить его в темноте, но увидел лишь руки в шрамах.

— Он был всем чужой, — сказал Тедди. — Даже моей матери. Он себя-то не понимал. Отождествлял себя со своей моторкой. И когда ее потерял, то и сам потерялся.

Чак никак не отреагировал, и Тедди решил, что его напарник спит. Вдруг он увидел отца целиком, сидящим на стуле дни напролет, когда не было никакой работы, — человека, которого всосало окружающее пространство.

— Эй, босс!

— Ты еще не спишь?

— Мы правда пакуем чемоданы?

— Да. Ты удивлен?

— Никаких обвинений, просто... не знаю, как сказать...

— Ну?

— Я еще никогда не отступал.

Тедди какое-то время лежал молча, а затем произнес:

— Мы не услышали ни слова правды. Не приблизились к ней ни на шаг, не за что зацепиться, неизвестно, как заставить их говорить.

— Да знаю, знаю. Логика железная.

— Но?

— Просто я еще никогда не отступал.

— Рейчел Соландо не могла ускользнуть босиком из запертой комнаты без посторонней помощи. И не одного человека. Всего заведения. Я знаю из опыта. Невозможно переломить сообщество людей, если они все не желают тебя слышать. А нас всего двое. Наилучший сценарий: угроза подействовала, и сейчас Коули, сидя в своем особняке, пересматривает всю стратегию. Может быть, утром...

— Так ты блефуешь?

— Я этого не говорил.

— Вот и играй с тобой в карты, босс.

Они помолчали. Тедди слушал морской прибой.

— Ты надуваешь губы, — наконец заговорил Чак уже слегка заплетающимся языком.

— Что?

— Когда у тебя на руках сильная комбинация. Всего на какую-то секунду, но ты делаешь это регулярно.

— Вот как?

— Спокойной ночи, босс.

— Спокойной ночи.

Она идет по коридору ему навстречу.

Долорес. В глазах — по несколько каратов гнева. Откуда-то, вероятно из кухни, Бинг Кросби проникновенно поет «East Side of Heaven».^[4]

— Бог мой, Тедди. Господи Иисусе!

Ее захлестывают эмоции. У нее в руке пустая бутылка из-под виски. *Его* виски. Он понимает, что она обнаружила его заначку.

— Ты хоть когда-нибудь бываешь трезвым? Хоть один день, блин? Отвечай.

Но это невозможно. Тедди не в силах говорить. Он онемел. Он не ощущает даже собственного тела. Он отчетливо видит, как она идет к нему по длинному коридору, но себя он не видит, не чувствует. За спиной Долорес, в конце коридора, висит большое зеркало, в котором он не отражается.

Она сворачивает налево, в гостиную, и открывается обгорелая, дымящаяся спина. В руке уже нет бутылки, а из волос тянутся вверх ленточки дыма.

Она останавливается перед окном.

— Гляди. Как они красиво смотрятся. Словно поплавки.

Тедди уже стоит рядом с ней, и она никакая не обгорелая, а, наоборот, насквозь мокрая, в чем он убеждается, положив руку ей на плечо и ощущая под пальцами ее позвонки, а она поворачивает голову и быстро целует его пальцы.

— Что ты делала? — Он задает этот вопрос сам не зная зачем.

— Погляди на них, вон там.

— Детка, ты почему вся мокрая? — спрашивает он и не удивляется тому, что его вопросы остаются без ответа.

Вид из окна оказывается для него неожиданностью. Вместо пейзажа, открывающегося из их квартиры в Баттонвуде, перед ним озерцо, которое можно было увидеть из хибарки, где они жили раньше. А в озере дрейфуют три гладких бревнышка, поворачиваясь почти незаметно для глаза, а водная гладь подернута мелкой рябью и серебрится под луной.

— Симпатичная беседка, — говорит она. — Такая белая. Даже отсюда чувствуется запах свежей краски.

— Да, симпатичная.

— Ну и? — вопрошаet Долорес.

— Я многих убил на войне.

— Поэтому ты пьешь.

— Возможно.

— Она здесь.

— Рейчел?

Долорес кивает.

— Она никуда не пропала. Ты почти догадался. Почти.

— Закон четыре.

— Это шифр.

— Да, но что он означает?

— Она здесь. Тебе нельзя уезжать.

Он обнимает ее сзади, зарывается лицом в ее шею.

— Я не уеду. Я тебя люблю. Я так тебя люблю.

Из-под его рук, лежащих у нее на животе, потекла струйка.

— Тедди, я труп.

— Нет.

— Да. Проснись.

— Ты здесь.

— Неправда. Открой глаза. Она здесь. Ты здесь. И он тоже.

Посчитай койки. Он здесь.

— Кто?

— Лэддис.

Это имя продирает его до костей.

— Нет.

— Да. — Она закидывает голову назад и смотрит ему в глаза.

— Ты ведь знал.

— Нет.

— Знал, знал. Тебе нельзя уезжать.

— Ты постоянно напряжена.

Он начинает разминать ей плечи, и в ответ, от неожиданности, она издает тихий стон, вызывающий у него мгновенную эрекцию.

— Уже нет, — говорит она. — Я же дома.

— Это не дом, — говорит он.

— А что же? Это мой дом. Она здесь. И он здесь.

— Лэддис.

— Лэддис, — повторяет она за ним. И после паузы: — Я должна идти.

— Нет. — Он плачет. — Нет. Останься.

— Господи. — Она снова прижимается к нему. — Отпусти меня. Отпусти.

— Пожалуйста, не уходи. — Его слезы капают ей на живот и смешиваются с вытекающей из нее жидкостью.

— Позволь тебя еще немного подержать. Еще чуть-чуть. Пожалуйста.

С ее губ слетает пузырек звука — полуздох, полустан, отрывисто-прекрасный в своей отчаянности, и она прикладывается губами к его согнутым пальцам.

— Хорошо. Держи крепко. Изо всех сил.

Он обнимает свою жену. И держит, держит.

В пять утра, когда землю поливал дождь, Тедди спустился с верхней кровати, достал из кармана плаща блокнот, сел за стол, где они накануне играли в покер, и раскрыл его на странице с записью «закона 4» от Рейчел Соландо.

Трей и Бибби продолжали храпеть так же громко, как барабанил дождь. Чак спал тихо, на животе, и его кулак как будто что-то нашептывал ему в ухо.

Тедди смотрел на страницу. Все так просто, если знать ключ. В сущности, детский шифр. И все-таки шифр, какой ни есть, так что Тедди до шести часов с ним разбирался.

Оторвавшись от блокнота, он увидел, что с нижней кровати, подперев кулаком подбородок, на него глядит Чак.

— Мы уезжаем, босс?

Тедди помотал головой.

— Счас хрен уедешь, — раздался голос Трея, который вылез из кровати и поднял жалюзи: пейзаж тонул в жемчужной пелене. — Вон чё деется.

Удерживать сновидение становилось ему все труднее, ее запах улетучился одновременно с поднятием жалюзи, с сухим покашливанием Бибби, с громким зевотным потягиванием Трея.

Тедди думал, и отнюдь не в первый раз, о том, не станет ли этот день, еще один день тоски по ней, для него последним. Если бы он мог повернуть время вспять и вернуть то утро и тот пожар, чтобы в нем погиб он, а не она, он бы это сделал. Без вопросов. Такого вопроса не существовало. Но шли годы, а тоска не убывала, только росла, и его потребность в ней превратилась в незаживающую, кровоточащую рану.

Я обнимал ее, хотелось ему сказать Чаку и Трею и Бибби. Я обнимал ее, пока Бинг Кросби проникновенно пел по радио на кухне, я вдыхал ее запах вместе с запахами нашей квартиры в Баттонвуде и озера, где мы с ней жили в то лето, и ее губы касались моих согнутых пальцев.

Я обнимал ее. Вот то, чего этот мир мне дать не в состоянии. Этот мир может мне только напомнить о том, чего у меня нет и никогда не будет и что у меня было так недолго.

Мы должны были вместе состариться, Долорес. Вырастить детей. Гулять под старыми деревьями. Я хотел видеть, как морщинки отпечатываются на твоем лице, и быть свидетелем появления каждой новой морщинки. Мы должны были умереть вместе.

А не так. Не так.

Я обнимал ее, хотелось ему сказать, и если бы знать наверняка, что мне надо только умереть, чтобы она снова оказалась в моих объятиях, я бы выстрелил себе в голову быстрее, чем об этом можно подумать.

Чак ждал, глядя на него.

— Я разгадал шифр, — сказал Тедди.

— Да? И это всё?

День второй
Лэддис

Коули встретил их в вестибюле корпуса В. Он весь промок, и вид у него был такой, будто ночь он провел на автобусной остановке, примостившись на скамейке.

— Вся хитрость, доктор, заключается в том, чтобы не просто лечь в кровать, а с целью поспать, — сказал Чак.

Коули вытер мокрое лицо носовым платком.

— Вот как? Мне тоже показалось, пристав, что я что-то упустил из виду. Значит, поспать. Ну конечно.

Они поднялись по пожелтевшим ступенькам и кивком поздоровались с дежурным на первом посту.

— А как нынче поживает доктор Нэлинг? — спросил Тедди.

Брови Коули поднялись и устало опустились.

— Приношу свои извинения. Джеремайя гений, но ему не хватает хороших манер. Он обдумывает идею книги про мужчину-воина в истории цивилизации. И упорно заводит разговор на эту тему, пытаясь подогнать людей под готовые схемы. Еще раз прошу прощения.

— И часто вы, ребята, это практикуете?

— Что практикуем, пристав?

— Попивае в свое удовольствие, а заодно, гм, прощупываете людей?

— Профессиональный интерес, я полагаю. Сколько нужно психиатров, чтобы вкрутить лампочку?

— Не знаю. Сколько?

— Восемь.

— Почему восемь?

— Ой, только давайте без психоанализа.

Тедди перехватил взгляд напарника, и оба рассмеялись.

— Психиатры шутят, — сказал Чак. — Кто бы мог подумать!

— Вы в курсе текущего положения дел в нашей области, господа?

— Без понятия, — ответил Тедди.

— Война. — Коули спрятал зевок в мокром носовом платке. —

Идеологическая, философская и даже, представьте, психологическая.

— Вы же доктора, — заметил Чак. — Должны играть в безобидные игры, делиться игрушками.

Коули улыбнулся. Они миновали второй пост. Эхо принесло крик пациента. Это был жалобный вой, в котором слышалась безнадега, точное знание: кричи не кричи — желаемого не получишь.

— Старая школа верит в шоковую терапию и лоботомию, лечебные же процедуры только для очень смиренных больных, — рассказывал Коули. — Мы ее называем психохирургией. Новая школа увлечена психофармакологией. За ней будущее, говорят они. Может, и так. Я не знаю.

Он остановился, держась за перила, на полдороге между вторым и третьим этажом, и его усталость представилась Тедди в виде отдельного живого существа, которое вместе с ними одолевает подъем.

— И как эта психофармакология находит практическое применение? — поинтересовался Чак.

— Недавно было одобрено новое средство, литий, он расслабляет психотических больных, укрощает их, как выразились бы некоторые. Кандалы уходят в прошлое. Цепи, наручники. Даже решетки, говорят оптимисты. Представители старой школы, естественно, отвечают, что замены психохирургии нет, но их оппоненты, думается мне, сильнее, и за ними стоят большие деньги.

— Чьи деньги?

— Фармацевтических компаний, чьи ж еще. Купите пакет акций, господа, и потом отдыхайте на собственном острове. Старые школы, новые школы. Кажется, я начинаю заговориваться.

— А сами-то вы к какой принадлежите? — осторожно спросил Тедди.

Коули улыбнулся:

— Как вам сказать, многие пациенты нуждаются в медикаментозном лечении, а кого-то надо заковывать в кандалы. Бессспорно. Скользкая тропка. Подбрось яд в колодец, и эту воду уже не очистишь, так?

— Так, — согласился Тедди.

— Во-от. И то, к чему следует прибегать в крайнем случае, постепенно становится стандартной процедурой. Ко всему прочему, я, кажется, путаюсь в метафорах. Поспать. — Он кивнул Чаку. — Правильно. В следующий раз попробую.

— Я слышал, здорово помогает, — ободрил его Чак, и они снова двинулись вверх, остался последний пролет.

В палате Рейчел главврач тяжело опустился на край койки, а Чак привалился к косяку.

— Эй. Сколько нужно сюрреалистов, чтобы вкрутить лампочку?

Коули посмотрел на него.

— Сдаюсь. Сколько?

— Рыба. — Чак весело заржал.

— Когда-нибудь вы повзрослеете, пристав, — сказал Коули.

— Сомневаюсь.

Тедди, державший перед собой лист бумаги, постучал по нему пальцем, дабы привлечь их внимание.

— Взгляните еще раз.

ЗАКОН 4

Я 47

ИМ 80

+ ВАС 3

НАС 4

НО

КТО 67?

Подумав немного, Коули сказал:

— Я слишком устал, пристав. По мне, так полная белиберда. Извините.

Тедди посмотрел на Чака. Тот помотал головой.

— Этот плюс, он заставил меня еще раз задуматься. Обратите внимание на первое подчеркивание. Это подсказка, что надо сложить цифры в двух строчках. Что мы получаем?

— Сто двадцать семь.

— 1, 2 и 7, правильно. Теперь прибавляем 3. Строчки отделены пробелом. Она отделяет целые числа. То есть $1 + 2 + 7 + 3$. Что мы имеем в результате?

— 13. — Коули слегка расправился.

Тедди кивнул.

— Тринадцать имеет какое-то отношение к Рейчел Соландо? Родилась тринадцатого? Вышла замуж? Убила своих детей тринадцатого?

— Мне надо проверить, — сказал Коули. — Но вообще 13 для шизофреников — значимое число.

— Почему?

Он пожал плечами:

— По той же причине, что и для многих. Предвестник несчастий. Большинство шизофреников живут в состоянии страха, что их роднит. Поэтому они глубоко суеверны. 13 играет им на руку.

— В этом что-то есть, — сказал Тедди. — Возьмите следующее число. Четыре. $1 + 3 = 4$. А 1 и 3, если их не складывать...

— 13. — Чак отделился от стены и уставился на листок.

— И наконец последнее число, — сказал Коули. — 67. $6 + 7 = 13$.

Тедди кивнул.

— Это не «закон четырех». Скорее закон тринадцати. В имени *Rachel Solando* — тринадцать букв.

Он наблюдал, как его собеседники в уме подсчитывают буквы. Наконец Коули сказал:

— Продолжайте.

— Стоит с этим согласиться, как мы увидим, что Рейчел разбросала для нас множество тайных знаков. Ее шифр основан на элементарном принципе буквенно-цифровых соответствий. Единица равна А. Двойка равна В. Следите за мной?

Коули кивнул, а за ним, с опозданием, и Чак.

— Первая буква ее имени R. В цифровом выражении — восемнадцать. А — единица. С — три. Н — восемь. Е — пять. L — двенадцать. 18, 1, 3, 8, 5, 12. Сложите вместе, и что получится?

— Мать честная, — тихо сказал Коули.

— 47, — выдохнул Чак, глядя на листок, прижатый к груди Тедди.

— Это что касается «Я», — сказал Коули. — Ее имя. Теперь понятно. Ну а «ИМ»?

— Ее фамилия, — ответил Тедди. — Точнее, их.

— Их?

— Ее мужа, его предков. Ее девичья фамилия другая. Может, это намек на ее детей. Так или иначе, это несущественно. Теперь это ее

фамилия. Соландо. Возьмите цифровое обозначение каждой буквы, сложите вместе и, можете мне поверить, в сумме получится 80.

Коули встал с койки и тоже подошел к Тедди, так что теперь они вдвоем разглядывали загадочный листок. После паузы Чак встретился глазами с напарником.

— Ты что... Эйнштейн, мать твою?

— Вам раньше приходилось разгадывать шифры, пристав? — спросил Коули, не сводя глаз с листка. — Во время войны?

— Нет.

— Так как же ты?.. — начал Чак.

Устав держать листок перед собой, Тедди положил его на койку.

— Не знаю. Я часто решаю кроссворды. Люблю всякие ребусы. — Он пожал плечами.

— Но вы служили в армейской разведке за границей? — спросил Коули.

Тедди отрицательно покачал головой:

— В обычных войсках. А вы, доктор, служили в УСС?

— Нет. Только консультации.

— Какого рода консультации?

Коули одарил его своей мимолетной улыбкой, которая, появившись, через мгновение исчезла.

— Из серии «сказал и забыл».

— Это довольно простой шифр.

— Простой? — изумился Чак. — Ты все объяснил, а у меня до сих пор голова трещит.

— А вы что скажете, доктор? — поинтересовался Тедди.

Коули пожал плечами:

— Что вам сказать, пристав? Разгадывание шифров — это не по моей части.

Главврач снова переключил внимание на листок, потирая подбородок. А Чак смотрел на Тедди, и в его глазах читались новые вопросы.

— Итак, мы расшифровали — точнее, вы, пристав, расшифровали, — 47 и 80. Мы сошлись на том, что все ключи являются комбинациями числа тринадцать. Ну а 3?

— Либо это намек на нас, и в таком случае ее можно считать ясновидящей...

— Вряд ли.

— …либо это относится к ее детям.

— Готов поверить.

— Добавьте к этим трем саму Рейчел…

— И мы получаем следующую строчку, — закончил за него Коули. — «НАС 4».

— А кто тогда 67?

Они встретились взглядами.

— Это не риторический вопрос? — спросил главврач.

Тедди покачал головой.

Коули пробежал пальцем по колонке цифр.

— Никакие числа в сумме не дают 67?

— Нет.

Коули провел ладонью по макушке и расправил плечи.

— Есть предположения?

— Это число мне не удается расшифровать. Видимо, оно относится к чему-то такому, с чем я незнаком. Что наводит на мысль: это «что-то» находится на острове. А у вас, доктор?

— Что у меня?

— Есть предположения?

— Никаких. Я бы застрял на первой же строке.

— Да, вы говорили. Устали и все такое.

— Устал — не то слово, пристав. — Он сказал это Тедди в глаза, после чего отошел к окну понаблюдать за тем, как стекают по стеклу потоки воды, такие мощные, что перекрывают весь ландшафт. — Вы сказали вчера, что уезжаете.

— Первым паромом, — подтвердил Тедди, продолжая блефовать.

— Сегодня парома не будет. Почти наверняка.

— Значит, завтра. Или послезавтра, — сказал Тедди. — Вы по-прежнему считаете, что она где-то на острове? Когда такое творится?

— Нет, — ответил Коули. — Не думаю.

— Тогда где же?

Главврач вздохнул:

— Не знаю, пристав. Это не по моей части.

Тедди снова взял с койки листок.

— Это шаблон. Руководство по расшифровке будущих кодов.

Готов поставить свою месячную зарплату.

— И что из этого следует?

— Что это не побег, доктор. Она не случайно привела нас сюда. Я думаю, нас ждут новые шифровки.

— Но не в этой палате, — сказал Коули.

— Нет. Возможно, в этом здании. Или где-то на острове.

Коули втянул ноздрями воздух, держась одной рукой за подоконник, этакий полутруп, и у Тедди невольно закрался вопрос, чем он всю ночь занимался.

— Она привела сюда вас? — спросил Коули. — С какой целью?

— Это вы мне скажите.

Коули так долго стоял с закрытыми глазами, что Тедди уже подумал, не уснул ли он стоя.

Наконец он их открыл и обвел взглядом обоих приставов.

— У меня плотный рабочий график. Планерка, обсуждение бюджета с наблюдательным советом, принятие экстренных мер на случай, если мы окажемся в эпицентре урагана. Должен вас обрадовать: вас ждет встреча с пациентами, которые были на групповой терапии вместе с Рейчел Соландо в день ее исчезновения. Вы сможете поговорить с каждым из них через пятнадцать минут. Господа, я рад, что вы здесь. Правда. Не знаю, как это выглядит со стороны, но я делаю все от меня зависящее.

— Тогда отдайте мне персональное досье доктора Шина.

— Этого я сделать не могу. При всем желании. — Он прислонился затылком к стене. — Пристав, мой человек на коммутаторе все время пытается с ним связаться. Но ни с кем нет связи. Насколько мы можем понять, все Восточное побережье находится под водой. Терпение, господа. Это все, о чем я вас прошу. Мы найдем Рейчел или выясним, что с ней случилось.

Он поглядел на часы.

— Я опаздываю. Еще что-то срочное, или это может подождать?

Они стояли под навесом у входа в больницу, ничего не видя перед собой из-за стены дождя.

— Думаешь, он в курсе, что значит 67? — спросил Чак.

— Ага.

— Думаешь, он разгадал шифр еще до тебя?

— Я думаю, что он работал в УСС. Я думаю, у него там есть парочка знакомых спецов.

Чак утерся ладонью и стряхнул капли на асфальт.

— Сколько у них тут больных?

— Не так уж много.

— Да.

— Два десятка женщин, три десятка мужчин, что-то в этом роде.

— Немного.

— Нет.

— До шестидесяти семи точно не дотягивает.

Тедди посмотрел на Чака.

— Но... — сказал он.

— Вот именно. *Но*.

И оба устремили взгляды мимо силуэта дерева вдаль, на макушку форта, словно унесенную еще дальше шквалистым ветром, сделавшуюся расплывчатой, почти неразличимой, как рисунок углем в задымленной комнате.

Тедди вспомнил, что сказала ему Долорес в сновидении — «посчитай койки».

— Сколько у них всего коеч, как думаешь?

— Не знаю, — сказал Чак. — Надо будет спросить у любезного доктора.

— Да уж, прямо-таки рассыпается в любезностях.

— Послушай, босс.

— Что?

— Тебе когда-нибудь приходилось видеть столько бесхозной государственной недвижимости?

— То есть?

— В двух корпусах — пятьдесят больных. Сколько, по-твоему, там можно было бы разместить? Еще пару сотен?

— Минимум.

— А соотношение персонала к пациентам? Два к одному в пользу персонала. Ты когда-нибудь такое видел?

— Ответ будет отрицательным.

Они смотрели на пузыряющуюся гладь, под которой исчезла земля.

— Что это за жопа, в которой мы с тобой оказались?

Беседы с больными проходили в кафетерии. Приставы сидели за столом; в отдалении, так что их можно было окликнуть, сидели два санитара, а Трей Вашингтон приводил поодиночке пациентов и уводил после беседы.

Первым оказался небритый, беспрерывно моргающий тип с нервным тиком. Он втянул голову в плечи, как краб-мечехвост, и почесывался, избегая встречаться с приставами глазами.

Тедди взглянул на верхнюю страницу предоставленного главврачом файла; это не было личное дело больного, скорее некие общие характеристики, которые Коули набросал по памяти. Парня, проходившего первым, звали Кен Кейдж, и попал он сюда после того, как набросился в проходе магазина на незнакомого человека и начал избивать свою жертву банкой с зеленым горошком, при этом тихо приговаривая: «Не читай мою почту».

— Ну что, Кен, — начал Чак, — как вы поживаете?

— Ноги зябнут. У меня зябнут ноги.

— Сочувствую.

— Больно ходить, да. — Кен поскреб края струпа на руке, сначала осторожно, словно нащупывая подходы.

— Позавчера вечером вы были на групповой терапии?

— Ноги зябнут, и больно ходить.

— Дать носки? — предложил Тедди, заметив, как ухмыльнулись два санитара.

— Да, я хочу носки, я хочу носки, я хочу носки, — бормотал он, опустив голову и слегка подпрыгивая.

— Сейчас получите, но сначала мы должны уточнить, были ли вы...

— Сильно зябнут. Ноги. Зябнут, и больно ходить.

Тедди глянул на Чака, а тот в это время улыбался откровенно хихикавшим санитарам.

— Кен, — сказал Чак. — Посмотрите на меня.

Но Кен продолжал смотреть в пол, еще больше подпрыгивая. Он расковырял ногтем струп, и волоски на руке окрасила кровь.

— Кен?

— Не могу ходить. Никак, никак. Зябнут, зябнут, зябнут.

— Кен, ну же, посмотрите на меня.

Кен положил кулаки на стол. Тут же поднялись оба санитара.

— Не должны болеть, — бормотал Кен. — Не должны. Они это нарочно. Они напускают в палату холод. И в коленные чашечки.

Санитары приблизились к их столу и через голову больного взорвались на Чака. Белый парень сказал:

— Ребята, вы закончили или хотите еще послушать про его ноги?

— Ноги зябнут.

У чернокожего санитара поднялась одна бровь.

— Все нормально, Кенни. Мы отведем тебя в душ, там ты быстро согреешься.

Белый парень вставил:

— Я здесь уже пять лет. Одна и та же пластинка.

— Пять лет? — спросил Тедди.

— Больно ходить.

— Пять лет, — подтвердил санитар.

— Больно ходить, они напускают холод в ноги...

Следующий, Питер Брин, двадцати шести лет, оказался маленьким плотным блондином. Он хрустел суставами и грыз ногти.

— Что привело вас сюда, Питер?

Блондин посмотрел на приставов, от которых его отделял стол, глазами, казавшимися перманентно влажными.

— Я постоянно боюсь.

— Чего?

— Разного.

— Ясно.

Питер забросил левую ногу на правое колено и, взявшись за лодыжку, подался вперед.

— Это прозвучит глупо, но я боюсь часов. Они тикают. И проникают в мозг. А еще боюсь крыс.

— Я тоже, — признался Чак.

— Правда? — просветлел Питер.

— Еще как. Писклявые сволочи. У меня от одного их вида мороз по коже.

— Тогда вам лучше не выходить ночью за эти стены, — посоветовал Питер. — Их там тьма.

— Спасибо, что предупредили.

— Карандашей, — продолжал больной. — Когда грифелем — чирк-чирк — по бумаге. Вас боюсь.

— Меня?

— Нет. — Питер мотнул подбородком в сторону Тедди: — Его.

— Интересно, почему? — спросил Тедди.

Тот пожал плечами:

— Больно здоровый. И эта короткая стрижка. Может за себя постоять. Шрамы на костяшках. Мой отец был такой. Без шрамов. Гладкие руки. Но тоже злобный. И мои братья. Они меня часто били.

— Я не буду вас бить, — заверил его Тедди.

— Но вы можете. Разве нет? Вы сильнее. Это делает меня уязвимым. Вот мне и страшно.

— И что вы делали, когда вам становилось страшно?

Держась за лодыжку, Питер раскачивался взад-вперед, прядь волос упала ему на лоб.

— Она была милая. Я не желал ей зла. Но она пугала меня своей большой грудью и тем, как она вертела задом в своем белом платье. Она приходила к нам каждый день. И глядела на меня, как... Знаете, какглядят на ребенка? Вот с такой улыбкой. Притом что она была моего возраста. Ну, не моего, на несколько лет старше, все равно, двадцать с небольшим. У нее уже был огромный сексуальный опыт. По глазам видно. Ей нравилось демонстрировать себя голой. Она не раз делала минет. И тут она просит у меня стакан воды. Мы с ней одни в кухне. Ничего так, да?

Тедди наклонил файл, чтобы Чак мог прочитать заметки Коули:

Больной с куском стекла набросился на сиделку своего отца. После этого женщина находилась в критическом состоянии, шрамы у нее остались на всю жизнь. Больной отрицает свою вину в содеянном.

— А все потому, что она меня напугала, — объяснял Питер. — Она хотела увидеть мою штуковину, чтобы надо мной посмеяться. Сказать, что у меня никогда не будет женщины, и детей не будет, и что я никогда не стану мужчиной. А иначе зачем бы я, правильно? Вы на меня поглядите, да я мухи не обижу. Я тихий. Но если меня напугать... Ох уж этот мозг.

— А что? — спросил его Чак успокаивающим тоном.

— Вы когда-нибудь об этом задумывались?

— О твоем мозге?

— О мозге вообще. Моем, вашем, любом. В сущности, это двигатель. Ну да. Тонко отлаженный мотор. С кучей разных деталей — передачи, болты, пружины. Мы даже не знаем, зачем нужна половина из них. Но если откажет одна... нужна половина из них. Но если откажет одна маленькая деталь, всего одна... Вы задумывались об этом?

— Да как-то нет.

— А вы задумайтесь. Это как с автомобилем. То же самое. Одна передача полетела, один болт треснул, и вся система накрылась. Ну как жить, когда ты это понимаешь? — Он постучал себя пальцем по виску. — Все спрятано здесь, и ты не имеешь к этому доступа и, в сущности, ничего не контролируешь! Это оно контролирует *тебя*. А если в один прекрасный день оно решит не выходить на работу? — Он подался вперед, и они увидели напрягшиеся жилы на шее. — Тогда считай, что ты в глубокой заднице, правильно?

— Интересный взгляд, — сказал Чак.

Питер снова откинулся на спинку стула, вдруг сделавшись апатичным.

— Это пугает меня больше всего.

Тедди, чьи мигрени награждали его способностью улавливать чужие флюиды, идущие от невозможности контролировать собственные мозговые процессы, готов был в целом признать правоту Питера, однако больше всего сейчас ему хотелось схватить за горло этого маленького засранца, припечатать к печке у задней стены кафетерия и вытряхнуть из него все про несчастную сиделку, которую он порезал.

Ты хоть имя-то ее помнишь, Пит? А как насчет ее страхов? А? Ее страхом был ты. Она честно старалась делать свое дело, чтобы заработать на жизнь. Может, у нее были дети. Может, она откладывала деньги сыну или дочери на колледж, на лучшую долю. Такая скромная мечта.

Но какой-то психопат и маменькин сынок из богатенькой семьи решил иначе. Мечта отменяется. Как и нормальная жизнь для вас, мисс. Отменяется раз и навсегда.

Тедди разглядывал сидевшего напротив него Питера Брина, и его так и подмывало врезать этой гниде в лицо так, чтобы врачи потом не смогли собрать всех косточек у него в носу. Так врезать, чтобы этот звук застрял у него в голове до конца дней.

Вместо этого он закрыл файл со словами:

— Вы ведь были прошлой ночью на групповой терапии вместе с Рейчел Соландо?

— Да, сэр.

— Вы видели, как она ушла наверх к себе в палату?

— Нет. Сначала ушли мужчины. Она еще сидела вместе с Бриджет Кирнс и Леонорой Грант и этой сестрой.

— Сестрой?

Питер кивнул:

— Рыжей. Иногда она мне нравится. Вроде как настоящая. А иногда, сами знаете...

— Нет. — Тедди старался говорить таким же ровным голосом, как его напарник. — Не знаю.

— Вы же ее видели, да?

— Да. Как ее фамилия? Запамятовал.

— Ей фамилия ни к чему, — отмахнулся Питер. — Зачем такой фамилия? Грязная Девка — вот ее фамилия.

— Погодите, Питер, — остановил его Чак. — Вы же сказали, что она вам нравится.

— Когда я это сказал?

— Минуту назад.

— Не-е. Она дешевка. Подстилка.

— Тогда еще один вопрос.

— Дрянь, дрянь, дрянь.

— Питер...

Он поднял глаза на Тедди.

— Я могу задать вам вопрос?

— Ладно.

— В тот вечер, на групповой терапии, произошло что-нибудь необычное?

— Она не проронила ни слова. Сидела как мышь. Между прочим, она убила своих детей. Троих. Представляете? Кто на такое способен? Я вам скажу: только больные на всю голову.

— Люди сталкиваются с проблемами, — заметил ему Чак. — Иногда очень серьезными. Почему мы и называем их больными людьми. Им нужна помощь.

— Им нужен газ, — возразил Питер.

— Простите?

— Газ, — повторил Питер, обращаясь к Тедди. — В газовую камеру слабоумных. Убийц. Утопила своих детей? В газовую камеру сучку.

За столом воцарилось молчание. Питер светился, как будто он открыл им глаза на окружающий мир. Но вот он погладил столешницу и встал.

— Рад был с вами познакомиться, ребята. Еще увидимся...

Тедди принялся водить карандашом по обложке файла. Питер остановился и посмотрел на него.

— Питер? — сказал Тедди.

— Да?

— Я...

— Вы не могли бы перестать?

Тедди выводил по картону свои инициалы широкими замедленными движениями.

— Я тут подумал...

— Пожалуйста, вы можете...

Тедди поднял глаза, продолжая корябать по картону.

— Что?

— ...*так не делать*?

— Как? — Тедди опустил глаза и, оторвав карандаш от картонки, вопросительно поднял брови, глядя на Питера.

— Да. Так. Спасибо.

Тедди бросил карандаш поверх файла.

— Так лучше?

— Спасибо.

— Вам знаком пациент по имени Эндрю Лэддис?

— Нет.

— Нет? Здесь нет такого?

Питер пожал плечами:

— По крайней мере, в корпусе А. Может, он в С? Мы с ними не пересекаемся. Они там все законченные психи.

— Ну что ж, спасибо тебе, Питер. — С этими словами Тедди взял карандаш и продолжил выводить каракули.

После Питера Брина пришел черед Леоноры Грант. Леонора полагала, что она Мэри Пикфорд, Чак — Дуглас Фэрбенкс, а Тедди — Чарли Чаплин. А кафетерий представлялся ей офисом «Юнайтед артистс» на бульваре Сансет, куда они пришли обсудить предложение государственных ценных бумаг. Она беспрерывно поглаживала руку Чака и спрашивала, кто ведет протокол.

В конце концов санитары вынуждены были оторвать ее от Чака, Леонора же напоследок воскликнула:

— Adieu, mon cheri. Adieu.^[5]

Дойдя до середины кафетерия, она вырвалась из клещей санитаров, снова подбежала к ним и схватила Чака за руку со словами:

— Не забудь покормить кота.

— О'кей, — пообещал тот, глядя ей в глаза.

Следующим привели Артура Туми, который настаивал на том, чтобы его называли Джо. Групповую терапию он в общем-то проспал. Джо, как выяснилось, был нарколептиком. Он и сейчас два раза уснул, причем второй раз практически с концами.

Тедди ощущал атмосферу больницы всеми фибрами души. От всего этого мороз подидал по коже, и, сочувствуя больным, за исключением Брина, он отказывался понимать, как можно работать в таком заведении.

Трей привел к ним миниатюрную блондинку с лицом похожим на кулон. Ее глаза излучали ясность. Не ту, которая может обнаружиться и во взгляде безумца, а нормальную будничную ясность умной женщины, живущей в безумном мире. Она улыбнулась им, а когда садилась, слегка помахала каждому рукой.

Тедди сверился с заметками Коули. Бриджет Кирнс.

— Мне отсюда не выйти, — сказала она после затянувшейся паузы. Ее отличал тихий уверенный голос и то, что она гасила сигареты, докуривая их до середины. А чуть больше десяти лет назад она зарубила мужа топором. — Может, и не надо, — добавила она.

— Почему? — удивился Чак. — Вы уж простите, что я это говорю, мисс Кирнс...

— Миссис.

— Простите, миссис Кирнс, но вы производите на меня впечатление, гм, нормального человека.

Она откинулась на спинку стула с непринужденностью, которой мог бы позавидовать любой в этом заведении, и тихо рассмеялась.

— Наверно. Но я такой не была, когда сюда поступила. Спасибо, хоть фотографий моих не делали. Мне был поставлен диагноз «маниакально-депрессивный психоз», который я под сомнение не ставлю. У меня бывают черные полосы. Как, вероятно, у каждого. Разница в том, что большинство женщин не зарубили своих мужей топором. Мне говорят, что я до сих пор не изжила глубокий, неразрешенный конфликт с моим отцом, и с этим я тоже согласна. Сомневаюсь, что если бы я вышла отсюда, то снова кого-нибудь убила бы, но гарантии никто не даст. — Она направила в их сторону кончик зажженной сигареты. — Мне кажется, когда муж тебя избивает и трахает через одну посторонних женщин, и при этом помоши ждать не от кого, то можно понять, если ты его в конце концов зарубишь топором.

Она встретилась взглядом с Тедди, и что-то в ее зрачках — слегка прикрытая беспечность школьницы, что ли, — заставило его рассмеяться.

— Что такое? — спросила она, подхватывая его смех.

— Может, вам действительно *не надо* выходить отсюда.

— Вы так говорите, потому что вы мужчина.

— Тут вы правы.

— Тогда я вас не виню.

После Питера Брина смех был отдушиной, хотя с моей стороны, подумал Тедди, пожалуй, присутствует легкий флирт. И с кем! С душевнобольной, бросающейся на людей с топором. *Видишь, Долорес, до чего я докатился*. Но особых угрызений совести он не испытывал. После двух долгих черных лет траура разве он не заслужил права на безобидную словесную дуэль.

— Что я буду делать, если выйду отсюда? — спросила Бриджет. — Я себе не представляю, что творится в этом мире. Говорят, появились бомбы. Бомбы, способные превращать целые города в груды пепла. А еще телевизоры. Их ведь так называют, да? Поговаривают, что у нас в каждом корпусе скоро появятся, и мы сможем смотреть пьесы. Не уверена, что мне это понравится. Голоса в

ящике. Лица в ящике. Я и так каждый день слышу достаточно голосов и вижу достаточно лиц. Лишний шум мне ни к чему.

— Вы можете что-нибудь нам рассказать о Рейчел Соландо? — спросил Чак.

Она молчала. Словно вдруг споткнулась. Тедди пристально наблюдал за движением ее зрачков. Она как будто рылась у себя в мозгу в поисках нужного файла. Он поспешил черкнуть «ложь» у себя в блокноте и накрыл рукой страничку.

Теперь она говорила взвешенно и как бы заученно:

— Рейчел довольно приятная. Но закрытая. Она любит поговорить о дожде, но в основном она молчит. Она считает, что ее дети живы. Что она по-прежнему живет в Беркшире, а мы все — ее соседи, почтальоны, разносчики, молочницы. С ней трудно сойтись.

Она сказала это с опущенной головой и, даже закончив, не подняла глаз на Тедди. Она разглядывала столешницу, а потом закурила очередную сигарету.

Размышляя над услышанным, Тедди понял, что ее описание мании Рейчел почти слово в слово совпадает с тем, что им вчера говорил Коули.

— Давно она здесь?

— Что?

— Рейчел. Давно она с вами в корпусе В?

— Три года? Что-то около этого. Я теряю счет дням. Это неудивительно в таком месте.

— А до этого где она была? — спросил Тедди.

— Кажется, в корпусе С. Потом ее вроде перевели к нам.

— Но вы в этом не уверены?

— Нет. Я... я же говорю, здесь теряешь счет дням.

— Ясно. Когда вы ее последний раз видели, не заметили чего-нибудь необычного?

— Нет.

— На группе.

— Что?

— Вы ее там последний раз видели, — напомнил Тедди. — На групповой терапии. Позавчера.

— Да-да. — Она несколько раз кивнула, смахнув пепел с края пепельницы. — На группе.

— И вы все потом отправились по своим палатам?

— С мистером Гантоном, да.

— Как вел себя доктор Шин в тот вечер?

Она подняла глаза, на ее лице была написана растерянность, возможно, даже страх.

— Я не понимаю, о чём вы.

— Доктор Шин был на группе в тот вечер?

Она посмотрела на Чака, потом на Тедди, закусила верхнюю губу.

— Да. Был.

— Какой он?

— Доктор Шин?

Тедди кивнул.

— Нормальный. Он милый. Красивый.

— Красивый?

— Да. Как говорила моя матушка, есть на что посмотреть.

— Он с вами флиртовал?

— Нет.

— Делал сексуальные намеки?

— Нет-нет, что вы. Доктор Шин хороший.

— А в тот вечер?

— В тот вечер? — Она подумала. — Все как обычно. Мы разговаривали про, м-м-м, про то, как подавлять гнев. Рейчел жаловалась на дождь. Потом доктор Шин ушел, нашу группу разделили, мистер Гантон развел нас по палатам, и мы легли спать, и все.

Тедди под словом «ложь» написал «натаскали» и закрыл блокнот.

— Все?

— Да. А утром Рейчел не оказалось на месте.

— Утром?

— Да. Утром, проснувшись, я узнала, что она совершила побег.

— А как же ночью, около полуночи? Разве вы не слышали?

— Не слышала чего? — Она не до конца затушила сигарету и развеяла рукой струйку дыма.

— Суматоху. Когда ее не обнаружили у себя.

— Нет, я...

— Выкрики, шум, топот ног, сигнал тревоги.

— Я решила, что это сон.

— Сон?

Она быстро кивнула:

— Ну да. Ночной кошмар. — Она повернулась к Чаку: — Можно мне стакан воды?

— Разумеется.

Чак встал и, осмотревшись, заметил возле железного чана с водой стопку пластиковых стаканов. Тут же один из санитаров привстал со стула:

— Пристав?

— Я за водой. Все в порядке.

Чак подошел к автомату, взял стаканчик, подумал несколько секунд, из какого кранника течет молоко, а из какого вода.

И в тот момент, когда он поднял патрубок в виде железной подковки, Бриджет Кирнс схватила со стола блокнот и ручку и, на миг встретившись глазами с Тедди, что-то написала на чистой странице, после чего закрыла блокнот и вернула его вместе с ручкой владельцу.

В глазах у Тедди застыл знак вопроса, но она уже опустила взгляд, праздно поглаживая сигаретную пачку.

Вернулся Чак с водой и занял свое место. Они смотрели, как Бриджет осушила полстакана.

— Спасибо, — сказала она. — У вас есть еще вопросы? А то я немного устала.

— Вы встречались с пациентом по имени Эндрю Лэддис? — спросил ее Тедди.

На ее лице ничего не отразилось. Ровным счетом. Оно превратилось в гипсовую маску. Ее ладони, казалось, давили на столешницу, словно она опасалась, что в противном случае стол взмоет к потолку.

Тедди готов был поклясться, что она сейчас заплачет, хотя и не понимал причины.

— Нет, — сказала она. — Не слышала о таком.

— Думаешь, ее натаскали? — спросил Чак.

— А ты так не думаешь?

— Какая-то нарочитость в этом чувствовалась, пожалуй.

На этот раз защищенные от дождя, они шли по крытому переходу, соединявшему «Эшклиф» с корпусом В.

— Какая-то? Она употребляла те же слова, что и Коули. Когда речь зашла о теме последней групповой терапии, она задумалась, а потом сказала: «Как подавлять гнев?» Словно не была уверена. Словно она пришла на экзамен после ночи зубрежки.

— И как это понимать?

— Спроси что-нибудь полегче. Пока у меня одни вопросы, и каждые полчаса их становится больше.

— Да уж, — согласился Чак. — Слушай, вот тебе еще один: кто такой этот Эндрю Лэддис?

— Что, уловил? — Тедди закурил сигаретку из тех, что он выиграл в покер.

— Ты всех больных про него спрашивал.

— Кена и Леонору Грант не спрашивал.

— Они бы не смогли тебе сказать, на каком они свете.

— Тоже верно.

— Мы как-никак партнеры, босс.

Тедди привалился спиной к каменной стене, Чак последовал его примеру. Повернув голову, Тедди пристально посмотрел в глаза напарнику:

— Мы едва знакомы.

— Значит, ты мне не доверяешь?

— Я тебе доверяю, Чак. Правда. Но я тут нарушаю кое-какие правила. Я сам попросил, чтобы меня послали на это дело. Как только в головной офис поступил сигнал.

— И что?

— А то, что мои мотивы не совсем беспристрастные.

Чак кивнул, закурил и на несколько секунд задумался, переваривая услышанное.

— Моя девушка Джулия, Джулия Такетоми, такая же американка, как и я. Совсем не говорит по-японски. Блин, ее родители родились в этой стране. И вдруг она оказывается в лагере для интернированных... — Он помотал головой, выкинул недокуренную сигарету под дождь и задрал рубашку над правым бедром. — Вот, взгляни. Еще один шрам.

Тедди опустил глаза. Рубец был длинный, багрово-темный, как желе, и толстый, как его большой палец.

— Тоже получен не на войне. Это я уже был в приставах. Дом в Такоме. Когда я туда вошел, этот парень, за которым мы гонялись, полоснул меня саблей. Веришь, нет? Гребаной саблей. Я три недели провалялся в госпитале, пока они сшивали мои внутренности. Я все отдал этой службе, Тедди. Этой стране. И после всего меня погнали из моего родного округа только потому, что я запал на американку с раскосыми глазами! — Он снова заправил рубашку в брюки. — Да пошли они все куда подальше.

— Знай я тебя чуть получше, — сказал Тедди после короткой паузы, — я бы побился об заклад, что ты по-настоящему любишь эту женщину.

— Умереть за нее готов, — сказал Чак. — И не пожалею.

Тедди кивнул со знанием дела. Самое чистое из известных ему чувств.

— Не упусти эту веревочку, парень.

— Ладно, Тедди. В этом все и дело. Но ты должен мне сказать, что нас сюда привело. И что за фрукт этот Эндрю Лэддис.

Тедди бросил окурок на каменный пол и раздавил его каблуком.

Долорес, подумал он про себя, я должен ему рассказать. В одиночку у меня ничего не выйдет.

После всех моих прегрешений — пьянства, этих отлучек, когда я надолго оставлял тебя одну, слушаев, когда я тебя подводил, когда разбивал твое сердце, — это, может, мой последний шанс искупить свою вину.

Я хочу восстановить справедливость, дорогая. Я хочу покаяться. И ты, как никто, должна меня понять.

— Эндрю Лэддис. — Слова застряли в пересохшем горле. Он собрал немного слюны, сглотнул и попробовал еще раз: — Эндрю Лэддис занимался техобслуживанием многоквартирного дома, где жили мы с женой.

— Ясно.

— А еще он был поджигатель.

Чак смотрел в глаза напарнику, пытаясь осмыслить эту информацию.

— То есть...

— Эндрю Лэддис зажег спичку, которая вызвала пожар...

— Господи.

— ... в котором погибла моя жена.

Тедди прошел до конца перехода и, высунув голову из-под крыши, подставил лицо под дождь. Секунду назад в этой пелене блеснул ее силуэт и тут же растворился, стоило Тедди к нему прикоснуться.

В то утро она не хотела, чтобы он уходил на работу. В последний год своей жизни она стала необъяснимо капризной, склонной к бессоннице, награждавшей ее тремором и дурманом. После того как прозвенел будильник, она пощекотала его и предложила закрыть ставни, дабы отгородиться от внешнего мира и не вылезать из постели. Обнимая Тедди, она стискивала его чересчур крепко и чересчур долго, ее косточки впивались ему в шею.

Она к нему прильнула, когда он принимал душ, но он уже спешил, уже опаздывал и ко всему прочему, как частенько бывало в последнее время, страдал от похмелья. В мозгу одновременно помутнело и покалывало. Ее прижавшееся тело казалось наждачной бумагой. А струя душа — градом шарикоподшипников.

— Останься, — просила она. — Один денек. Что от этого изменится?

Он вымучил улыбку и осторожно убрал ее с дороги, чтобы взять кусок мыла.

— Детка, я не могу.

— Почему? — Ее рука оказалась у него между ног. — Дай мне мыло. Я тебя помою. — Ее ладошка скользнула под мошонку, зубки покусывали его грудь.

Он не стал ее отпихивать. Просто взял за плечи и тихонько отодвинул от себя.

— Ну все, — сказал он. — Мне правда надо идти.

Она рассмеялась и снова попробовала к нему прижаться, но в ее глазах светилось отчаянное желание. Быть счастливой. Быть не одной. И вернуть старые времена, когда он еще не работал так много, не пил так много, и все это изменилось, когда однажды она проснулась и увидела, что мир слишком ярок, слишком громок, слишком холоден.

— Ладно, ладно. — Она немного отстранилась, чтобы он мог видеть ее лицо, так как от горячих струй, барабанивших по его плечам,

вокруг нее клубился пар. — Я уступаю. Не целый день, милый. Не целый день. Один час. Ты опоздаешь на один час.

— Я уже...

— Один час, — повторила она, гладя его мыльной ладонью. — Один час, а потом можешь идти. Я хочу, чтобы ты в меня вошел. — Она привстала на цыпочки, чтобы поцеловать его.

Он чмокнул ее в губы и сказал:

— Детка, я не могу. — И повернулся к струе воды.

— А вдруг они опять тебя пошлют? — спросила она.

— Куда?

— Воевать.

— Эти пигмеи? Детка, война закончится раньше, чем я успею зашнуровать ботинки.

— Не знаю, — сказала она. — Зачем мы вообще туда полезли?

Сам посуди...

— Затем, что Корейская народная армия получила оружие не из воздуха, детка. Они получили его от Сталина. Мы должны показать, что усвоили урок Мюнхена. Мы должны были остановить Гитлера еще тогда, а теперь мы остановим Сталина и Мао. В Корее.

— И ты полетишь.

— Если меня призовут? А куда я денусь. Но не призовут, детка.

— Почем ты знаешь?

Он молча намыливал голову шампунем.

— Ты когда-нибудь задумывался, почему они нас так ненавидят? Коммунисты? — спросила она. — Почему они не оставят нас в покое? Скоро мир взлетит на воздух, а ради чего, спрашивается?

— Не взлетит.

— Взлетит. Почитай газеты...

— А ты не читай.

Он промыл волосы, она прижалась лицом к его спине, ее руки гуляли внизу его живота.

— Я вспомнила, как в первый раз увидела тебя в «Роще». Ты был в форме.

Бот чего Тедди не выносил. Экскурсы в Прошлое. Она не могла принять настоящее, принять их такими, какие они есть, с бородавками и всем прочим, и поэтому петлистыми дорожками возвращалась назад, чтобы согреть душу.

— Ты был такой красивый. Линда Кокс сказала: «Я первая его увидела». И знаешь, что я ей на это ответила?

— Детка, я опаздываю.

— Вот *этого* я ей точно не говорила. Я сказала: «Линда, может, ты его и первая увидела, зато я его увижу последняя». Вблизи ты ей показался злой. А я ей: «Дорогая, ты его глаза видела? В них нет ни капли злости».

Тедди выключил воду, развернулся и увидел, что его жена успела выпачкаться. Здесь и там островки мыльной пены.

— Может, снова включить?

Она помотала головой.

Обернув чресла полотенцем, он брился над раковиной, а Долорес, прислонясь к стене, наблюдала за ним, и мыльная пена высыхала на ее теле белыми островками.

— Почему бы тебе не вытереться и не надеть халат? — спросил он.

— Уже ничего не осталось, — отозвалась она.

— Еще как осталось. Вся как будто в белых пиявках.

— Это не мыльная пена.

— А что ж тогда?

— «Кокосовая роща». Забыл? Сгорела до основания, у тебя на глазах.

— Да, детка, я слышал.

— У тебя на глазах, — выпевала она, чтобы как-то развеять атмосферу. — У тебя на глазах.

У нее всегда был прелестный голос. Когда он вернулся с войны, они раскошелились на одну ночь в отеле «Паркер хаус» и, после того как занялись любовью, он впервые услышал, как она поет. Мотивчик «Buffalo Girls»^[6] проникал из ванной вместе с паром, просачивавшимся из-под двери.

— Эй, — окликнула она его после паузы.

— Что? — Он поймал в зеркале отражение ее левого бока с практически высохшей мыльной пеной. Чем-то это его не устраивало, что-то здесь было не так, хотя он не мог понять, что именно.

— У тебя кто-нибудь есть?

— Что?

— Другая женщина?

— Что за бред? Я *работаю*, Долорес.
— Я трогаю твой хуй...
— Не произноси этого слова. Мать честная.
— ...а у тебя даже не встает.
— Долорес. — Он развернулся к ней. — Ты говорила о бомбах. О конце света.

Она пожала плечами, словно эти слова не имели никакого отношения к их разговору. Она уперла стопу в стенку и пальцем вытерла с ляжки капли воды.

— Ты меня больше не ебешь.
— Долорес, я серьезно. Не произноси таких слов в этом доме.
— Из чего следует, что ты ебешь другую.
— Никого я не ебу, и перестань употреблять это слово, слышишь!
— Какое слово? — Она положила ладонь на темный лобок. — Ебать?

— Да. — Он упреждающе поднял одну руку, а второй продолжил бриться.

— Значит, это плохое слово?
— Ты сама знаешь. — Он вел лезвием вверх по горлу, подскребывая напененную щетину.
— А какое тогда хорошее?
— А? — Он обмакнул бритву и слегка встряхнул.
— Какое слово, если говорить о моей анатомии, не заставит тебя показывать мне кулак?
— Я не показывал тебе кулак.

— Только что.
Покончив с горлом, он вытер лезвие салфеткой и приготовился брить левую щеку от виска.

— Нет, детка. Ничего подобного. — Он поймал в зеркале ее левый глаз.

— Что тут скажешь? — Она провела одной рукой по верхним волосам, а другой по нижним. — То есть ее можно лизать, ее можно целовать, ее можно трахать. Можно смотреть, как из нее выходит новорожденный. Но нельзя ее называть?

— Долорес...
— Пизда.

Дернувшееся лезвие вошло под кожу чуть не до кости. У него мгновенно расширились зрачки, а левую половину лица охватил пожар. А когда в открытую рану попал крем для бритья, его мозг прошли десятки игл, и кровь, смешавшись с белой пеной, хлынула в раковину.

Она протянула ему полотенце, но он ее оттолкнул, всасывая воздух сквозь стиснутые зубы и чувствуя, как боль застилает глаза и выжигает мозг. Ему хотелось расплакаться. Не от боли. Не от похмелья. А оттого, что он не понимал, что происходит с его женой, с той девушкой, с которой он когда-то танцевал в «Кокосовой роще». Он не понимал, куда катится она и куда катится этот мир с его маленькими грязными войнами и вспышками пламенной ненависти, с его шпионами в Вашингтоне и Голливуде, противогазами в школах и бомбоубежищами в подвалах домов. И все это было как-то связано между собой — его жена, этот мир, его алкоголизм, его участие в войне с искренней верой в то, что она положит всему этому конец...

Он истекал кровью, а за его спиной Долорес все повторяла «прости, прости, прости», и он взял из ее рук полотенце, когда она протянула его во второй раз, но при этом избегая физического контакта и не глядя на нее. Он слышал, что ее голос дрожит, он догадывался, что по ее лицу текут слезы, и ненавидел этот мир, такой же бессмысленный и непотребный, как и все в нем.

В газетной заметке были процитированы его последние слова, сказанные жене, — о том, что он ее любит.

Вранье.

А на самом деле?

Держась одной рукой за дверную ручку, а другой прижимая к щеке третье полотенце, в ответ на ищущие глаза жены он произнес:

— Господи, Долорес, да соберись ты уже, в конце концов. У тебя есть обязательства. Подумай о них хотя бы иногда, о'кей? И приведи свои дурацкие мозги в порядок.

Это было последнее, что она от него услышала. Он закрыл за собой дверь, спустился по лестнице и остановился на последней ступеньке. Может, вернуться? Вернуться и сказать правильные слова. Ну, если не правильные, то хотя бы помягче.

Помягче. Вот было бы хорошо.

По переходу к ним приближалась женщина: со шрамом на шее цвета лакрицы, в кандалах на запястьях и щиколотках, справа и слева по санитару. Она со счастливым видом махала локтями, как крыльями, и крякала по-утиному.

— Что она натворила? — спросил Чак.

— Старушка Мэгги? — уточнил санитар. — Здесь ее называют Мэгги-Суфле. Да вот, ведем в водолечебницу. За ней нужен глаз да глаз.

Мэгги остановилась перед приставами, санитары предприняли вялую попытку продолжить движение, но она отпихнула их локтями и заняла твердую позицию. Один из санитаров закатил глаза к небу и со вздохом изрек:

— Сейчас начнет проповедовать, готовьтесь.

Мэгги сверлила их своими зрачками, а ее набок склоненная головка ходила туда-сюда, как у черепашки, что-то вынюхивающей перед собой.

— Я есмь путь, — возглашала она. — Я есмь свет. И я не буду печь ваши гребаные пироги. Ясно?

— Ясно, — подтвердил Чак.

— Как скажете, — согласился Тедди. — Никаких пирогов.

— Вы как были здесь, так и пребудете. — Она понюхала воздух. — Ваше будущее и ваше прошлое совершают цикл, как Луна вокруг Земли.

— Да, мэм.

Она подалась вперед и обнюхала их. Сначала Тедди, потом Чака.

— Они скрытничают. Тайнами устлана дорога в ад.

— И пирогами, — сказал Чак.

Она улыбнулась ему, и на миг почудилось, будто в ее зрачках наступило просветление.

— Смейтесь, — сказала она Чаку. — Это полезно для души. Смейтесь.

— О'кей, мэм, — согласился он. — Я стараюсь.

Она тронула его нос согнутым пальцем.

— Я хочу вас таким запомнить. Смеющимся.

Тут она развернулась и пошла дальше. Санитары быстро пристроились по бокам, и вскоре они исчезли за боковой дверью,

ведущей в больницу.

— Веселая девушка, — сказал Чак.

— Такую можно и с мамой познакомить.

— Чтобы она ее убила и сплавила в сортир во дворе. — Чак закурил. — Значит, Лэддис...

— Убил мою жену.

— Ты это говорил.

— Он был поджигателем.

— Это ты тоже говорил.

— А еще занимался техобслуживанием нашего дома. Поцапался с домовладельцем, и тот его уволил. На тот момент известно было только то, что это поджог. *Кто-то* щелкнул зажигалкой. Лэддис был в списке подозреваемых, но нашли его не сразу, а когда нашли, у него обнаружилось алиби. Лично у меня он тогда не вызывал подозрений.

— И что тебя заставило изменить свое мнение?

— Год назад открываю газету, и вот он собственной персоной. Спалил школу, где работал. Та же история: его уволили, позже он вернулся, пробрался в подвал и устроил там поджог, предварительно раскочегарив бойлерный котел, чтобы тот взорвался. Почерк один к одному. Детей в школе не было, только работавшая допоздна директриса. Которая и сгорела. Лэддиса судили, он заявил, что слышал голоса и все такое, и в результате оказался в психушке города Шаттака в Оклахоме. Позднее там что-то произошло — не знаю, что именно, — но полгода назад его перевели сюда.

— Но здесь его никто не видел.

— Ни в А, ни в В.

— То есть он может быть в корпусе С.

— Да.

— Если не умер.

— Тоже вариант. Лишний повод поискать кладбище.

— Предположим, он жив.

— О'кей...

— Если ты его найдешь, Тедди, что ты с ним сделаешь?

— Не знаю.

— Не надо ля-ля, босс.

Зацокали каблучки. Две медсестры шли по переходу, прижимаясь к стене, чтобы не угодить под дождь.

— Мальчики, вы же *мокрые*, — сказала одна из них.

— Везде? — спросил Чак, и та, что держалась ближе к стене, миниатюрная брюнеточка, засмеялась.

Когда они уже прошли, брюнетка обернулась:

— Вы всегда так заигрываете, приставы?

— Это зависит... — ответил Чак.

— От?

— Качества обслуживания персонала.

Медсестры притормозили, и, когда до них дошел смысл сказанного, брюнеточка прыснула в плечо подруги, и так они обе, хихикая, скрылись за дверью.

Боже, как Тедди завидовал Чаку. Его способности верить в то, что говорит. Этим примитивным заигрываниям. Этой солдатской привычке с ходу жонглировать словами. А больше всего — какому-то воздушному шарму.

С шармом у Тедди всегда были проблемы. После войны они только усугубились. После Долорес от шарма не осталось и следа.

Шарм был роскошью для тех, кто все еще верил в справедливость миропорядка. В чистоту помыслов и штакетник вокруг участка.

— Знаешь, — сказал он Чаку, — в то последнее утро она заговорила со мной про пожар в «Кокосовой роще».

— Да?

— Там мы познакомились. В «Роще». Она пришла туда с богатенькой подружкой, а меня пустили, потому что военнослужащим полагалась скидка. Это было перед самой отправкой на фронт. Я всю ночь с ней танцевал. Даже фокстрот.

У Чака вытянулась шея и выкатились глаза.

— Ты и фокстрот? Я пытаюсь себе это представить, но...

— Э, приятель, видел бы ты в ту ночь мою будущую жену! Она бы поманила тебя пальцем, и ты бы прыгал вокруг нее кузнецом.

— Короче, вы с ней познакомились в клубе «Кокосовая роща».

Тедди кивнул:

— А потом он сгорел, пока я был в... Италии? Точно, в Италии... она посчитала это, как сказать, чуть ли не знаковым событием. Она страшно боялась пожара.

— И от пожара погибла, — тихо промолвил Чак.

— Невероятно, да? — Тедди вдруг увидел, как она стояла в то утро в ванной комнате, прижав стопу к стене, совершенно голая, с засохшими пятнами белой мыльной пены на теле.

— Тедди?

Он вскинул лицо. Чак развел руки в стороны.

— Ты можешь на меня рассчитывать. Что бы ни случилось. Хочешь найти Лэддиса и убить его? Зекински.

— Зекински. — Тедди улыбнулся. — Забыл, когда последний раз слышал это...

— Только одно, босс. Я должен знать, чего ждать. Нет, серьезно. Мы должны разгрести эту помойку, чтоб комар носа не подточил, иначе новые «Кефоверские слушания»^[7] нам обеспечены. В наши дни приглядывают со всех сторон. За каждым. Двадцать четыре часа в сутки. Мир съеживается с каждой минутой. — Чак откинул назад густые волосы, упавшие ему на лоб. — Я думаю, ты много чего знаешь про это место. Я думаю, ты знаешь много такого, о чем не говоришь мне. Я думаю, ты приехал сюда, чтобы устроить маленькую заварушку.

Тедди приложил руку к груди.

— Я не шучу, босс.

— Мы мокрые, — сказал Тедди.

— И какой отсюда вывод?

— Вывод такой. Не вымокнуть ли нам еще сильнее?

Они вышли за ворота и взяли курс вдоль берега. Дождь шел стеной. На скалы обрушивались волны размером с дом и, разбившись, уступали место новым.

— Я не хочу его убивать. — Тедди пытался перекричать вселенский грохот.

— Нет?

— Нет.

— Верится с трудом.

Тедди пожал плечами.

— Если бы это была *моя* жена? — сказал Чак. — Я бы его убил два раза подряд.

— Я устал от убийств. — сказал Тедди. — На фронте я сбился со счета. Не веришь, Чак? Я говорю правду.

— И все же. Твоя жена, Тедди.

Они дошли до россыпи острых черных валунов, за которыми поднимались деревья, и свернули в глубь острова.

— Послушай, — сказал Тедди, когда они выбрались на небольшое плато, окруженнное густыми кронами, частично спасавшими от дождя. — Для меня по-прежнему работа на первом месте. Мы выясним, что произошло с Рейчел Соландо. Если по ходу дела я обнаружу Лэддиса — тем лучше. Тогда я ему скажу: я знаю, что ты убил мою жену. А еще скажу, что буду ждать на материке, когда его выпустят. Скажу, что, пока я жив, свободой он не надышится.

— И это все? — спросил Чак.

— Все.

Чак рукавом вытер лицо, откинул со лба прядь волос.

— Я тебе не верю. Не верю, и все.

Взгляд Тедди был устремлен в обход сбившихся в круг деревьев к навершию больницы «Эшклиф», к ее недремлющим слуховым окнам.

— Неужели, по-твоему, Коули не понимает, что тебя сюда привело?

— Меня сюда привела Рейчел Соландо.

— Тедди, блин, если этот тип, убивший твою жену, был переведен сюда, то...

— Он не был *осужден* за это. Так что нет ничего, что нас связывало бы. Ничего.

Чак присел на камень посреди поляны и опустил голову, по которой лупил дождь.

— Остается кладбище. Почему бы нам его не найти, раз уж мы здесь? Если увидим там плиту с именем Лэддиса, это будет означать, что полдела сделано.

Тедди перевел взгляд на кружок мрачно чернеющих деревьев.

— Отлично.

Чак встал.

— Кстати, что она тебе сказала?

— Кто?

— Пациентка. — Чак, вспомнив имя, прищелкнул пальцами. — Бриджет. Она послала меня за водой. И что-то тебе сказала, я знаю.

— Ничего.

— Ничего? Не ври. Я знаю, что она что-то тебе...

— Она написала.

Тедди похлопал себя по карманам плаща в поисках блокнота. В конце концов нашел во внутреннем кармане и принял листать.

Чак, насвистывая, гусиным шагом протаптывал дорожку в мягкому грунте.

Тедди, нашедший нужную страницу, не выдержал:

— Адольф, может, хватит?

Чак приблизился.

— Нашел?

Тедди, кивнув, повернул блокнот так, чтобы Чаку была видна страница с одним-единственным словом, написанным убористым почерком и уже начинающим терять очертания из-за дождя:

беги

Они наткнулись на камни, пройдя около полукилометра вглубь острова, а тем временем небо потемнело из-за сгустившихся плоских туч. После того как приставы вскарабкались по скалистым уступам, покрытым раскисшим грунтом и худосочной скользкой морской руппийей, оба основательно вымазались в грязи.

Их глазам открылось поле внизу, такое же плоское, как тучи, и голое, если не считать редких кустиков, наметанных бурей пальх листвьев да мелких камней, видимо тоже заброшенных сюда ветром. Они спустились до середины обратного ската, и тут Тедди остановился, чтобы еще раз приглядеться к этим камням.

Те лежали небольшими кучками, которые разделяло сантиметров пятнадцать. Тедди тронул Чака за плечо и показал на них пальцем.

— Сколько кучек ты видишь?

— Что? — не понял Чак.

— Видишь камни?

— Ну?

— Они лежат отдельными кучками. Сколько их, можешь посчитать?

Ответом ему был характерный взгляд. Уж не подействовала ли буря на его рассудок...

— Это обыкновенные камни, — сказал Чак.

— Я серьезно.

Чак еще пару секунд изучал его с тем же выражением, а затем сфокусировался в нужном направлении. После паузы он произнес:

— Я насчитал десять.

— Я тоже.

У Чака поехала по грязи нога, он беспомощно замахал руками, но напарник вовремя схватил его за руку и помог удержать равновесие.

— Мы сможем спуститься? — На лице Чака появилась гримаса легкой досады.

Когда они спустились вниз и подошли к каменным пирамидкам, Тедди убедился, что они образуют две параллельные линии. Одни

кучки были меньше, чем другие. В каких-то было всего четыре камня, тогда как в иных — десять, если не все двадцать.

Тедди прошел между рядами и, остановившись, обратился к Чаку:

— Мы просчитались.

— То есть?

— Между двумя рядами, видишь? — Он подождал, пока товарищ подойдет ближе и поглядит с его точки. — Вот еще камень. Это отдельный ряд.

— При таком ветре? Да нет. Он просто свалился с одной из кучек.

— Он находится на одинаковом расстоянии от ближайших пирамид. По пятнадцать сантиметров от этой и от этой. И за следующим рядом, смотри: еще два отдельно лежащих камня.

— То есть?

— То есть всего, Чак, каменных кучек — тринадцать.

— Ты считаешь, что это она их оставила. Ты всерьез так считаешь?

— Я считаю, что кто-то их оставил.

— Очередной шифр?

Тедди присел на корточки. Он надвинул плащ на голову, а полы растянул по бокам так, чтобы обезопасить блокнот от дождя. В дальнейшем он передвигался точно краб, останавливаясь возле очередной пирамидки, чтобы сосчитать камни и записать результат. Когда он с этим покончил, у него набралось тринадцать чисел: 18—1—4—9—5—4—23—1—12—4—19—14—5.

— Может, это комбинация для самого большого в мире амбарного замка, — предположил Чак.

Тедди закрыл блокнот и спрятал его в карман.

— Отличная шутка.

— Спасибо. Я планирую участвовать в вечернем ток-шоу «Катскилл». Приходи, гостем будешь.

Тедди стянул плащ с головы и встал, а дождь снова забарабанил по макушке, и ветер вновь обрел голос.

Теперь они двигались на север, скалы остались справа, а «Эшклиф» смутно прорисовывался слева сквозь стену ливня. За полчаса погода заметно ухудшилась, и им приходилось подпирать друг друга плечом, точно двум пьяницам, чтобы элементарно поддерживать разговор.

— Коули спросил, служил ли ты в военной разведке. Ты солгал?

— И да и нет, — ответил Тедди. — Я уволился из регулярных войск.

— А потом...

— Меня послали в радиошколу.

— И оттуда?

— После ускоренного курса обучения — разведка.

— Как же ты в результате оказался в коричневом прикиде?

— Облажался. — Из-за сильного ветра Тедди пришлось кричать. — Напутал с расшифровкой. Координаты расположения неприятеля.

— И чем это обернулось?

Тедди и сейчас слышал звуки по рации. Крики, атмосферные помехи, стоны, атмосферные помехи, автоматные очереди и снова крики, стоны и атмосферные помехи. И на фоне всего этого голос паренька: «Ты видел, куда отлетели мои конечности?»

— Полбатальона положил. — Тедди перекрикивал вой ветра. — Своими руками преподнес, как мясной рулет на тарелке.

С минуту в его ушах завывал ветер, и лишь потом вклинился Чак:

— Сочувствую. Жуткое дело.

Они поднялись на холм, откуда их чуть не снесло обратно порывами ветра, но Тедди вовремя ухватил Чака за локоть, и они устремились дальше, опустив головы вниз, и так медленно продвигались, споря со стихией, и даже не заметили первых надгробий. Вода заливала им глаза, и в конце концов Тедди просто налетел на плиту, вырванную с корнем и лежавшую лицевой стороной вверх.

ДЖЕЙКОБ ПЛАГ

ПОМОЩНИК БОЦМАНА

1832–1858

Слева от них сломалось дерево с таким треском, будто обвалилась крыша, Чак лишь успел крикнуть «ёпт!», и в это время здоровенный обломок просвистел у них под носом. Они шли по кладбищу, закрывая лица локтями, комки грязи, листья и ветки летали как живые, наэлектризованные, приставы несколько раз падали, ничего перед собой не видя, потом Тедди разглядел угольно-черный силуэт впереди и стал показывать на него пальцем, поскольку кричать было бесполезно. Какой-то пролетевший обрубок шоркнул его по волосам. Они побежали, а ветер лупил по ногам, и разлетавшаяся грязь облепляла колени.

Мавзолей. Петли стальной двери сломаны, порог зарос сорняками. Тедди потянул дверь на себя, и в это мгновение ветер отшвырнул его влево вместе с дверью, он рухнул на землю, дверь же сорвалась с нижних петель и с воем шандарахнула о стену. Проехав по грязи, Тедди поднялся, но мощный порыв ветра обрушился ему на плечи с такой силой, что он упал на одно колено перед зияющим черным проемом. Он просунулся внутрь.

— Ты когда-нибудь такое видел? — спросил Чак, когда они стояли рядом на пороге, наблюдая за тем, как остров беснуется в слепой ярости. Вокруг них вихрем носились комки грязи, листья, сломанные ветки и камни, дождь же не утихал ни на минуту, и гул стоял такой, словно стадо кабанов неслось по земле, выворачивая ее копытами.

— Никогда, — признался Тедди, отступая на шаг.

Чак нашел сухой коробок спичек во внутреннем кармане плаща и чиркнул сразу тремя спичками, закрывая ладони всем телом. Стоя в проеме, они увидели пустую цементную раку; если когда-то в ней и стоял гроб с телом, то он давно исчез. Пока не догорели спички, они подошли к каменной скамье за ракой и сели. Ветер продолжалноситься вокруг, громыхая дверью.

— По-своему даже красиво, — сказал Чак. — Вон какое небо. Кажется, природа сошла с ума. Ты видел эту надгробную плиту, сделавшую сальто?

— Вообще-то я ее подтолкнул, но все равно впечатляет.

— Ух ты! — Чак сжал в кулаках отвороты брючин, и под ним сразу образовались две лужи. Он попытался отлепить от тела насквозь промокшую рубашку. — Зря мы не остались в доме. Теперь, скорее всего, придется пересиживать здесь.

Тедди кивнул.

— Я, конечно, не специалист по ураганам, но у меня такое ощущение, что он еще раскочегарится.

— Если ветер изменит направление, это кладбище доберется и до нас.

— По мне, лучше быть здесь, чем там.

— Это да, вот только искать твердую почву под ногами в разгар урагана... считаешь, мы поступили умно?

— Не очень.

— Все произошло так быстро. Только что лил дождь, и вот уже мы, как Дороти, очутились в стране Оз.

— Это был торнадо.

— Что?

— Тогда. В Канзасе.

— А-а.

Завывания достигли пронзительной ноты. Ветер, обнаружив каменную стену мавзолея, обрушился на нее с кулаками, стена задрожала, и эта дрожь передалась Тедди.

— Еще раскочегарится, — повторил он.

— Что там сейчас делают психи, как думаешь?

— Воют в ответ.

Какое-то время они молча курили. Тедди вспомнил тот день, когда он с отцом вышел в море на моторке и впервые в жизни осознал, что природа к нему безразлична и что она гораздо могущественнее, чем ему казалось. Нынешний ураган представился ему этаким ястребом с загнутым клювом, с клекотом налетающим на мавзолей. Этот монстр вздымал волны высотой с башню, переламывал дома как спички и мог бы запросто зашвырнуть его в Китай.

— В сорок втором я был в Северной Африке, — сказал Чак. — Пережил там парочку песчаных бурь. Но это будет покруче. Хотя все забывается. Может, и тогда было что-то подобное.

— Лично я не против, — откликнулся Тедди. — То есть я, конечно, не отправился бы сейчас на прогулку, но это лучше, чем холод. В Арденах ты выдыхал, и пар тут же превращался в иней. Говорю, а у самого озноб. Пальцы замерзали так, что горели как обожженные. Ничего так, да?

— В Северной Африке нас доставала жара. Ребята буквально падали. Только что человек стоял, и вот уже валяется. У многих случалась коронарная недостаточность. Однажды я выстрелил в парня, так у него от этого зноя тело до того размякло, что он успел повернуться и проследить, как пуля вылетела из него с другой стороны. — Чак для большей убедительности пару раз ткнул пальцем в скамейку. — Вот так она вылетает, а он провожает ее глазами, — тихо сказал он. — Клянусь Богом.

— Единственный, кого ты убил?

— Вблизи. А ты?

— У меня не так. Я убил многих и все это видел невооруженным глазом. — Тедди прижался затылком к стене и уставился в потолок. — Если бы у меня был сын, я бы, наверно, не пустил его на войну. Даже на такую, как тогда, когда у нас не было выбора. Я не уверен, что от человека можно это требовать.

— Что?

— Убивать.

Чак подтянул к груди одно колено и сказал:

— Родители, подружка, друзья, не прошедшие медобследование в военкомате, все задают мне один и тот же вопрос, сам знаешь какой.

— Да.

— Что я чувствовал? Они хотят знать. А я не знаю, что я чувствовал. Это происходило с кем-то другим. А я на это смотрел откуда-то сверху. — Он развел руками. — Не знаю, как еще объяснить. Ты меня понимаешь?

— В Дахау нам сдались пятьсот эсэсовцев, — начал Тедди. — Там были репортеры, которые, как и мы, видели мертвые тела, сложенные штабелями на железнодорожной платформе. Они, как и мы, все понимали. И взглядами одобряли то, что мы сделали. А уж как мы хотели этого. Короче, мы расстреляли этих гребаных фрицев. Разоружили, поставили к стенке и расстреляли. Из ручных пулеметов. Триста с лишним, одним махом. А потом прошлись вдоль тел и добили в голову тех, кто еще дышал. Военное преступление, верно? Но это было *лучшее*, что мы могли сделать, Чак. Репортеры, сукины дети, нам аплодировали. А лагерники плакали от счастья. Поэтому нескольких эсэсовцев мы передали им. И они разорвали их на куски. К концу дня мы очистили эту землю от пятисот живых душ. Прикончили всех до

единого. Никакой самообороны, никаких военных действий. Убийство чистой воды. И при том никаких сомнений. Они заслуживали худшего. Значит, все в порядке — но как дальше с этим жить? Как объяснить жене, детям, родителям то, что ты совершил такое? Казнил безоружных людей. Пусть даже врагов. Невозможно. Они никогда не поймут. Хотя ты это сделал во имя справедливости. И все же поступил аморально. И тебе уже не отмыться.

Чак заговорил после паузы:

— По крайней мере, это было во имя справедливости. А посмотри на этих несчастных болванов, возвращающихся из Кореи. Они так и не поняли, что они там делали. Мы остановили Адольфа. Мы спасли миллионы жизней. Так? Это уже кое-что, Тедди.

— Да, кое-что, — согласился он. — Иногда этого бывает достаточно.

— Да уж.

Мимо входа в мавзолей пронеслось целое дерево, вниз макушкой, вверх корнями, похожими на рога.

— Ты видал?

— Ага. Оно очнется посреди океана и скажет: «Секундочку. Тут что-то не так».

— «Я же должно стоять вон там, на холме».

— «Сколько лет я мечтало увидеть его со стороны!»

Они тихо посмеялись, наблюдая за тем, как остров летает вверх тормашками, словно в ночном кошмаре.

— И много ли ты знаешь про это место, босс?

Тедди пожал плечами:

— Кое-что знаю, хотя хотелось бы больше. Но и от того, что я знаю, мне делается страшно.

— Ого. *Тебе* страшно. Что тогда должен испытывать обычный человек?

Тедди улыбнулся.

— Предельный ужас?

— Вас понял. Считай, что я ужаснулся.

— Это заведение считается экспериментальным. Я тебе уже говорил — радикальная терапия. Его финансирует частично государство, частично управление пенитенциарной системы, но

главные средства поступают из фонда, основанного КРАДом^[8] в пятьдесят первом году.

— Класс, — сказал Чак. — Борьба против коммунистов теперь ведется с острова в бостонской гавани. Интересно, каким же образом?

— Здесь проводят эксперименты на мозге, я так подозреваю. А результаты исследований Коули передает в ЦРУ через своих старых дружков по УСС. Наверно. Я не знаю. Про фенилцикличидин что-нибудь слыхал?

Чак помотал головой.

— ЛСД? Мескалин?

— Тоже нет.

— Это галлюциногены, — объяснил Тедди. — Наркотики, вызывающие галлюцинации.

— Ясно.

— Даже при минимальных дозах абсолютно здоровые люди вроде тебя или меня начинают видеть разные вещи.

— Например, пролетающие мимо вверх тормашками деревья?

— А, в том-то и вся штука. Если мы оба это видим, то нет никакой галлюцинации. Каждый видит свое. Прикинь, ты опустил глаза и видишь, что твои руки превратились в кобр, которые готовы тебя сожрать.

— Веселенькая перспектива.

— Или капли дождя превратились в горящие угли, а обычный куст — в тигра, изголовившегося к прыжку.

— Еще веселее. Лучше уж не вставать с постели. И ты говоришь, что эти наркотики могут тебе внушить, что такие вещи происходят на самом деле?

— Не «могут», а внушат. При правильной дозе ты *обязательно* начнешь галлюцинировать.

— Те еще наркотики.

— Вот-вот. И их действие мало чем отличается от того, что происходит с законченными шизофрениками. Вспомни этого... как его... Кена. С холодными ногами. Он в это верит. А Леонора Грант, которая видела в тебе Дугласа Фэрбенкса?

— А как ты насчет Чарли Чаплина, дружище?

— Могу изобразить, вот только не знаю, как он разговаривает.

— Сойдет и так, босс. Покажешься в моем ток-шоу «Катскилл».

— Существуют задокументированные случаи, когда шизофреники сдирали себе лицо, принимая собственные руки за диких зверей. Они видят то, чего нет, слышат голоса, которых больше никто не слышит, прыгают с крыши, посчитав, что дом охвачен огнем, и все в таком духе. Галлюциногены вызывают такие же глюки.

Чак наставил на Тедди указательный палец.

— Похоже, ты знаешь гораздо больше, чем делал вид.

— Ну что тебе сказать? Я изучал данный вопрос. Чак, что, по-твоему, произойдет, если давать галлюциноген настоящим шизофреникам?

— На это никто не пойдет.

— Это узаконенная практика. Шизофрения бывает только у людей. Ни у крыс, ни у кроликов, ни у коров. Если появились новые лекарства? На ком их будут тестировать?

— На человеке.

— Правильно. «Вот тебе сигара».

— Но это просто сигара и не более того?

— Считай так, если тебе хочется.

Чак встал и, положив руки на края раки, наблюдал за тем, как беснуется ураган.

— Значит, они дают шизофреникам наркотики, от которых те еще больше шизеют?

— Это одна тест-группа.

— А другая?

— Галлюциногены дают нормальным людям, чтобы посмотреть, как отреагирует их мозг.

— Бред.

— Есть документальные подтверждения, дружище. Загляни как-нибудь на конференции психиатров. Я заглянул.

— Ты сказал, что это узаконено.

— Так и есть, — подтвердил Тедди. — Как и исследования в области евгеники.

— Но если это узаконено, то мы ничего не можем сделать.

Тедди оперся на раку.

— Кто бы спорил. Но я здесь не для того, чтобы кого-то арестовать. Меня послали, чтобы я собрал информацию. Вот и все.

— Постой... *послали*? Тедди, я хочу знать, черт возьми, глубоко ли мы увязли в этом деръме.

Тедди со вздохом перевел взгляд на напарника:

— Глубоко.

— Вернемся назад. — Чак поднял вверх руку. — Давай с самого начала. Как ты оказался втянут в эту историю?

— Началось с Лэддиса. Год назад, — сказал Тедди. — Я отправился в психбольницу «Шаттак» под предлогом, что мне надо с ним побеседовать. Мол, известный его подельник находится в федеральном розыске, и Лэддис может пролить свет на его возможное местонахождение. Вот только Лэддиса там не оказалось. Его уже перевели в «Эшклиф». Звоню сюда, а мне говорят, что у них такого нет.

— И?

— И это разожгло мое любопытство. Я позвонил в несколько психиатрических больниц. Все знают про «Эшклиф», но никто не хочет касаться этой темы. Я встречаюсь со смотрителем Рентонского госпиталя для невменяемых преступников, с которым мы уже пересекались раньше, и спрашиваю его: «Бобби, что за дела? Это больница и тюрьма в одном флаконе, как и твой госпиталь?» А он качает головой: «Тедди, это совсем другое. Засекреченное заведение. Черный ящик. Не суй туда свой нос».

— А ты сунулся, — сказал Чак. — И меня определили тебе в помощники.

— Это не было частью плана, — возразил Тедди. — Мое начальство сказали, что мне нужен напарник, и я взял напарника.

— Значит, ты просто ждал предлога, чтобы попасть сюда?

— В общем, да, — сказал Тедди. — Только я и подумать не мог, что это случится. Даже с учетом побега пациентки. А если бы я был на другом задании? Или сюда послали бы не меня? Миллион «если». Мне просто повезло.

— Повезло? Ни хрена себе.

— Что?

— Это называется иначе, босс. Везение выглядит не совсем так. Окружающий мир выглядит не совсем так. Ты считаешь *случайным*, что тебя направили на это задание?

— Конечно, выглядит немного странновато, но...

— Когда ты первый раз позвонил в «Эшклиф» по поводу Лэддиса, ты представился?

— Естественно.

— Вот тебе и...

— Чак, это было ровно год назад.

— И что? По-твоему, они не ведут учета? Особенно когда речь идет о пациенте, которого якобы у них нет?

— Повторяю — двенадцать месяцев назад.

— Господи, Тедди. — Чак положил ладони на края раки и, вдохнув в легкие побольше воздуха, тихим голосом продолжил: — Предположим, они здесь занимаются грязными делишками. А если они тебя «вели» еще до того, как ты ступил на этот остров? А если это они направили тебя сюда?

— Да ну, фигня.

— Фигня? Где Рейчел Соландо? Где хоть одно свидетельство, что она вообще существовала? Нам показали фото *какой-то* женщины и досье, которое ничего не стоит сфабриковать.

— Но послушай, Чак... Даже если они ее придумали, даже если это сплошной спектакль, они никак не могли предвидеть, что именно меня пошлют на это задание.

— Тедди, ты наводил справки. Ты интересовался их заведением, расспрашивал о нем. Они обнесли водоочистительное сооружение забором с проволокой под напряжением. Они устроили больницу в военном форте. Они содержат чуть не сотню пациентов в заведении, рассчитанном на триста коек. Это гиблое место, Тедди. Ни в одной больнице не пожелали отвечать на твои вопросы, тебе это ни о чем не говорит? А главврач со связями в Управлении стратегических служб? А финансирование из «смазочного фонда» КРАД? Тут, куда ни кинь, всюду «правительственные операции». И ты еще удивляешься тому, что целый год не ты следил за ними, а они за тобой?

— Чак, сколько раз тебе повторять: откуда им было знать, что именно мне поручили дело мисс Соландо?

— Ты что, блин, тупой?

Тедди расправил плечи и поглядел на Чака сверху вниз. Тот извинительным жестом поднял руку:

— Пардон. Нервы.

— Ладно.

— Все, что я хочу сказать, босс: они знали, ты сюда рванешь под любым предлогом. Раз здесь убийца твоей жены. И они придумали этот побег. Отлично понимая, что ты, если надо, хоть с шестом перемахнешь через бухту.

Дверь наконец слетела с одной-единственной петли и рухнула перед мавзолеем. Они смотрели, как она погромыхала на каменном пороге, а затем взлетела на воздух и унеслась по-над кладбищем куда-то вдаль.

Приставы тупо проводили ее взглядами, и после паузы Чак сказал:

— Мы ведь *оба* это видели, правда?

— Они используют людей как подопытных морских свинок, — сказал Тедди, думая о своем. — У тебя это не вызывает беспокойства?

— У меня это вызывает ужас, Тедди. Но откуда такие сведения? Ты сказал, что тебя послали собрать информацию. Кто тебя послал?

— В нашу первую встречу с Коули, помнишь, он спросил меня про сенатора?

— Да.

— Сенатор Херли, демократ от Нью-Хэмпшира. Возглавляет подкомитет по общественному финансированию психического здоровья. Он обратил внимание на каналы, по которым сюда поступают денежки, и ему это не понравилось. А еще я познакомился с парнем по имени Джордж Нойс. Он какое-то время провел здесь. В корпусе С. Через две недели после того, как его отсюда выпустили, он вошел в бар в городе Атлборо и начал пырять ножом людей. Незнакомых. В КПЗ он заговорил о драконах в корпусе С. Адвокат заявил о невменяемости своего подзащитного. Если кого и подводить под эту статью, то Нойса. Законченный псих. Но Нойс отказался от адвоката, в суде полностью признал свою вину и умолял отправить его в тюрьму, любую тюрьму, только не в психушку. Даже после года в заключении он периодически всем рассказывает истории про «Эшклиф». Истории вполне безумные, однако сенатор полагает, что, возможно, не такие уж они и безумные, как всем кажется.

Чак уселся на раку и закурил. С минуту он дымил, поглядывая на напарника.

— Но как сенатор вышел на тебя и как вы *оба* нашли Нойса?

На мгновение Тедди показалось, что он видит огненные разряды среди штурмовых протуберанцев.

— На самом деле все было наоборот. Нойс нашел меня, а я потом сенатора. Бобби Фаррис, смотритель Рентонского госпиталя для невменяемых преступников, позвонил мне однажды утром и спросил, по-прежнему ли я проявляю интерес к «Эшклифу». Да, ответил я, и тогда он рассказал мне про заключенного в Дедхаме, который раззвонил насчет этой больницы. Я съездил несколько раз в Дедхам, поговорил с Нойсом. Как-то в колледже, вспоминал он, во время экзаменов, у него случился стресс. Наорал на преподавателя, в общежитии выбил кулаком окно. Дело кончилось беседой с кем-то на психфаке. Короче, он согласился участвовать в эксперименте и заодно заработать на мелкие расходы. Спустя год, благополучно вылетев из колледжа, он уже был классическим шизофреником: нес всякую околесицу на перекрестках, галлюцинировал и все в таком духе.

— И этот парень, ты говоришь, еще недавно был нормальным...

Тедди снова увидел огненные разряды и, подойдя к проему, пригляделся. Молнии? Вполне возможно, хотя прежде их не было.

— Как ореховый торт. Может, у него и были небольшие проблемы с... как это называется?.. «самоконтролем»... но в целом в здравом уме. А спустя год — совершенный безумец. Однажды на Парк-сквер он увидел человека и решил, что это тот профессор, который порекомендовал ему обратиться на психфак. Короче, Нойс обознался, но что он из него сделал, лучше не пересказывать. После этого он и попал в «Эшклиф». В корпус А. Но там он не задержался. К тому времени он сделался буйным, и его перевели в корпус С. Они накачали его галлюциногенами и стали наблюдать за тем, как его пожирают драконы и как он сходит с ума. Видимо, они малость переборщили, поскольку под конец, чтобы его как-то угомонить, они пошли на операцию.

— Операцию, — повторил Чак.

Тедди кивнул:

— Трансорбитальная лоботомия. Веселая штуковина, Чак. Ты получаешь порцию электрошока, а затем они вводят тебе в глаз — внимание! — пестик для колки льда. Кроме шуток. Без анестезии. Потыкали там и тут, вытащили из мозга парочку нервных волокон, и до свидания. Зашибись.

— Нюрнбергский кодекс запрещает...

— …экспериментировать на людях в интересах науки, да. Мне тоже казалось, что можно возбудить дело, ссылаясь на Нюрнбергский кодекс. И сенатор так думал. Полный запрет. Эксперимент допустим только как способ воздействия на конкретную болезнь. То есть врачу достаточно сказать: «Послушайте, мы же пытаемся помочь бедняге, вдруг этот наркотик приостановит развитие шизофрении?» — и с точки зрения закона к нему никаких претензий.

— Секундочку, секундочку, — перебил его Чак. — Ты только что говорил, что этому Нойсу сделали транс…

— Трансорбитальную лоботомию.

— Но если цель хирургического вмешательства, пусть даже такого средневекового, состоит в том, чтобы успокоить больного, почему же тогда он ухайдакал человека на Парк-сквер?

— Очевидно, не сработало.

— И часто такое происходит?

Тедди снова увидел в небе яркую дугу и сквозь грохот явственно расслышал рев мотора.

— Приставы! — Голос звучал слабо, но все-таки долетел до их ушей.

Чак перекинул ноги через раку, вскочил и подошел к проему, где стоял Тедди. В дальнем конце кладбища они разглядели свет автомобильных фар, услышали сухой треск мегафона, а затем усиленный крик:

— Приставы! Если вы здесь, пожалуйста, подайте сигнал. Это помощник смотрителя, Макферсон. Приставы!

— Как тебе это нравится? Они нас нашли.

— Мы на острове, босс. Они нас всегда найдут.

Их взгляды встретились. Впервые за время их знакомства Тедди увидел в глазах Чака страх, который тот пытался подавить, стиснув челюсти.

— Все обойдется, дружище, — подбодрил его Тедди.

— Приставы! Вы здесь?

— Не знаю, — сказал Чак.

— Я знаю, — сказал Тедди, вовсе не будучи в этом уверен. — Держись за меня. Мы выберемся из этой хрени, Чак. Даже не сомневайся.

Они перешагнули через порог. Ветер встретил их жестко, как мощная линия нападения в американском футболе, но они устояли на ногах и, держась друг за друга, медленно двинулись навстречу горящим фарам.

— Вы что, офонарели? — прокричал Макферсон, состязаясь с ветром, пока джип громыхал по самодельной дорожке вдоль западного края кладбища.

Он сидел на пассажирском сиденье, глаза красные, все очарование техасского деревенского парня смыло с лица. С водителем они были незнакомы. Молоденький паренек, худая мордашка, острый подбородок — вот и все, что Тедди сумел разглядеть из-под капюшона. Но джип он вел как профессионал, лихо продираясь сквозь кустарник и груды обломков, как будто ничего этого и не было.

— Только что скорректировали прогноз: не тропический шторм, а ураган. Скорость ветра около ста миль в час. К полуночи ожидают до ста пятидесяти. А вы, ребята, решили прошвырнуться?

— Откуда известно, что прогноз скорректировали? — спросил Тедди.

— Радиолюбитель, пристав. Еще пару часов, и эту связь мы тоже потеряем.

— Наверняка.

— Вместо того чтобы прочесывать территорию, мы разыскивали вас. — Он отвернулся, хлопнув ладонью по спинке своего сиденья и тем как бы сказав, что они его больше не интересуют.

Джип подпрыгнул на кочке, и мгновение Тедди не видел ничего кроме неба и не чувствовал земли под собой, но после жесткого контакта с грунтом джип вместе с дорогой совершил крутой поворот, и тут ему слева открылся океан: вода вспенивалась, как от взрывов, и разбегалась огромными грибовидными облаками.

Джип перемахнул через гряду невысоких холмов и врезался в гущу деревьев. Тедди с Чаком, сидевшие сзади, вцепились в сиденья, их мотало из стороны в сторону и сталкивало друг с другом, когда же они вырвались на открытое пространство, то увидели перед собой обратный фасад особняка Коули. Джип преодолел еще четверть акра земли, усеянной щепой и сосновыми иголками, и выбрался на подъездную дорожку. Тут водитель наконец похерил первую передачу и с ветерком подкатил к главным воротам.

— Мы идем к доктору Коули, — объявил Макферсон, снова развернувшись к седокам на заднем сиденье. — Ему не терпится поговорить с вами, ребята.

— А я уж тут подумал, что моя мамочка вернулась в Сиэтл, — мгновенно отреагировал Чак.

Они приняли душ в подвальном помещении общежития для персонала и получили чистую форму из стопки, предназначеннной для санитаров, а их собственную одежду отправили в прачечную. Зачесав волосы назад, Чак оглядел свои белые брюки и белую рубашку со словами:

— На карту вин взглянуть не желаете? Сегодня наше фирменное блюдо — говядина по-веллингтонски. Рекомендую.

В душевую просунул голову Трей Вашингтон. Он с трудом сдержал улыбку при виде их нового облачения, а затем сказал:

— Мне поручили отвести вас к доктору Коули.

— Нам всыплют по первое число?

— По крайней мере по второе.

— Рад вас видеть, господа, — приветствовал их Коули.

Он явно благодушествовал, глаза его сияли. Трей оставил их, и они вошли в зал заседаний на верхнем этаже больницы.

Вокруг длинного стола тикового дерева сидели врачи, кто в белом халате, кто в костюме, перед каждым стояли лампы с зеленым абажуром и пепельницы, в которых дымились сигареты и сигары, и только Нэлинг, сидевший во главе стола, курил трубку.

— Коллеги, позвольте вам представить федеральных судебных приставов, о которых мы здесь вели речь. Дэниелс и Ауле.

— Почему вы не в форме? — спросил кто-то.

— Хороший вопрос, — подхватил Коули, явно наслаждаясь ситуацией, как показалось Тедди.

— Мы решили пройтись, — ответил он.

— В такую погоду? — Доктор показал пальцем на высокие окна, крест-накрест заклеенные толстым скотчем, слегка вибрирующие, словно дышащие. По стеклам барабанили пальцы дождя, здание скрипело под напором ветра.

— Представьте, — сказал Чак.

— Садитесь, господа, — предложил им Нэриング. — Мы уже заканчиваем.

Они высмотрели два свободных стула в конце стола.

— Джон, — Нэриング обратился к Коули, — нам нужен консенсус по этому вопросу.

— Вы знаете мое мнение.

— И мы все относимся к нему с уважением, но если нейролептики помогут нам снизить дисбаланс серотонина, боюсь, что у нас нет другого выхода. Мы должны продолжить исследования. Наш первый тестовый пациент, э, Дорис Уолш, отвечает всем критериям. Я не вижу здесь проблемы.

— Меня тревожит, какой ценой мы этого добьемся.

— Она в любом случае не столь высока, как хирургическое вмешательство, и вы это знаете.

— Я говорю о возможном риске для нервных узлов и коры головного мозга. Первые исследования в Европе показали опасность неврологического разрушения, аналогичного тому, которое вызывается энцефалитом и инсультом.

Нэриング отмахнулся от этого возражения и поднял руку.

— Тех, кто поддерживает обращение доктора Бротигана, прошу проголосовать.

Все, за исключением Коули и еще одного врача, подняли руки.

— Это можно назвать консенсусом, — сказал Нэриング. — Мы обратимся к наблюдательному совету с просьбой о финансировании исследования доктора Бротигана.

Молодой врач, видимо тот самый Бротиган, кивками поблагодарил проголосовавших. Квадратная, типично американская челюсть, гладковыбритые щеки. На Тедди он производил впечатление человека, который сам нуждается в присмотре, слишком уж уверен в своей способности осуществить самые дерзновенные мечты своих пациентов.

— Что ж. — Нэриング закрыл лежащую перед ним папку и перевел взгляд на прибывших: — Как дела, приставы?

Коули поднялся и подошел к буфету, чтобы налить себе кофе.

— Говорят, вас нашли в мавзолее, — добавил Нэриング.

За столом раздались смешки в кулачок.

— Вы знаете место получше, где можно переждать ураган? — спросил Чак.

— Например, здесь, — сказал Коули. — В подвале.

— Мы слышали, что ветер может достичь скорости сто пятьдесят миль в час.

Коули кивнул, стоя к ним спиной.

— Сегодня утром в Ньюпорте на Род-Айленде было уничтожено тридцать процентов домов.

— Надеюсь, Вандербильты не попали в их число, — сказал Чак.

Коули сел на свое место.

— Днем ураган пронесся через Провинстаун и Труро. О разрушениях ничего не известно, поскольку дороги не функционируют. Как и радиосвязь. Но, судя по всему, мы на очереди.

— Сильнейший шторм в этих местах за последние тридцать лет, — заметил один из врачей.

— Окружающий воздух превратился в статическое электричество, — продолжал Коули. — Поэтому вчера наш коммутатор накрылся, а радиоприемники почти ничего не улавливали. Если нас ждет прямой удар, не знаю, какие строения уцелеют.

— Вот почему я настаиваю, — сказал Нэлинг, — что все пациенты «синей зоны» должны быть прикованы наручниками.

— «Синей зоны»? — переспросил Тедди.

— Корпус С, — уточнил Коули. — Пациенты, представляющие опасность для себя, для этого заведения и для общества в целом. — Он повернулся к Нэлингу: — Мы не можем пойти на это. Если больницу затопит, они утонут. Сами знаете.

— Только в случае настоящего наводнения.

— Вокруг океан. Нас ждет ураган, несущийся со скоростью сто пятьдесят миль в час. «Настоящее наводнение» — это реальность. Мы удвоим охрану. Мы будем вести круглосуточное наблюдение за всеми пациентами «синей зоны». Без исключений. Но они и так сидят под замком, поймите же. Мы не можем приковывать их к койкам. Это уже перегиб.

— Джон, тут или — или. — Это было тихо сказано темноволосым мужчиной в середине стола. Помимо Коули, он единственный воздержался во время голосования, когда Тедди и Чак только появились. Уткнувшись взглядом в столешницу, он беспрерывно

щелкал шариковой ручкой, открывая ее и закрывая. По тону его голоса Тедди сразу догадался, что они с Коули приятели. — Без вариантов. Что, если вырубится свет?

— Есть резервный генератор.

— А если и он вырубится? Тогда все палаты откроются.

— Это остров, — возразил Коули. — Куда им податься? Не тот случай, когда можно сесть на паром, добраться до Бостона и устроить там заварушку. Если приковать их к койкам и больницу затопит, они погибнут, господа. Двадцать четыре живых существа. А если, не дай бог, что-то случится с другими корпусами? Еще сорок два пациента? Страшно подумать. Вы сможете с этим жить? Я — нет.

Коули оглядел присутствующих, и Тедди вдруг почувствовал, впервые за все время, что этот человек способен на сострадание. Он понятия не имел, почему Коули позвал их на это совещание, но невольно закрадывалась мысль, что у главврача друзей здесь не много.

— Доктор, — подал голос Тедди. — Извините, что прерываю.

— Ничего, пристав. Это мы заманили вас сюда.

Тедди чуть не сказал: «Кроме шуток?».

— Когда мы утром толковали с вами о шифре Рейчел Соландо...

— Все в курсе того, о чем говорит пристав?

— «Закон четырех». — Бротиган расплылся в улыбке, которую Тедди с удовольствием подправил бы с помощью пассатижей. — Высший класс.

— Так вот, утром вы сказали, что у вас нет никаких предположений относительно последней комбинации.

— «Кто 67?» — включился в разговор Нэйнг. — Правильно?

Тедди кивнул и, откинувшись на спинку стула, взял паузу.

Все взгляды обратились на него. Люди выглядели озадаченными.

— Вы правда не понимаете? — спросил Тедди.

— Не понимаем *чего*, пристав? — спросил приятель Коули.

Тедди присмотрелся к бейджу на больничном халате и прочел его имя: Миллер.

— У вас здесь шестьдесят шесть пациентов.

Врачи глядели на него во все глаза, как дети на дне рождения смотрят на клоуна в ожидании, что у того в руке сейчас появится очередной букет цветов.

— Сорок два, суммарно, в корпусах А и В. Двадцать четыре в корпусе С. Всего шестьдесят шесть.

Тедди заметил на отдельных лицах проблески озарения, но большинство выглядело по-прежнему озадаченным.

— Шестьдесят шесть пациентов, — повторил он. — Таким образом, на вопрос «Кто 67?» напрашивается ответ: здесь содержится шестьдесят седьмой пациент.

Сидящие за столом переглядывались в полном молчании.

— Я не понимаю, — наконец изрек Нэлинг.

— Что тут непонятного? Рейчел Соландо намекает, что есть шестьдесят седьмой пациент.

— Но это не так, — сказал Коули, держа руки на столе перед собой. — Идея интересная, пристав, и, будь это так, можно было бы считать, что с шифром мы разобрались. Но два плюс два никогда не равняются пяти, как бы вам этого ни хотелось. Если на острове всего шестьдесят шесть пациентов, то вопрос о шестьдесят седьмом сам собой отпадает. Вы со мной согласны?

— Нет. — Тедди старался говорить спокойно. — Тут мы с вами расходимся.

Прежде чем заговорить, Коули тщательно подбирал слова, словно подыскивая самые простые.

— Если бы не этот ураган, сегодня утром к нам поступили бы два новых пациента. Тогда общее число составило бы шестьдесят восемь. А если бы вчера ночью какой-то пациент, не дай бог, умер, их стало бы шестьдесят пять. Число больных постоянно меняется в зависимости от обстоятельств.

— Ну а в ночь, когда мисс Соландо написала свой шифр, их было...

— Шестьдесят шесть, включая ее. Но никак не шестьдесят семь, пристав. Это называется «притягивать за уши».

— Это *ее* взгляд на вещи.

— Да, я понимаю. Но ее взгляд на вещи может быть ошибочным. Здесь нет шестьдесят седьмого пациента.

— Вы позволите нам изучить личные дела больных?

Его вопрос заставил сидящих за столом нахмуриться, а то и оскорбиться.

— Исключено, — отрезал Нэлинг.

— Извините, пристав, но мы не можем вам этого позволить, — сказал Коули.

Тедди, опустив голову, разглядывал свою дурацкую белую рубашку и не менее дурацкие белые брюки. С виду офицант. И такой же авторитетный. Если он подаст им мороженое, может, они скорее найдут общий язык...

— У нас нет доступа к личным делам персонала. У нас нет доступа к личным делам больных. И при этом вы хотите, чтобы мы нашли пропавшую пациентку?

Нэлинг задрал голову, откинувшись назад.

Коули застыл, не донеся сигарету до рта.

Врачи зашептались.

Тедди посмотрел на своего напарника.

— Не гляди так, — прошептал Чак. — Думаешь, я что-нибудь понимаю?

— Смотритель вам ничего не сказал? — вышел из оцепенения Коули.

— У нас не было такой возможности. Нас привез Макферсон.

— Господи, — воскликнул Коули.

— Что такое?

Главврач округлившиимися глазами оглядел коллег.

— Что такое? — повторил свой вопрос Тедди.

Коули громко выдохнул и посмотрел на приставов:

— Мы ее нашли.

— Вы... что?

Главврач кивнул и сделал затяжку.

— Рейчел Соландо. Сегодня днем мы ее нашли. Она здесь, господа. За этой дверью и дальше по коридору.

Тедди и Чак одновременно оглянулись на дверь.

— Вы можете расслабиться, приставы. Ваши поиски закончены.

Коули и Нэлинг вели их по коридору, выложеному черно-белой плиткой, через двустворчатые двери в главный больничный корпус. Они миновали пост медицинской сестры по левую руку, свернули направо в большую комнату с флуоресцентными лампами и висящими на крючках палками для штор и увидели ее, сидящую на койке в светло-зеленом больничном халатике чуть выше колен, со свежевымытыми каштановыми волосами, зачесанными назад и открывающими лоб.

— Рейчел, — обратился к ней Коули, — мы к тебе пришли с нашими друзьями. Надеюсь, ты не против.

Она расправила под собой халатик и подняла на гостей глаза, в которых застыло выражение по-детски наивного ожидания.

На открытых частях тела никаких следов насилия.

Кожа цвета песчаника. Чистенькие лицо, руки, ноги. На босых ступнях ни царапинки от колючек или острых камней.

— Чем я могу вам помочь? — обратилась она к Тедди.

— Мисс Соландо, мы приехали сюда...

— Что-то продать?

— Мэм?

— Надеюсь, не для того, чтобы что-то продать. Не хочу быть резкой, но такими вещами занимается мой муж.

— Нет, мэм. Мы не собираемся ничего продавать.

— Это хорошо. Чем я могу вам помочь?

— Вы не скажете, где вы были вчера?

— Здесь. В своем доме. — Она повернулась к Коули. — Кто эти люди?

— Это офицеры полиции, Рейчел, — ответил главврач.

— Что-то случилось с Джимом?

— Нет, — успокоил ее Коули. — Нет, нет. С Джимом все в порядке.

— А с детьми? — Она стала озираться. — Они во дворе. Они ничего не натворили?

— Нет, мисс Соландо, — сказал Тедди. — Ваши дети ничего не натворили. И с вашим мужем все хорошо. — Он перехватил взгляд Коули, который одобрительно кивнул. — Просто, э, до нас дошла информация, что вчера в вашем квартале появился человек, ведущий подрывную деятельность. Люди видели, как он на вашей улице раздавал коммунистическую литературу.

— О господи, только этого не хватало. Детям?

— Нет, насколько нам известно.

— В нашем квартале? На нашей улице?

— Боюсь, что так, мэм. Если вы нам расскажете, где вчера были, мы поймем, не пересекались ли ваши пути с этим типом.

— Вы меня обвиняете в том, что я коммунистка? — Она оторвалась от подушек и сжала в горстях простыню.

Коули посмотрел на Тедди, и в его глазах читалось: сами вырыли яму, сами из нее теперь выбирайтесь.

— Вы? Коммунистка? Какому нормальному человеку придет такое в голову? Вы истинная американка. Просто Бетти Грейбл.^[9] Нужно быть слепым, чтобы этого не видеть.

Она выпустила простыню из одного кулака, чтобы почесать колено.

— Но я совсем не похожа на Бетти Грейбл.

— Только в смысле патриотизма. А внешне вы скорее похожи на Терезу Райт, мэм. Помните фильм, где она сыграла с Джозефом Коттоном лет десять-двенадцать назад?

— «Тень сомнения». Да, меня с ней сравнивали. — Ее улыбка была одновременно любезная и чувственная. — Джим воевал. Он вернулся с фронта со словами «Мир стал свободным, так как все увидели, что американский путь единственно верный».

— Аминь, — сказал Тедди. — Я тоже воевал.

— Вы знали моего Джима?

— Боюсь, что нет, мэм. Я не сомневаюсь, что он прекрасный человек. Сухопутные войска?

Она поморщила носик.

— Морская пехота.

— «Верный навсегда», — произнес он слова клятвы морпехов. — Мисс Соландо, нам важно знать каждый шаг этого человека. Вы могли его и не заметить. Он очень хитер. Нам важно уяснить, где были вы,

чтобы сравнить с его передвижениями и понять, не пересеклись ли вы с ним.

— Как ночью корабли?

— Вот-вот. Вы меня понимаете?

— О да. — Она приподнялась и засунула под себя ноги, отчего у Тедди произошло движение внизу живота.

— Так не расскажете мне подробно про свой вчерашний день? — попросил он.

— Дайте подумать. Я приготовила завтрак Джиму и детям, сложила ему еду в ланч-бокс, потом Джим ушел, я отправила детей в школу и решила поплавать в озере.

— Вы часто плаваете?

— Нет. — Она со смехом подалась вперед, как будто он с ней флиртовал. — Просто, не знаю, на меня что-то нашло. Знаете, как это бывает? На тебя вдруг что-то находит.

— Понимаю.

— Вот так было со мной. Я все с себя сняла и плавала в озере, пока руки-ноги не отяжелели, тогда я вышла, немного обсушилась, снова оделась и пошла по берегу далеко-далеко. Я собирала камешки и складывала из них такие маленькие замки.

— Сколько, помните? — спросил Тедди и сразу почувствовал на себе взгляд Коули.

Она подумала, закатив глаза к потолку.

— Да.

— Сколько же?

— Тринадцать.

— Довольно много.

— Некоторые совсем маленькие, — сказала она. — Размером с чашку.

— А потом?

— Потом я думала о тебе.

Тедди заметил, как Нэлинг, стоявший по другую сторону койки, переглянулся с Коули и в недоумении поднял вверх руки.

— Почему обо мне? — спросил Тедди.

Ее улыбка обнажила зубы, которые могли бы показаться сжатыми, если бы не торчащий между ними красный кончик языка.

— Потому что ты мой Джим, глупенький. Ты мой солдат. — Она встала на колени, подалась вперед и, взяв Тедди за руку, принялась ее гладить. — Такая грубая. Мне нравятся твои мозоли. Как они скачут по моей коже. Я скучаю, Джим. Ты совсем не бываешь дома.

— Я много работаю, — сказал он.

— Сядь. — Она потянула его за руку.

Коули взглядом подбодрил пристава, тот позволил ей притянуть себя, и вот он уже сидел рядом с ней на койке. Внутренний жар в глазах, знакомый ему по фотографии, куда-то исчез, по крайней мере на время, и сейчас, сидя подле нее, невозможно было не отдать должное ее красоте. Она производила впечатление какой-то текучей среды: ее темные глаза мерцали как прозрачная вода, ее томные изгибы струились в воздухе, ее губы и подбородок казались слегка припухшими.

— Ты слишком много работаешь. — Ее пальцы скользнули к подвздошной ямке, словно разглаживая морщинку на узле его галстука.

— Кто-то должен приносить в дом хлеб насущный, — сказал он.

— Мы в полном порядке, — сказала она, и он щекой почувствовал ее дыхание. — Нам всего хватает.

— Пока хватает. Я думаю о будущем.

— Никогда его не видела, — сказала Рейчел. — Помнишь, что говорил мой папа?

— Забыл.

Она пальцами расчесала его волосы на виске.

— «Будущее — это товар, который откладывается до лучших времен. А я плачу наличными». — Она прыснула и прижалась к его плечу, так что он почувствовал ее упругие груди. — Нет, милый, мы должны жить сегодняшним днем. Здесь и сейчас.

Эти же слова говорила ему Долорес. И губы, и волосы у них похожи, так что, если бы Рейчел совсем приблизила лицо, он бы грешным делом мог подумать, что говорит со своей покойной женой. Их роднила даже эта чувственная дрожь, о которой сама Долорес, даже после стольких лет совместной жизни, возможно, и не догадывалась.

Он пытался вспомнить, о чем собирался ее спросить. Необходимо вернуть ее назад. Задавить рассказ о вчерашнем дне... да... что

произошло после того, как она прошлась по берегу и построила замки из камешков.

— Что ты делала после прогулки вдоль озера? — спросил он.

— А то ты не знаешь.

— Не знаю.

— Ты хочешь, чтобы я сказала это вслух? Да? — Она наклонилась так, что ее лицо оказалось на уровне его подбородка; ее темные глаза смотрели на него в упор, ее дыхание смешалось с его дыханием. — Так ты не помнишь?

— Нет.

— Лгуншка.

— Я серьезно.

— Не верю. Если ты действительно забыл, то тебя, Джеймс Соландо, ждут неприятности.

— А ты напомни, — прошептал Тедди.

— Ты хочешь услышать это от меня?

— Я хочу услышать это от тебя.

Она провела ладонью по его скуле и подбородку, а когда заговорила, ее голос звучал хрипло:

— Я вернулась домой еще мокрая после купания, и ты меня всю облизал.

Тедди взял ее лицо в ладони, чтобы не дать ей возможности еще больше сократить расстояние между ними. Его пальцы скользнули вверх, к вискам, и обнаружили там испарину. Он заглянул ей в глаза.

— Расскажи, чем еще ты вчера занималась, — прошептал он и заметил, что в ее кристально чистых глазах промелькнуло нечто. Пожалуй, страх, который затем распространился до верхней губы и переносицы. Он почувствовал, как она дрожит.

Она блуждала взглядом по его лицу, глаза делались все шире и шире, зрачки метались по орбите.

— Я тебя похоронила, — наконец сказала она.

— Да вот же я.

— Я тебя похоронила. В пустом гробу. Потому что твое тело разметало над Северной Атлантикой. Я положила в гроб твой солдатский жетон, это все, что удалось найти. А твое прекрасное тело, твое обгоревшее тело съели акулы.

— Рейчел, — вмешался Коули.

— Как кусок мяса.

— Нет, — сказал Тедди.

— Как кусок прожаренного жесткого мяса.

— Это был не я.

— Они убили Джима. Мой Джим мертв. А ты, блядь, кто такой?

Она вырвалась из его рук, отпрянула к стене и, пригвоздив его колючим взглядом, наставила на него указующий перст.

— Кто он, блядь, такой? — Она плюнула в Тедди.

Он был не в силах пошевелиться. Эта ярость, буквально выплеснувшаяся из ее глаз, парализовала его.

— Хотел меня выбить, морячок? Да? Засунуть в меня свой хуй, пока мои дети играют во дворе? Я знаю, что у тебя на уме! Убирайся! Ты меня слышишь? Убирайся к...

Она накинулась на него, чтобы вцепиться в лицо ногтями, но он успел вскочить с койки, и тут же два санитара, выскочив из-за его спины с кожаными ремнями наготове, поймали Рейчел под мышки и повалили на постель.

Тедди тряслось, его прошиб пот, крики Рейчел звенели у него в ушах:

— Сексуальный маньяк! Гнусная тварь! Мой муж, когда узнает, перережет тебе горло! Ты понял? Он отрежет твою голову к чертовой матери, и мы будем пить твою кровь! Мы будем в ней купаться, извращенец гребаный!

Один санитар налег на нее всем телом, а другой своей лапищей намертво прижал ее щиколотки, вдвоем они пропустили ремни сквозь прорези в металлическом брусе над ближним краем койки, спеленали большую крест-накрест, грудь и ноги, затем продели ремни сквозь прорези бруса над дальним краем койки и стянули покрепче, а когда концы ремней вошли в пряжки, раздались характерные щелчки. Сделав свое дело, санитары отошли.

— Рейчел, — обратился к ней Коули по-отечески мягко.

— Все вы гребаные маньяки. Где мои детки? Где они? Верните моих деток, суки! Верните моих деток!

Ее вопль прошил позвоночник Тедди, словно в него вошла пуля. Рейчел рванулась из пут с такой силой, что металлические брусы зазвенели.

— Мы к тебе зайдем попозже, Рейчел, — пообещал Коули.

Она плюнула в него, но плевок, не долетев, упал на пол, она опять завопила, на прикушенной губе выступила кровь, тут Коули кивнул приставам и двинулся к выходу, и они за ним, но Тедди еще успел оглянуться через плечо и встретиться глазами с Рейчел, которая вся выгнулась на матрасе, вены на шее вздулись, губы были мокрые от крови и слюны, и вопила она так, будто по ее душу пришли все мертвецы прошлого, пробравшись в палату через окно.

У Коули в офисе был бар, и, как только они вошли, он туда свернул, на минуту исчезнув из виду за белой марлевой занавеской, и Тедди успел подумать: «Только не сейчас. Господи, пронеси».

— Где вы ее нашли? — спросил он.

— На берегу, возле маяка. Кидала в море камешки.

Да вот же он: Тедди повернул голову налево и увидел Коули, двигавшегося встречным курсом. Зато теперь марлевая ткань закрыла встроенный книжный шкаф, а потом и окно. Тедди протер правый глаз в надежде, что это мираж, но не помогло, и тут в левую половину лица, сверху вниз, как в каньон, хлынула раскаленная лава. Он было решил, что это все Рейчел, продолжавшая дико вопить вдалеке, но дело обстояло хуже, боль пронзила мозг, словно в череп медленно втыкали десяток острых лезвий, лицо его исказила гримаса, а пальцы сами схватились за висок.

— Пристав?

Подняв глаза, он увидел Коули (их разделял стол), чья левая половина расплывалась, как будто перед ним был призрак.

— Да? — с трудом выдавил из себя Тедди.

— Вы побледнели как смерть.

— Босс, ты в порядке? — Неожиданно рядом вырос Чак.

— Да, — снова выдавил он.

Коули поставил на стол стакан с виски, и это было как отдача от выстрела.

— Сядьте, — сказал Коули.

— Все нормально, — заверил его Тедди, но два этих слова проделали путь от мозга до языка по какой-то немыслимой винтовой лестнице.

Коули присел перед ним на стол, и Тедди послышался хруст костей, словно это трещали в огне обгоревшие балки.

— Мигрень?

Тедди хотелось кивнуть расплывающейся фигуре, но прошлый опыт подсказывал ему, что лучше не стоит.

— Да, — коротко выдавил он из себя.

— Я это понял по тому, как вы терли висок.

— А-а.

— Часто она вас посещает?

— Пять-шесть... — рот пересох, и ему понадобилось несколько секунд, чтобы смочить язык слюной, — раз в году.

— Вам повезло. По крайней мере в одном отношении.

— То есть?

— У многих она циклична, повторяется каждую неделю. — Он оторвался от стола, и треск обгоревших балок повторился снова. Коули открыл аптечку. — Какие симптомы? — поинтересовался он. — Частичная потеря зрения? Сухость во рту? Вселенский пожар в голове?

— Попали в точку.

— Сколько веков изучаем мозг, и до сих пор никто не знает причину возникновения мигрени. Можете себе представить? Известно, что она обычно атакует теменную долю. Известно, что она вызывает закупорку кровеносных сосудов. Вроде бы микроскопические отклонения, но когда ты имеешь дело с такой хрупкой материей, как мозг, это равносильно взрыву. В общем, куча исследований, а знаем мы о причинах или долгосрочных последствиях не больше, чем о том, как лечить обыкновенную простуду.

Коули подал ему стакан воды и положил в ладонь две желтые пилюли.

— Это должно помочь. На пару часов вырубитесь, зато, когда придете в себя, будете снова как огурчик.

Тедди опустил взгляд на желтые пилюли и на стакан воды в ненадежной руке.

Потом поднял взгляд на Коули и попытался сфокусировать здоровый глаз на фигуре, от которой безжалостно яркий свет расходился белыми пучками.

Делай что хочешь, зазвучал голос в мозгу.

Тут чьи-то ногти вскрыли левую часть черепа и всыпали туда горсть чертежных кнопок, и Тедди со свистом втянул в себя воздух.

— Господи, босс.

— Все обойдется, пристав.

И снова этот голос: *Делай что хочешь...*

Сквозь черепной пролом кто-то вогнал железный штырь, и не успел Тедди прикрыть здоровый глаз тыльной стороной ладони, как оттуда хлынули слезы, а в желудке что-то начало переворачиваться.

...только не принимай эти пилюли.

В желудке все окончательно перевернулось, а сам он съехал куда-то в правый бок, пламя же добралось до извилин мозга, — еще минута этой пытки, и он прокусит себе язык.

Не принимай эти чертовы пилюли, зашелся внутренний голос, носясь взад-вперед по горячemu каньону, размахивая флагом и призывая под него войска.

Тедди опустил голову, и его вырвало на пол.

— Босс, босс... что с вами?

— Ой-ой, — пробормотал Коули. — Здорово же вас прихватывает.

Тедди поднял голову.

Не...

Его лицо заливалось слезами.

...принимай...

В пролом вставили пилу

...эти...

и начали пилить мозг.

...пилюли...

Тедди заскрипел зубами, в желудке поднималась новая волна. Он попробовал сконцентрироваться на стакане в руке, заметил что-то странное на большом пальце и решил, что это очередной глюк.

непринимай эти пилюли

Пила прошлась по розовым бороздам с особым размахом, и он с трудом подавил рвущийся крик, теперь вместе с языками пламени в голове метались крики Рейчел, а сама она заглядывала ему в глаза, он чувствовал на губах ее дыхание, а ее лицо в своих ладонях, большими пальцами он массировал ей виски, и все это время пила трудилась не переставая,

непринимай эти пилюли

и ладонь сама забросила их в рот, так что они чуть не влетели в трахею, вдогонку он плеснул воду, сделал глотательное движение и

почувствовал, как пилюли проскочили пищевод, а он все глотал и глотал воду, пока не опустошил стакан.

— Вы еще скажете мне спасибо, — проговорил Коули.

Снова рядом вырос Чак, на этот раз с носовым платком. Тедди обтер им лоб и рот, после чего бросил платок на пол.

— Помогите мне его поднять, — сказал Коули.

Они помогли Тедди встать со стула, и, когда развернули, он увидел перед собой черную дверь.

— Никому не говорите, — попросил Коули. — За этой дверью есть комната, где я иногда люблю прилечь среди дня. Если уж на то пошло, раз в день. Сейчас мы вас там положим, и вы, пристав, поспите. Через пару часов вы проснетесь в полном здравии.

Тедди поглядел на собственные руки, обвившие чужие шеи и болтавшиеся как плети у него на груди. Выглядело это смешно. А на больших пальцах — оптическая иллюзия? — явственно виднелись... Что за хренъ? Ему захотелось соскрести с кожи это «что-то», но Коули уже открыл дверь, и Тедди в последний раз взглянул на...

Черные пятна.

Обувная вакса, подумал он, переступая с чужой помощью порог темной комнаты.

Каким образом черная вакса попала на большие пальцы?

Такие кошмары ему еще не снились.

Сначала он оказался на улицах Халла, по которым он ходил бесконечно в далеком уже детстве и юности. Вот он миновал старую школу. Вот прошел мимо универсама, где покупал жвачку и крем-соду. Вот частные дома — Дикерсоны, Пакаски, Мерреи, Бойды, Верноны... А внутри никого. И снаружи никого. Городок обезлюдел. Мертвая тишина. Даже океана не слышно, а в Халле, в любом месте, ты всегда слышал океан.

Это было страшно — город без жителей. Присев на волнолом, тянувшийся параллельно Океанскому проспекту, он обшаривал взглядом пустынnyй пляж и ждал, но никто так и не появился. Он понял: все умерли, давно на том свете. И сам он — призрак, вернувшийся в этот город-призрак. Нет города. И его здесь нет. Как нет самого понятия «здесь».

А потом он очутился в огромном мраморном зале, где было полно народу, а еще больничные каталки и красные мешочки для переливания крови, и сразу как-то стало лучше. Где бы он сейчас ни находился, он был не один. Мимо него прошли дети — два мальчика и девочка, все трое в больничных халатиках. Испуганная девочка, вцепившись в своих братьев, сказала:

— Она здесь, она нас найдет!

К нему наклонился Эндрю Лэддис и дал ему прикурить со словами:

— Дружище, ты на меня не в обиде?

Это был мрачный образец человеческой расы — перекрученное тело, вытянутая голова с выпирающим подбородком, которому следовало бы быть вдвое короче, неровные зубы, отдельные пучки белесых волос на розоватом, покрытом коростой черепе, — но Тедди все равно ему обрадовался. Это был единственный знакомый ему человек в зале.

— У меня припасена бутылочка. — Лэддис подмигнул ему. — На тот случай, если ты захочешь кутнуть. — Он похлопал Тедди по спине, после чего превратился в Чака, что было в порядке вещей.

— Нам надо идти, — сказал Чак. — Часы тикают, дружище.

На что Тедди сказал:

— Мой родной город вымер. Ни одной живой души.

И тут же сорвался с места, так как через бальный зал с криком неслась Рейчел Соландо, вооруженная тесаком. Пока Тедди бежал, она успела зарубить троих детей: тесак взмывал и падал, взмывал и падал, он же встал как вкопанный, завороженный этой картиной, понимая, что сделать ничего нельзя, дети погибли.

Рейчел подняла на него глаза. Ее лицо и шея были забрызганы кровью.

— Мне нужна твоя помощь, — сказала она.

— Что? — Он замешкался. — Это грозит мне неприятностями.

— Если ты мне поможешь, я стану твоей женой. Долорес. Она к тебе вернется.

— Да, конечно, — ответил он и бросился ей на помощь. Каким-то образом они вдвоем подняли сразу всех детей и вынесли их через заднюю дверь во двор и дальше, к самому озеру. Нет, они не бросили их в воду. Они нежно положили их на поверхность, и те пошли ко дну. Один из мальчиков несколько раз отчаянно взмахнул рукой, но Рейчел успокоила Тедди:

— Ничего. Он не умеет плавать.

Они стояли на берегу и смотрели, как мальчик идет на дно. Рейчел обняла Тедди за талию и сказала:

— Ты будешь моим Джимом, а я твоей Долорес. Мы сделаем новых детей.

Какое мудрое решение. Тедди даже удивился, как он сам до этого не додумался.

Он последовал за ней в «Эшклиф», по дороге к ним присоединился Чак, и они втроем вошли в коридор длиною в целую милю.

— Она ведет меня к Долорес, — объяснил он Чаку. — Я возвращаюсь домой, дружище.

— Здорово! — сказал Чак. — Рад за тебя. А мне с этого острова уже не вырваться.

— Не вырваться?

— Нет, но это ничего, босс. Ничего страшного. Мое место здесь. Здесь мой дом.

— А мой дом — там, где Рейчел.

— В смысле Долорес.

— Ну да. А я что сказал?

— Ты сказал «Рейчел».

— Да? Извини. Ты правда считаешь, что твой дом здесь?

Чак кивнул:

— Я здесь с самого начала и никуда отсюда не уеду. Да ты посмотри на мои руки, босс.

Тедди посмотрел. Руки как руки, о чем он ему и сказал. Но Чак помотал головой:

— Они неправильные. Иногда мои пальцы становятся мышами.

— Ну, тогда я за тебя рад, что ты дома.

— Спасибо, босс. — Чак похлопал его по спине и превратился в Коули, Рейчел же оказалась далеко впереди, и Тедди ускорил шаг.

А Коули сказал:

— Вы не можете любить женщину, которая убила своих детей.

— Могу. — Тедди пошел еще быстрее. — Вы ничего не понимаете.

— Да? — Коули, даже не переставляя ноги, держался рядом с Тедди. Он как бы скользил по земле. — И чего же я не понимаю?

— В этом кошмарном мире один я не выживу. Нет, нет. Только с ней. С моей Долорес.

— Ее зовут Рейчел.

— Я знаю. Но мы договорились. Она будет моей Долорес, а я ее Джимом. Это хороший уговор.

— Ой-ой, — сказал Коули.

Трое детей, мокрые насквозь, с дикими криками бежали по коридору им навстречу.

— Какая еще мать способна на такое? — риторически спросил Коули.

Меж тем дети промчались мимо них, и тут то ли в воздухе что-то изменилось, то ли еще что, но дальше, как эти трое ни тщились, они бежали на месте.

— Убить собственных детей! — воскликнул Коули.

— Она не хотела, — возразил ему Тедди. — Ей просто стало страшно.

— Как мне? — сыронизировал Коули, только это был уже не Коули, а Питер Брин, пациент, который всего боялся. — Ей стало страшно, и поэтому она убила своих детей, то есть к ней не может быть никаких претензий?

— Нет. В смысле да. Питер, ты мне не нравишься.

— И что вы в связи с этим собираетесь делать?

Тедди приставил к его виску дуло табельного пистолета.

— Тебе сказать, сколько людей я отправил на тот свет? — По лицу Тедди текли слезы.

— Не надо, — взмолился Питер. — Прошу вас.

Тедди нажал на спуск и увидел, как пуля вылетает из головы с другой стороны, и тут дети, наблюдавшие за экзекуцией, заголосили как ненормальные, а Питер Брин сказал:

— Черт. — Он приткнулся к стене, закрыв ладонью входное отверстие. — На глазах у детей.

И в эту секунду из темноты раздался крик. Ее крик. Она приближалась по коридору. Она бежала за ними во все лопатки.

— Ты нас спасешь? — Девочка обращалась к Тедди.

— Я не твой папа. Это не мой дом.

— Я буду называть тебя папой.

— Ну хорошо. — Он вздохнул и взял ее за руку.

Они шли по скалам, возвышавшимся над островом Проклятых, а потом оказались на кладбище, и Тедди вдруг нашел батон хлеба, и ореховое масло, и джем и сделал всем детям бутерброды в мавзолее. Девочка, сидевшая у него на коленях, была совершенно счастлива, и, когда она съела свой бутерброд, он вывел ее из мавзолея и показал ей надгробную плиту своего отца, и своей матери, и свою собственную:

ЭДВАРД ДЭНИЕЛС

МОРЯК-НЕУДАЧНИК

1920–1957

— Почему ты моряк-неудачник? — спросила его девочка.

— Я боюсь воды.
— Я тоже. Получается, что мы друзья, да?
— Пожалуй что так.
— Ты умер, раз у тебя есть этот, как его...
— Надгробная плита.
— Вот-вот.
— Значит, умер. Я не встретил никого в своем родном городе.
— Я тоже умерла.
— Я знаю. Мне очень жаль.
— Ты ее не остановил.
— Что я мог сделать? Пока я добежал, она уже вас всех... сама знаешь...

— Ой!
— Что?
— Вот она опять идет.

И действительно, Рейчел шла по кладбищу, мимо надгробной плиты, которую Тедди случайно повалил во время урагана. Она не спешила. Невероятно красивая, с мокрыми от дождя волосами, она волокла по земле топор, сменивший тесак, и обратилась к нему без предисловий.

— Они мои, Тедди.
— Я знаю, — ответил он. — Но я не могу отдать их тебе.
— На этот раз все будет иначе.
— Это как же?
— Я в порядке. С головой у меня все нормально. Я помню про свои обязанности.

Он заплакал.
— Я так тебя люблю.
— Я тоже тебя люблю, малыш. — Она приблизилась и начала его целовать, по-настоящему, запустив язычок ему в рот и зажав лицо в руках, из горла вырывался тихий стон, а ее поцелуи становились все более глубокими, как и его любовь к ней.

— А теперь отдай мне девочку, — сказала она.
Он выполнил ее требование. Одной рукой она взяла девочку, а другой взвалила на плечо топор.

— Я быстро, — сказала она. — Подождешь?
— Конечно, — сказал он.

Он помахал девочке. Разумеется, она ничего не понимает. Все делается ради ее же блага. Он-то это знал. Иногда взрослым необходимо принимать за еще несоображающих детей трудные решения. Он продолжал махать ей рукой, но девочка ему не отвечала, увлекаемая матерью в сторону мавзолея, просто смотрела на Тедди глазами, в которых уже не было надежды на спасение, а только покорность судьбе и жертвенность, и губы ее были вымазаны джемом и ореховым маслом.

— Господи! — Тедди сел рывком. По щекам текли слезы. У него было такое чувство, будто он заставил себя проснуться, вырвал свой мозг из подсознания, чтобы только оборвать этот кошмар. А тот упрямо поджидал его, держа двери нараспашку. Надо лишь закрыть глаза и упасть головой на подушку, и он снова провалится в сон.

— Как вы себя чувствуете, пристав?

Он заморгал, всматриваясь в темноту.

— Кто это?

Коули включил ночничок, стоявший рядом со стулом в углу комнаты.

— Простите. Я не хотел вас напугать.

Тедди поудобнее сел на кровати.

— Давно я здесь?

На лице Коули появилась виноватая улыбка.

— Пилюли оказались сильнее, чем я думал. Вы проспали четыре часа.

— Черт. — Тедди протер глаза тыльной стороной ладоней.

— Вам снились кошмары, пристав. Тяжелые кошмары.

— Я нахожусь в психушке, на острове, где бушует ураган.

— Touché,^[10] — сказал Коули. — После моего приезда сюда прошел месяц, прежде чем я нормально выспался. Кто такая Долорес?

— Что? — Тедди спустил ноги на пол.

— Вы все время повторяли это имя.

— У меня пересохло во рту.

Коули с пониманием кивнул, развернулся на стуле и, взяв со столика стакан воды, протянул его Тедди.

— Побочный эффект, надо полагать. Держите.

Он опорожнил стакан в несколько глотков.

— Как голова?

Тедди вспомнил, как он оказался в этой комнате, и попробовал оценить свое нынешнее состояние. Видит все отчетливо. Никаких кнопок в голове. Есть легкая тошнота, но это терпимо. Слегка побаливает правая сторона лица, как будто там синяк, впрочем давешний.

— Я в порядке, — сказал он. — Мощные пилюли.

— Фирма веников не вяжет. Так кто такая Долорес?

— Моя жена, — ответил он. — Она умерла. И, признаюсь, я до сих пор не могу с этим смириться. Что-то не так?

— Все так, пристав. Мои искренние сочувствия. Она умерла внезапно?

Тедди засмеялся, глядя ему в глаза.

— Что такое?

— Я не горю желанием подвергнуться психоанализу, док.

Коули скрестил вытянутые ноги и закурил.

— А я не пытаюсь промывать вам мозги, пристав. Хотите — верьте, хотите — нет. Но сегодня в палате Рейчел что-то случилось. И дело не только в ней. Как ее терапевт я бы пренебрег своими служебными обязанностями, если бы не спросил, какие демоны вас одолевают.

— А что, собственно, случилось в ее палате? — спросил Тедди. — Я ей подыграл.

Коули хмыкнул:

— «Познай себя». Пристав, увольте. Вы хотите сказать, что если бы мы на время оставили вас наедине, то по возвращении застали бы вас одетыми?

— Я офицер на страже закона, доктор. Вам может казаться все что угодно.

— Ладно. — Коули примиряющим жестом поднял вверх руку. — Как скажете.

— Так и скажу.

Откинувшись на спинку стула, Коули молча курил, поглядывая на Тедди, а где-то бушевал ураган, проверял на прочность стены, вламывался в стрехи под крышей, а Коули все курил, не сводя с него глаз, и в конце концов Тедди сказал:

— Она погибла во время пожара. Мне ее не хватает, как...
Больше, чем кислорода, если бы я тонул. — Он смотрел на главврача в упор. — Вы довольны?

Коули подался вперед, протянул ему сигарету и поднес зажигалку.

— Когда-то во Франции я любил женщину, — сказал он. — Только не говорите моей жене, о'кей?

— О'кей.

— Я любил ее, как любят... не важно. — В его голосе прозвучала нотка удивления. — Такую любовь ведь ни с чем не сравнивают, правда?

Тедди помотал головой.

— Она — уникальный дар, сама по себе. — Коули провожал взглядом дымок от сигареты за пределы этой комнаты, куда-то за океан.

— Что вы делали во Франции?

Коули с улыбкой погрозил ему пальчиком.

— Вопрос снимается.

— Короче, как-то вечером она шла ко мне. Видимо, спешила. В тот вечер в Париже накрапывал дождь. Она поскользнулась. И все.

— Она что?

— Поскользнулась.

— И? — Тедди вопросительно глядел на него.

— И ничего. Она поскользнулась. Упала ничком. Ударилась головой. Умерла на месте. Можете себе представить? Сколько возможностей погибнуть на войне, да? А тут поскользнулась.

В его глазах была боль, даже после стольких лет, и отказ понимать, как он стал жертвой этой космической шутки.

— Бывает, что я по три часа кряду не вспоминаю о ней, — тихо продолжал Коули. — Бывает, что я целыми неделями не вспоминаю ее запах или взгляд, каким она меня одаривала, когда выяснялось, что мы сможем провести вместе ночь, или ее волосы, которыми она играла за чтением книги. Бывает... — Он загасил сигарету. — Я не знаю, куда отправилась ее душа. Может, есть такая дверца, которая открывается в момент смерти, и в эту дверцу ее душа улетела? Я завтра же помчусь в Париж, если мне скажут, что дверца еще раз откроется, и отправлюсь за ней следом.

— Как ее звали?

— Мари. — Вместе с этим словом из Коули словно ушла часть энергии.

Тедди затянулся и не спеша выпустил облачко дыма.

— Долорес во сне постоянно металась, — завел он свою песню, — и через раз заезжала пятерней мне в лицо, кроме шуток. *Бац*. Прямо по носу. Я убирал ее руку, порой довольно грубо. Ты сладко спишь, и вдруг на тебе, получай. Спасибо, дорогая. Но бывало, я ее руку не трогал. Целовал, нюхал, все такое. Вдыхал ее запахи. Я бы продал душу дьяволу, док, чтобы только эта рука снова лежала на моем лице.

Дрожали стены, ночь сотрясалась от ураганного ветра.

Коули смотрел на Тедди так, как взрослые поглядывают на детей, играющих на оживленном перекрестке.

— В своем деле я кое-что понимаю, пристав. Да, эгоист. Мой айкью зашкаливает. Я с детства «читаю» людей. Как никто. Один вопрос... не хотелось бы вас обидеть... так вот, вы склонны к суициду?

— Гм. Хорошо, что вы не хотите меня обидеть.

— Так как, посещают мысли?

— Да, — признался Тедди. — Вот почему я больше не пью, доктор.

— Потому что знаете...

— ...если б пил, то давно бы уже выстрелил себе в рот.

Коули кивнул:

— По крайней мере, вы живете без иллюзий.

— Это точно.

— Перед отъездом я могу вам дать кое-какие фамилии. Классные специалисты. Они могли бы вам помочь.

Тедди помотал головой.

— Федеральные приставы не обращаются к специалистам по душевным болезням. Уж извините. А если у меня поедет крыша, меня отправят на пенсию.

— О'кей, о'кей. Нет вопросов. Но знаете что?

Тедди ждал, глядя на главврача.

— Если и дальше все пойдет своим ходом, то это уже не вопрос «если», а вопрос «когда».

— Вы не можете этого знать.

— Я знаю. Уж поверьте. Я специализируюсь на душевных травмах, вызванных горем, и самоедстве, связанном с чувством вины. Я сам страдаю этими комплексами, потому их и изучаю. Я видел, какими глазами вы смотрели на Рейчел Соландо несколько часов назад. Так смотрит человек, желающий умереть. Ваш босс из главного офиса сказал мне, что из всех агентов в его подчинении у вас больше всего наград. Что вашими боевыми медалями можно было бы набить полную шкатулку.

Тедди просто повел плечом.

— Он сказал, что вы воевали в Арденнах и освобождали Дахау.

В ответ — тот же жест.

— А потом погибает ваша жена. Сколько насилия, по-вашему, способен вынести человек, прежде чем окончательно сломаться?

— Не знаю, док. Сам иногда задаю себе этот вопрос.

Коули придвигнулся ближе и положил руку ему на колено.

— Возьмите списочек с фамилиями перед отъездом. О'кей? Я бы хотел через пять лет, сидя на этом месте, не без основания полагать, что где-то там вы живы и здоровы.

Тедди посмотрел на руку, лежащую у него на колене, потом Коули в лицо.

— Я тоже, — тихо сказал он.

С Чаком он снова встретился в подвале мужского общежития, где для всех, кто сейчас находился на открытом воздухе, поставили сборные койки. Чтобы сюда попасть, Тедди пришлось идти по разным коридорам, связывавшим корпуса больницы. Его провожал санитар по имени Бен, этакая гора колыхающейся белой плоти. Они миновали четыре запертые двери и три дежурных поста, блуждая по катакомбам, где о бушующем снаружи урагане можно было только догадываться. Эти серые, плохо освещенные переходы неприятно напоминали Тедди коридор из егоочных кошмаров. Может, не столь длинные и без пугающих черных «карманов», но такие же холодные, грифельно-серые.

Он испытывал смущение перед товарищем. Еще никогда приступ мигрени такой силы не случался у него в публичном месте, и воспоминание о том, как его стошило на пол, заставило его покраснеть. Оказаться беспомощным, как ребенок, которого надо подхватывать на руки.

Но стоило Чаку воскликнуть «Эй, босс!» в другом конце комнаты, и он вдруг понял, до чего же приятно снова быть вместе. Еще на материике он попросил разрешение на то, чтобы вести расследование в одиночку, и получил отказ. Тогда он был раздосадован, но сейчас, после двух дней на острове, после мавзолея и дыхания Рейчел у него на губах и долбаных кошмаров, он не мог не признать: хорошо, что в этой передряге он не один.

Они обменялись рукопожатиями, и, неожиданно вспомнив слова Чака из ночного кошмара: — «Я никогда отсюда не уеду», — Тедди испытал такое чувство, будто птица, запертая в его грудной клетке, отчаянно взмахнула крыльями.

— Как дела, босс? — спросил Чак, похлопывая его по плечу.

Он смущенно улыбнулся:

— Лучше. Еще немного покачивает, но в целом нормально.

— Мать честная. — Чак отошел от двух санитаров, смоливших возле несущей балки, и понизил голос: — Я даже испугался, босс. Я уж решил, что у тебя инфаркт или инсульт.

— Обычная мигрень.

— Обычная, — хмыкнул он, еще больше понижая голос, пока они отходили к цементной стене бежевого цвета подальше от посторонних. — Сначала я подумал, что ты устроил маленький театр, чтобы добраться до личных дел.

— Ума не хватило.

Чак глядел на него в упор, глаза заблестели.

— А у меня сразу родилась идея.

— Иди ты.

— Представь себе.

— И что ты сделал?

— Я сказал Коули, что посижу с тобой. Ну и остался. А через какое-то время его позвали, и он ушел из офиса.

— А ты заглянул в личные дела?

Чак кивнул.

— И что ты там нашел?

Чак сразу сник:

— Да ничего особенного. Не смог залезть в его картотеку. Там какой-то особый замок, с которым мне раньше не приходилось иметь дела. А я разбирался с самыми разными замками. Я бы и этот открыл, но остались бы следы. Понимаешь?

— Ты правильно поступил.

— Ну да... — Чак кивнул проходящему мимо санитару, а у Тедди возникло такое сюрреалистическое чувство, будто они стали персонажами какого-то старого фильма с Джеймсом Кэгни, в котором заключенные планируют побег. — А вот к нему в стол я таки залез.

— Что?

— Жуть, да? Можешь мне дать по рукам.

— По рукам? Я дам тебе медаль.

— Не надо медали. Невелики находки, босс. Всего лишь его календарь. Но вот что любопытно: четыре дня — вчера, сегодня, завтра и послезавтра — он отчеркнул их черным фломастером.

— Ураган, — отреагировал Тедди. — Он знал о его приближении.

Чак помотал головой.

— Отчеркнул все четыре дня. Это я к чему? Знаешь, как пишут: «Каникулы на мысе Код». Следишь за мыслью?

— Да.

К ним вразвалочку подошел Трей Вашингтон, мокрый с головы до ног, с дешевой сигарой во рту.

— Что, приставы? Секретничаете тут?

— Само собой, — откликнулся Чак.

— Никак прогулялись? — спросил Тедди.

— Ага. Жесть. Обкладывали здание мешками с песком, заколачивали окна. Здоровых мужиков на хрен с ног сбивает. — Он поднес зажигалку «зиппо» к потухшей сигаре и обратился к Тедди: — Как сам-то? Говорят, у вас случился приступ.

— Приступ чего?

— Ну, если я стану пересказывать все версии, то нам ночи не хватит.

Тедди улыбнулся:

— У меня бывают мигрени. Серьезные.

— Моя тетка жуть как мучилась. В спальне запрется, свет выключит, шторы опустит, и сутки ее не видно, не слышно.

— Моё ей сочувствие.

Трей пыхнул сигарой.

— Она давно уж покойница, но я ей передам, когда буду молиться. Вообще-то она была ведьма, хоть и маялась головой. Колошматила нас с братом ореховым прутом почем зря. Бывало, просто так. «За что, тетушка? — спрашиваю. — Я же ничего не натворил». А она: «Значит, собираешься». Ну что тут сделаешь?

Он, кажется, ждал ответа на свой вопрос, поэтому Чак сказал:

— Бежать во все лопатки.

Трей хохотнул, не вынимая сигары изо рта.

— Вот-вот, сэр. В самую точку. — Он вздохнул. — Пойду обсушусь. Увидимся.

— Пока.

Комната заполнялась мужчинами, возвращавшимися с улицы, они стряхивали влагу с черных дождевиков и черных ковбойских шляп, прокашливались, закуривали, передавали друг другу, почти в открытую, фляжки.

Приставы, прислонясь к стене, тихо переговаривались, поглядывая на окружающих.

— Значит, написал на календаре...

— Да.

— Но там не было написано «Каникулы на мысе Код».

— Нет.

— А что было?

— «Пациент 67».

— Всё?

— Всё.

— И больше ничего?

— Больше ничего.

Он не мог уснуть. Он слышал, как мужики храпят и пыхтят, как они дышат, кто-то с присвистом, а кто-то разговаривал во сне. Один пробормотал: «А чё ты не сказал? Надо было сказать...» Другой пожаловался: «Попкорн застрял в горле». Кто-то лягал простыню, кто-то беспрерывно ворочался, а один даже сел на кровати, посидел немного и снова рухнул на матрас. Наконец вся эта дерготня вошла в более или менее спокойный ритм, чем-то напомнивший Тедди приглушенные звуки гимна.

Звуки снаружи тоже доносились приглушенные, слышно было, как шторм лапами роется в земле и бьется головой о фундамент. Жаль, здесь не было окон, чтобы полюбоваться на невероятные сполохи в небе.

Он думал о словах Коули.

Это уже не вопрос «если», а вопрос «когда».

Склонен ли он к суициду?

Пожалуй. После смерти Долорес не было дня, когда бы он не думал о том, чтобы воссоединиться с ней, а иногда мысленно заходил дальше. Порой ему казалось, что его жизнь — это акт трусости. Какой смысл в том, чтобы покупать продукты, заливать горючее в бензобак «крайслера», бриться, надевать носки, стоять в очередной очереди, выбирать галстук, гладить рубашку, умываться, причесываться, получать по чеку наличность, продлевать лицензию, читать газету, мочиться, есть — одному, всегда одному, — ходить в кино, покупать пластинку, платить по счетам и снова браться, умываться, засыпать, просыпаться...

...если все это не приближает его к ней?

Он знал, надо перевернуть страницу. Прийти в себя. Оставить прошлое в прошлом. Его редкие друзья и немногочисленная родня

твердили ему об этом, и, будь он человеком со стороны, сам сказал бы «другому Тедди»: возьми себя в руки, втяни живот и — вперед.

Но прежде надо убрать Долорес на полку, где она будет собирать пыль, а ему останется жить надеждой, что толстый слой пыли смягчит остроту боли. Отдалит ее образ. И со временем из некогда живой женщины она превратится в мечту о таковой.

Все говорят, забудь ее, ты должен ее забыть, но забыть ради чего? Ради этой паскудной жизни? Как мне выкинуть тебя из головы? Разве у меня это получится, если не получилось до сих пор? Как мне тебя отпустить, спрашиваю я их? Я хочу снова держать тебя, вдыхать твой запах, и, да, признаюсь, хочу, чтобы ты ушла. Прошу, прошу тебя, уйди...

Лучше бы он не принимал эти пилюли. Три часа ночи, а сна ни в одном глазу. А в ушах звучит ее голос со слабым бостонским акцентом, выдающим себя в окончаниях на «ег», поэтому Долорес любила его шепотом *foreva and eva*.^[11] Он улыбался в темноте, слыша этот голос, мысленно видя ее зубы и ресницы и этот томный плотоядный взгляд по утрам в воскресенье.

Тот вечер, когда они познакомились в «Кокосовой роще». Духовой оркестр играл со смаком, воздух серебрился от сигаретного дыма. Разодетая публика — моряки и солдаты в парадной форме, гражданские в двубортных костюмах с торчащими из нагрудного кармана треугольничками носовых платков и в цветастых галстуках, фетровые шляпы на столах и, конечно, женщины, женщины. Они пританцовывали даже в дамской комнате. Они порхали от стола к столу, крутились на носочках, прикуривая сигаретку или открывая пурпурную пурпурину, подлетали к бару и запрокидывали головы, разражаясь смехом, и их шелковистые волосы струились и переливались на свету.

Тедди пришел туда вместе с Фрэнки Гордоном, тоже из разведки, в чине сержанта, и еще несколькими ребятами (через неделю им всем предстояла отправка на фронт), но, увидев ее, он всех бросил на полуслове и пошел на танцпол, где на минуту потерял ее из виду в толпе, которая расступилась, освобождая место для морячка и блондинки в белом платье, тот прокатывал ее через спину, перекидывал через голову, заставляя делать сальто, тут же ловил в воздухе и ставил на пол под аплодисменты публики, а затем в толпе снова мелькнуло ее фиалковое платье.

Красивое платье, и первым делом он обратил внимание на цвет. Но красивых платьев в тот вечер было много, всех не сосчитать, так что дело было не столько в платье, сколько в том, как она его носила. Нервно. Смузенено. То и дело опасливо трогая. Поправляя здесь и там. Прижимая плечики ладонями.

Она его одолжила. Или взяла напрокат. Она никогда раньше не носила такое платье. Оно наводило на нее такой ужас, что она не понимала, почему на нее смотрят — от вожделения или из жалости и сострадания.

Она выпростала большой палец, которым поправляла бретельку от лифчика, и в этот момент поймала на себе взгляд Тедди. Она опустила глаза и вся засияла краской, от горла и выше, но потом снова подняла глаза, и Тедди, выдержав ее взгляд и улыбнувшись ей, подумал: «Я тоже чувствую себя по-дуряцки в военном обмундировании». Эту мысль он постарался передать на расстоянии. И видимо, сработало, так как она улыбнулась ему в ответ, и в этой улыбке была скорее благодарность, чем кокетство. Тут-то он и покинул Фрэнки Гордона, разглагольствовавшего о хранилищах для кормов в штате Айова или о чем-то в этом духе, и притиснулся сквозь плотные и потные ряды танцующих, совершенно не представляя, что он ей сейчас скажет. Милое платье? Могу я вас угостить каким-нибудь напитком? У вас красивые глаза?

— Потерялись? — спросила она.

Пришел его черед крутиться на месте. Он глядел на нее сверху вниз. Миниатюрная, сто шестьдесят на каблуках, от силы. Вызывающе красивая. Не правильно красивая, как большинство женщин с их безукоризненными носами и губами и прической. Здесь же было что-то не так — то ли слишком широко расставленные глаза, то ли чересчур крупные для ее личика губы, то ли нетвердый подбородок.

— Немного, — ответил он.

— И кого же вы ищете?

У него сорвалось раньше, чем он успел себя остановить:

— Вас.

У нее расширились глаза, и он заметил маленький изъян, бронзовое пятнышко в левой радужнице, а в следующую секунду его охватил ужас: он понял, что все загубил, выставив себя эдаким дамским угодником, лощеным, самоуверенным.

Вас.

Как, черт возьми, это из него выскоцило? И чего, черт подери, он хотел этим...

— Гм... — Она сделала паузу.

Ему захотелось бежать без оглядки. Он был больше не в силах выдерживать ее взгляд.

— ...по крайней мере, вам не пришлось далеко искать.

Его рот растянулся в глуповатой улыбочке, отразившейся в ее зрачках. Придурок. Олух царя небесного. От счастья он боялся дышать.

— Да, мисс. Это точно.

— Боже мой. — Она немного отстранилась, прижав к груди бокал с мартини, чтобы лучше его рассмотреть.

— Что?

— Вы, наверное, чувствуете себя здесь таким же чужим, как и я, да, солдат?

В такси она уселась на заднем сиденье рядом со своей подругой Линдой Кокс, и когда та наклонилась вперед, чтобы продиктовать водителю адрес, он просунул голову в окно и произнес ее имя:

— Долорес.

— Эдвард, — сказала она.

Он рассмеялся.

— Что такое?

— Ничего.

— Нет. Скажите.

— Меня так никто не называет, кроме матери.

— Ну... тогда — Тедди?

В ее устах это прозвучало как музыка.

— Да.

— Тедди, — повторила она, как бы пробуя это имя на губах.

— А как ваша фамилия? — только сейчас поинтересовался он.

— Шаналь.

У него вопросительно поднялись брови.

— Я знаю, — сказала она. — Со мной это совсем не вяжется.

Звучит претенциозно.

— Я могу вам позвонить?

— Как у вас с цифрами?

Тедди улыбнулся:

— Вообще-то я...

— Уинтер-Хилл, 64346.

Он остался стоять на тротуаре, после того как такси отъехало, и память о ее лице в каких-то сантиметрах от него — через открытое окно, на танцполе — чуть не привела к короткому замыканию в мозгу, едва не стерла в нем эти пять цифр и само ее имя.

Он подумал: так вот, значит, что это такое — полюбить. Никакой логики — он ведь ее совершенно не знал. И тем не менее. Только что он встретил женщину, которую непостижимым образом знал еще до того, как родился. Она была мерилом всего того, о чем он и мечтать не смел.

Долорес. В эти самые минуты она думала о нем в полумраке автомобиля, чувствуя его так же, как он чувствовал ее.

Долорес.

Все, что было ему нужно в этой жизни, обрело имя.

Тедди перевернулся на другой бок, свесил ноги на пол и, пошарив вокруг, нашел блокнот и спички. Осветил страницу с записью, сделанной во время шторма. Он израсходовал четыре спички, прежде чем дал всем цифрам соответствующие буквенные обозначения.

18-1-4-9-5-4-23-1-12-4-19-14-5
R-A-D-I-E-D-S-A-L-D-W-N-E

После этого разгадать шифр не представило большого труда. Еще пара спичек, и он прочел имя раньше, чем пламя подобралось к пальцам:

Эндрю Лэддис.

Уже ощущая жар пламени, он посмотрел на спящего напарника, от которого его отделяли две койки. Надо надеяться, что служебная карьера Чака не пострадает. Тедди возьмет всю вину на себя, и Чак останется в стороне. Такая уж у него планида: что бы ни случилось, он будет выходить сухим из воды.

Тедди успел еще раз бросить взгляд на страницу, прежде чем спичка погасла.

Сегодня, Эндрю, я тебя найду. Пусть я не отдал свою жизнь ради Долорес, но, по крайней мере, это я должен для нее сделать.

Найти тебя.

Найти и убить.

День третий
Пациент 67

Два дома за периметром стены — смотрителя и Коули — приняли на себя прямые удары урагана. В доме главврача снесло полкрыши и черепицу разнесло по всей территории, словно в назидание каждому. Вперемешку с черепицей валялись дохлые крысы и раскисшие яблоки, заметенные песком. В дом смотрителя больницы через окно, для надежности забитое фанерой, влетело дерево, и его корневище лежало посреди гостиной.

Больничный двор, усеянный ракушками и ветками, был на три-четыре сантиметра затоплен водой. Фундамент самой больницы выглядел так, словно по нему прошлись отбойным молотком. Корпус А остался без четырех окон, отдельные секции гидроизоляции на крыше загнулись и напоминали прическу с валиком в стиле мадам де Помпадур. Из всех коттеджей для врачей от двух остались одни остовы, другие лежали на боку. Общежития для санитаров и медсестер тоже потеряли несколько окон, частично пострадала сантехника. А вот корпус В буря обошла стороной. Куда ни бросишь взгляд, в небо копьями ощетинились деревья со срезанными макушками.

Неподвижный воздух угрюмо сгустился. Ливень сменился тоскливой моросью. На отмели остались дохлые рыбы. Одинокая камбала еще дышала и пошевеливала плавниками, озираясь на море печальным выпученным глазом.

Выйдя поутру наружу, Тедди и Чак наблюдали за тем, как Макферсон с охранником ставили на колеса перевернутый джип. Завестись им удалось только с пятой попытки, после чего джип с ревом выехал за ворота и через минуту полез на холм за больницей, беря курс на корпус С.

Коули, выйдя во двор, остановился, чтобы поднять осколок снесенной крыши собственного дома, повертел в руке и бросил на подтопленную землю. Его взгляд дважды скользнул мимо приставов, прежде чем он их узнал в белой униформе санитаров, черных дождевиках и черных ковбойских шляпах. Он послал им ироническую улыбку и, кажется, собирался подойти, когда из здания больницы

выбежал врач со стетоскопом вокруг шеи и бросился к нему со всех ног.

— Резервный отказал. Завести не удается. У нас двое в критическом положении. Они умрут, Джон.

— Где Гарри?

— Пытается перезарядить, но все без толку. С резервным глухо.

— Я понял. Пойдемте.

Они направились в здание больницы.

— У них отказал резервный генератор? — уточнил Тедди.

— Такой ураган, что ты хочешь, — сказал Чак.

— Ты где-нибудь видишь свет?

Чак обвел взглядом окна:

— Не-а.

— Думаешь, вся энергосистема отказалась?

— Вполне возможно.

— И ограждение.

Чак поднял подплывшее к его ногам яблоко, развернул корпус и с резким выпадом вперед швырнул его в стену.

— Очко! — Только после этого он повернулся к напарнику. — И ограждение, да.

— А значит, и электронные замки. Двери. Ворота.

— Господи, спаси и сохрани. — Он поднял еще одно яблоко, подбросил и поймал у себя за спиной. — Ты никак собрался проникнуть в форту?

Тедди запрокинул лицо, подставляя его под дождик.

— Самое время.

Во двор, взбивая колесами воду, въехал джип, а в нем смотритель больницы и трое охранников. Заметив двух бездельников посреди двора, смотритель изобразил на лице недовольную гримасу. Очевидно, как и Коули, он принял их за санитаров и возмутился, что у них в руках нет граблей или насоса. Впрочем, он промчался мимо, выставив вперед голову и спеша навстречу более важным делам. Тедди поймал себя на мысли, что до сих пор еще ни разу не слышал его голоса. Интересно, голос у него такой же черный, как волосы, или бледный, как кожа?

— Тогда уж прямо сейчас, — сказал Чак. — Пока ситуация не изменилась.

Тедди зашагал к воротам. Чак его нагнал.

— Я бы свистнул, да во рту пересохло.

— Страшновато? — поинтересовался Тедди.

— Не то слово, босс. — Он запустил в стену очередным яблоком.

В воротах стоял охранник с лицом подростка и глазами садиста.

— Все санитары должны докладывать мистеру Уиллису в администрации. Вам, парни, на уборку территории.

Чак и Тедди посмотрели друг на друга — выпитые санитары.

— Бенедикт,^[12] — сказал Чак.

Тедди кивнул:

— Ага. А тебе что на ланч?

— Рубен^[13] тонкой нарезки.

Тедди показал охраннику свою бляху:

— Наше обмундирование еще не вернулось из прачечной.

Охранник изучил бляху и молча поднял глаза на Чака. Тот, вздохнув, достал бумажник и раскрыл его перед самым носом у охранника.

— Какие у вас дела за периметром? — спросил охранник. — Пропавшая пациентка нашлась.

Любое объяснение, решил Тедди, только ослабит их позиции и даст этой вонючке почувствовать свою власть. Во время военных действий у него в роте было много таких вонючек. Большинство из них не вернулось домой, и, по мнению Тедди, вряд ли это обстоятельство кого-то особенно расстроило. Законченные придурки, до них не достучишься, их ничему не научишь. Зато такого можно задвинуть, если ты вовремя осознал, что он понимает только силу.

Тедди подошел вплотную к парню, сверля его взглядом и улыбаясь уголками рта, и добился своего: они смотрели друг на друга, глаза в глаза.

— Мы решили пройтись, — сказал Тедди.

— У вас нет полномочий.

— Еще как есть. — Тедди придвинулся так, что охраннику теперь пришлось смотреть снизу вверх. Он чувствовал на своем лице дыхание парня. — Мы федеральные приставы, а это федеральное учреждение. Считай, что нас уполномочил сам Господь Бог. Мы не должны перед тобой отчитываться. Мы не должны тебе ничего объяснять. Мы можем прострелить твой член, малыш, и ни один суд в этой стране даже не

примет это дело к рассмотрению. — Он придинулся еще на пару сантиметров. — Так что открывай долбаные ворота.

Паренек усилием воли выдержал его взгляд. Сглотнул. Попробовал придать собственному взгляду больше жесткости.

— Повторяю: открывай эти...

— О'кей.

— Не слышу?

— Да, сэр.

Тедди еще секунду-другую посверлил его убийственным зрачком, потом шумно выдохнул через ноздри.

— Вот и хорошо, сынок. Ать-два!

— Ать-два! — на автомате повторил паренек, аж подпрыгнул кадык.

Он повернул ключ в замке и распахнул ворота. Тедди прошел через них не оглядываясь.

Они свернули направо и прошли немного вдоль стены, прежде чем Чак заговорил:

— С этим «ать-два» симпатично получилось.

Тедди встретился с ним взглядом.

— Мне тоже понравилось.

— В армии ты небось никому спуску не давал.

— Батальонный сержант, под моей командой два десятка юнцов, половина из которых полегли, так и не познав женщину. Словечками вроде «симпатично» уважение у солдат не завоюешь. Тут надо рявкнуть, чтобы они усрались от страха.

— Так точно, сержант. — Чак лихо отдал ему честь. — Хоть у них и отказалась энергосистема, но проникнуть в укрепленный форт — это тебе не хухры-мухры.

— Я в курсе.

— Есть идеи?

— Пока нет.

— А вдруг у них там ров с водой? Вот будет сюрприз.

— Или бочки с кипящим маслом на зубчатых стенах.

— Лучники. Если на стенах стоят лучники, Тедди...

— А мы без кольчуги.

Они переступили через поваленное дерево, под ногами было топко и скользко от мокрых листьев. Сквозь поредевшую

растительность они видели форт, его мощные серые стены, а также борозды, оставленные колесами джипов, которые сновали туда-сюда все утро.

— Этот охранник был не так уж далек от истины, — заметил Чак.

— А именно?

— После того как Рейчел нашлась, наши полномочия здесь, можно сказать, закончились. Если нас застукают, босс, разумного объяснения у нас не найдется.

Вид этого бурелома отзывался в мозгу Тедди зеленым пожаром. Он испытывал усталость, в голове легкий туман. Четырехчасовой сон под наркотиком, да к тому же сопровождавшийся кошмарами, явно его не освежил. Мелкий дождик тихо барабанил по тулье, собираясь на полях шляпы. Мозг гудел, хотя и слабо, но беспрерывно. Если бы сегодня пришел паром, что вряд ли, он бы, пожалуй, не слушая доводов рассудка, прыгнул на борт и был таков. В гробу он видел эту скалу, окруженную водой. Но вернуться без результатов, будь то собранные факты для сенатора Херли или свидетельство о смерти Лэддиса, значило бы провалить задание. И тогда, помимо склонности к самоубийству, его еще будет тяготить чувство вины за то, что он не сумел исправить ситуацию.

Тедди открыл блокнот.

— Эти каменные пирамидки, которые Рейчел оставила на берегу. Вот раскрытый шифр.

Он протянул Чаку блокнот. Тот поднес его к груди и закрыл ладонью от дождя.

— Значит, он здесь.

— Здесь.

— Пациент номер 67?

— Он самый.

Тедди остановился рядом с обнажившейся породой посреди раскисшего склона.

— Чак, ты можешь вернуться. Тебе незачем впутываться в это дело.

Чак посмотрел на него и захлопнул блокнот, коснувшись руки своего напарника.

— Мы федеральные приставы, Тедди. А что делают приставы?

Тедди улыбнулся:

— Мы входим в двери.

— Первыми, — уточнил Чак. — Мы входим в двери первыми. Мы не дожидаемся, пока отъевшиеся городские копы обеспечат нам тылы. Мы рывком открываем гребаную дверь.

— Точно.

— Стало быть, вопрос снят. — Чак вернул ему блокнот, и они двинулись дальше в сторону форта.

Им хватило беглого взгляда на него вблизи, когда их от форта отделяли лишь полоса деревьев и небольшая поляна, чтобы Чак сформулировал то, о чем они подумали одновременно:

— Это жопа.

Целые секции ограждения из переплетенных металлических колец, вырванные из земли, разметало по земле, остальные же повисли в разной стадии ненужности.

Зато по всему периметру расхаживали вооруженные охранники. Некоторые периодически объезжали территорию на джипах. Команда санитаров собирала во дворе обломки, еще одна группа занялась мощным деревом, упавшим прямо на стену. Рва они не обнаружили, зато попасть в форт можно было только через маленькую дверь, обитую красным кованым железом. Охранники на бастионах стояли с винтовками наперевес. Маленькие оконца форта зарешечены. Ни одного пациента, в оковах или без, не наблюдалось. Только охранники и примерно столько же санитаров.

Вот двое охранников на крыше отошли в сторону, уступая место дюжим ребятам в белой форме, те подошли к скату и крикнули товарищам внизу, чтобы те очистили пространство. Затем они сдвинули макушку дерева ближе к краю и принялись ее раскачивать, а когда раскачивали, все разом стали толкать, макушка подалась еще на пару футов, и вот дерево с треском обрушилось вниз под общие крики. Дюжие ребята снова подошли к скату, чтобы воочию убедиться, что дело сделано, а дальше, само собой, последовали звонкие шлепки вскинутых ладоней и похлопывания по плечу.

— Там где-то должен быть трубопровод для сброса воды или отходов в море, — сказал Чак. — Вдруг через него можно проникнуть внутрь?

Тедди покачал головой:

— Зачем усложнять? Войдем как положено.

— А-а. Наподобие того как Рейчел выскользнула из корпуса В? Я понял. Примем немного порошка, который сделает нас невидимыми. Отличная мысль.

Вида озабоченное лицо напарника, Тедди тронул воротник своего дождевика.

— Мы одеты не как приставы, Чак. Догоняешь?

Чак снова окинул взглядом санитаров, работающих по периметру, заметил, как еще один вышел через железную дверь с дымящейся, невзирая на морось, кружкой кофе, и сказал:

— Аминь, дружище.

Они шли по дороге к форту, дымя сигаретами и болтая о пустяках. Выйдя на поляну, они столкнулись с охранником. Его винтовка лениво смотрела дулом в землю.

— Нас сюда послали, — сказал Тедди. — Вроде как дерево упало на крышу.

Охранник бросил взгляд назад через плечо.

— Фигня. С этим уже управились.

— Здорово, — отреагировал Чак, и они было повернули назад.

— Эй, парень, — окликнул его охранник. — Там работы невпроворот.

Они развернулись.

— На стене уже человек тридцать вкалывают, — сказал Тедди.

— Внутри тоже бардак что надо. Стены, конечно, устояли, но что такое ураган, не мне вам объяснять.

— Само собой, — подтвердил Тедди.

— Буквенный код не напомнишь? — обратился Чак к привалившемуся к стене охраннику.

Тот сделал движение большим пальцем, железная дверь открылась, и они, пройдя внутрь, оказались в вестибюле.

— Не хочу показаться неблагодарным, — сказал Чак, — но все получилось слишком уж легко.

— Не стоит много рассуждать. Бывает еще везение.

Дверь за ними закрылась.

— Везение? — Голос Чака слегка дрожал. — Теперь это так называется?

— Теперь это так называется.

Первое, что ударило в нос Тедди, — это запах. Запах промышленной дезинфекции, призванной забить смердящий букет из рвоты, фекалий, пота и, главным образом, мочи.

Затем откуда-то издалека, с верхних этажей, долетел шум: топот ног, крики, отлетавшие гулким эхом от толстых стен и повисавшие в сыром воздухе, внезапные взвизги, пронзающие уши и постепенно сходящие на нет, назойливый неумолчный гул, производимый несколькими одновременно звучащими голосами.

Кто-то завопил:

— Ты не имеешь права! Слышишь? Ты не имеешь права, пидорас! Убирайся... — Дальнейшие слова прозвучали неразборчиво.

Где-то над ними, над пролетом каменной лестницы, мужчина пел «Сто бутылок пива на полке». Он закончил куплет про семьдесят седьмую бутылку и затянул про семьдесят шестую.

На карточном столе стояли два термоса с кофе, стопки бумажных стаканов и несколько бутылок молока. За другим карточным столом, у подножия лестницы, сидел охранник, встретивший их улыбкой.

— Первый раз здесь?

Тедди уставился на него, а тем временем прежние звуки сменились новыми, и эта какофония терзала слух, обрушившись со всех сторон.

— Ага. Слыхал разное, но...

— Привыкнешь. Человек ко всему привыкает.

— Это точно.

— Если вы, ребята, не работаете на крыше, можете повесить плащи и шляпы там. — Охранник показал на комнатку у него за спиной.

— Нам сказали на крышу, — уточнил Тедди.

— Кому вы так насолили? Тогда по лестнице. — Он показал пальцем наверх. — Вообще-то психов мы приковали к койкам, но кое-кто еще бегает. Если такого увидите, крикните, ладно? Главное, не пытайтесь его сами обездвижить. Тут вам не А. Эти сукины дети сделают из вас отбивные, ясно?

— Ясно.

Они начали подниматься по лестнице, и тут их окликнул охранник:

— Постойте-ка.

Они остановились и посмотрели вниз.

Он, улыбаясь, показывал на них указующим перстом.

Они ждали.

— А я, ребята, вас узнал, — почти пропел он.

Они оба молчали.

— Узнал, — повторил охранник.

— Да? — с трудом выдавил из себя Тедди.

— Да. Это вы застряли на инструктаже. Из-за этого долбаного дождя. — Он захочтал и хлопнул другой рукой по столешнице.

— Точно, — сказал Чак. — Ха-ха.

— Вот тебе и ха!

Тедди в свою очередь наставил на него указующий перст:

— Как ты нас, приятель. В тютельку.

Они снова двинулись наверх, а им вдогонку полетел идиотский смех.

На первой площадке остановились. Перед ними огромный зал с арочным потолком из кованой меди, темный пол навощен до зеркального блеска. Тедди подумал, что если бы он швырнул через весь зал бейсбольный мяч или одно из яблок, которыми жонглировал Чак, то до противоположной стены, пожалуй, не дбросил бы. Дверь в зал была открыта нараспашку, и, когда они вошли, у Тедди кошки заскребли на сердце, так это пустое пространство напомнило ему огромный мраморный зал из недавнего сна, где Лэддис предлагал ему выпить, а Рейчел убивала своих детей. Это не была его копия — в том, из ночного кошмара, были высокие окна с плотными шторами, и потоки света, и паркетный пол, и массивные канделябры, но сходство все равно разительное.

Тут его похлопали по плечу. На шее у него выступили капельки пота.

— Могу еще раз повторить, — шепотом сказал Чак со слабой улыбкой, — слишком уж легко. Где охранник? Почему дверь нараспашку?

А у Тедди перед глазами растрепанная Рейчел с воплем неслась через зал, вооруженная тесаком.

— Не знаю.

Чак наклонился и прошипел ему в ухо:

— Это западня, босс.

Тедди вошел в зал. Ломило виски от недосыпа. От дождя. От приглушенных криков и топота над головой. На него оглядывались через плечо трое детей — два мальчика и маленькая девочка. Они дрожали.

Он снова услышал, как мужчина распевает:

— ...взял одну, пустил по кругу, осталось пятьдесят четыре бутылки пива на полке...

Они мелькали перед его глазами, эти трое детей, колебались в колеблющемся воздухе, а потом их сменили желтые пилюли, которые Коули вчера положил ему на ладонь, и он ощутил приступ тошноты и какое-то движение в желудке.

— Пятьдесят четыре бутылки пива на полке, пятьдесят четыре бутылки пива...

— Давай вернемся, Тедди. Пока не поздно. Это облом. Ты чувствуешь, я чувствую.

Из дальней двери выскочил мужчина. Босой, с голой грудью, в одних пижамных штанах. При слабом свете можно было разглядеть бритую голову, но не черты лица.

— Привет! — крикнул он.

Тедди ускорил шаг.

— Пятна! Ты — оно!

Мужчина скрылся. Чак нагнал своего товарища.

— Босс, Христа ради...

Он где-то здесь. Лэддис. Тедди подсказывало шестое чувство.

В конце зала они обнаружили две широкие лестницы: одна крутым загибом уходила вниз, в темноту, другая вела наверх, туда, где звучали крики и бормотание, сделавшиеся громче, и теперь к ним добавился лязг цепей и металлические удары.

— Биллингс! — донесся чей-то голос. — Ну всё, парень! Угомонись! Отсюда некуда бежать. Ты меня слышишь?

Тедди услышал совсем рядом учащенное дыхание. Он повернул голову и увидел в сантиметрах от своего лица бритую голову.

— Ты — оно! — Бритоголовый, весь сияя, ткнул его в плечо пальцем.

— Я — оно, — подтвердил Тедди.

— Конечно, если ты махнешь рукой, то я снова превращусь в оно, а потом я махну, и ты превратишься в оно, и мы можем этим заниматься долго, хоть целый день, без перерыва на обед, без перерыва на ужин, превращая друг друга в оно, снова и снова.

— А зачем? — спросил Тедди.

— Знаешь, что там? — Тип мотнул головой в сторону лестницы. — В море?

— Рыба? — предположил Тедди.

— Рыба. — Тип кивнул. — Молодец. Рыба, да. Много рыбы. Да, рыба, молодец, рыба, а что еще? Субы. Ага. Точно тебе говорю. Советские субмарины. Двести, триста миль от наших берегов. Мы вроде как в курсе, правильно? Нам сообщают. Да. И мы привыкаем к этой мысли. В сущности, мы забываем. Ну, то есть: «О'кей, там эти субы, спасибо за информацию». Они стали частью нашей повседневной жизни. Мы знаем, что они где-то там, и не заморачиваемся по этому поводу. Правильно? А они реально там плавают, оснащенные ракетами. И эти ракеты нацелены на Нью-Йорк и Вашингтон. На Бостон. Они сейчас там. Ждут своего часа. Тебя это не беспокоит?

Тедди слышал, как рядом размеренно дышит Чак в ожидании его ответа.

— Ты правильно сказал. Я стараюсь не заморачиваться.

— Мммм. — Тип кивнул и погладил щетину на подбородке. — До нас кое-что доходит. Трудно поверить, да? Доходит, будь спок. Поступает новенький и рассказывает. Охранники болтают. Вы, санитары, тоже. Мы знаем, мы знаем. Про внешний мир. Про испытания водородной бомбы, про атоллы. Ты знаешь, как работает водородная бомба?

— На водороде?

— Молодец. Соображаешь. Да, да. — Тип кивнул несколько раз подряд. — На водороде, точно. Но что еще, что еще, эта бомба не такая, как другие. Ты бросаешь бомбу, даже атомную, и она взрывается. Вовне. Правильно? Правильно. А водородная взрывается внутрь. В себя. Серия таких внутренних распадов. И все эти распады создают массу и плотность. Ярость самоуничтожения творит нового монстра. Врубаешься? Чем сильнее распад, тем больше

саморазрушение, тем мощнее эффект. И вот, прикинь, бабах! Вдруг — бенц, бум, бах. Самого вещества уже нет, а оно начинает распространяться. Из взрыва *вовнутрь* происходит взрыв *вовне*, который в сотни, в тысячи, в миллионы раз разрушительнее, чем любая бомба в прошлом. Это наше наследие. Помни об этом. — Он несколько раз, легонько так, постучал Тедди пальцами по плечу, как будто отбивая ритм. — Ты — оно! В десятой степени. Хе-хе!

Он дунул вниз по темной лестнице с криком «бабах», повторенным многоократно.

— ...сорок девять бутылок пива! Взял одну...

Тедди взглянул на Чака. Лицо его было влажным от пота, и он старательно дышал ртом.

— Ты прав, — сказал Тедди. — Пошли отсюда.

— Другой разговор.

В это время с верхней площадки раздался крик:

— Кто-нибудь, бля, помогите! Твою мать!

Тедди и Чак подняли глаза и увидели, как двое сцепившихся мужиков, один в синей форме охранника, другой в белой пижаме пациента, кубарем катятся вниз по лестнице. На повороте, на самой широкой ступеньке, падение закончилось. Свободной пяткой пациент вцепился в лицо охранника и выдрал кусок щеки, тот, взывив, отдернул голову.

Приставы кинулись наверх. Пациент уже готов был к новому подвигу, но Чак успел схватить его за кисть.

Охранник схватился за глаз и размазал кровь до подбородка. Тедди слышал их общее учащенное дыхание и пение весельчака, уже добравшегося до сорок первой бутылки, и вдруг увидел звериный оскал мужчины в белом и с криком «Чак, берегись» стукнул пациента по лбу на мгновение раньше, чем тот успел вцепиться зубами Чаку в запястье.

— Можете его отпустить, — сказал он охраннику. — Слышите?

Охранник выпутался из сплетения ног и отполз на пару ступенек. Тедди, нагнувшись, жестко придавил плечо пациента к каменному полу и не успел поднять глаза, как в воздухе просвистела дубинка, сломавшая переносицу лежащего.

Тедди почувствовал, как тело под ним сразу обмякло, и услышал, как чертыхнулся его напарник.

Когда охранник снова замахнулся дубинкой, Тедди прикрыл лежащего и выставил локоть.

— Эй, эй! — обратился Тедди к окровавленному лицу. — Он вырубился. Эй!

Но охранник, опьяненный запахом собственной крови, готов был обрушить дубинку.

— Гляди на меня! На меня гляди! — крикнул ему Чак.

Охранник перевел взгляд.

— Отойди на хрен. Ты слышишь меня? Отойди. Все под контролем. — Чак отпустил запястье, и рука пациента безжизненно упала на грудь. Чак привалился к стене, не сводя глаз с охранника. — Ты меня слышишь? — тихо повторил он.

Охранник опустил свою дубинку, промокнул рану рубашкой и уставился на кровь.

— Он порвал мне лицо.

Тедди наклонился, чтобы получше разглядеть рану. Он и не такое видел. Жить будет. Но вид, конечно, тот еще. Никакой хирург уже не сделает из этого лица конфетку. Вслух же он сказал:

— Не переживай. Пара-тройка швов, и все дела.

Сверху послышался грохот падения человеческих тел вместе с мебелью.

— У вас тут бунт, что ли? — спросил Чак.

Охранник подышал полной грудью, постепенно восстанавливая цвет лица.

— Вроде того.

— Пациенты захватили больницу? — словно невзначай спросил Чак.

Парень внимательно посмотрел на Чака, потом на Тедди.

— Пока нет.

Чак достал из кармана носовой платок и протянул охраннику.

Парень поблагодарил и прижал платок к ране.

Чак снова взял лежащего за запястье, проверяя пульс. Затем поднял веко.

— Жить будет, — обратился он к Тедди.

— Надо его поднять.

Они закинули безвольные руки себе за плечи и, поставив пациента в вертикальное положение, потащили его наверх, ведомые

охранником. Весил больной не много, но лестница оказалась длинной, и носки цеплялись за края ступеней. На верхней площадке охранник обернулся. За короткое время он то ли постарел, то ли поумнел.

— Вы приставы, — сказал он.

— Ты о чем?

Он уверенно кивнул:

— Точно. Я видел вас на причале, когда вы приехали. — Он взглянул на Чака с улыбкой. — Этот шрам на лице.

Чак вздохнул в ответ.

— Что вы здесь делаете? — спросил парень.

— Заботимся о твоем товарном виде, — сказал Тедди.

Парень отнял от лица намокший носовой платок, посмотрел на него и снова прижал к щеке.

— Знаете, кого вы тащите? — спросил он. — Это Пол Вингис. Из Западной Виргинии. Убил жену брата и двух его детей, пока тот воевал в Корее. Трупы держал в подвале и, пока они разлагались, так сказать, удовлетворял потребности.

Тедди преодолел желание отпустить висящее на нем тело и позволить ему скатиться под уклон.

— Хотите знать правду? — Парень откашлялся. — Он и меня поимел. — Парень выдержал их взгляды, глаза у него были красные.

— Как тебя звать?

— Бейкер. Фред Бейкер.

Тедди пожал ему руку.

— Послушай, Фред. Мы рады, что смогли тебе помочь.

Парень поглядел на свои забрызганные кровью туфли.

— И все-таки. Что вы здесь делаете?

— Осматриваемся, — сказал Тедди. — Через пару минут мы уйдем.

Парень задумался, а в голове Тедди пронеслись последние два года жизни — потеря Долорес, хождение по следу Лэддиса, выход на эту больницу, неожиданная встреча с Джорджем Нойсом и его рассказы об экспериментах с лекарствами и лоботомией, выход на сенатора Херли, ожидание подходящего момента, чтобы пересечь бухту и попасть на этот остров, как когда-то они выжидали момент, чтобы пересечь Ла-Манш и высадиться в Нормандии, — и все это вместилось в короткую паузу.

— Знаете, — заговорил парень, — мне довелось поработать в горячих местечках. Тюрьмы, зона особого режима, такая же психушка для невменяемых преступников... — Он покосился на дверь, и глаза его расширились, словно он увидел за ней такое, для чего и слов-то не существует. — Да, поработал. Но это место... — Он смерил долгим взглядом их обоих по очереди. — Тут живут по своим правилам.

Тедди пытался прочесть в его глазах вердикт, но охранник, казалось, был где-то далеко отсюда, глаза пустые, отсутствующие.

— Через пару минут, говорите? — Парень согласно кивнул: — Ладно. В этом бедламе никто все равно не заметит. Только через пару минут мотайте отсюда, о'кей?

— Без вопросов, — сказал Чак.

— Да, и вот что. — Парень, подойдя к двери, выдавил из себя улыбку. — Постарайтесь за эти пару минут не отправиться на тот свет. О'кей?

Они миновали дверь и вошли в длинный коридор, по обе стороны которого тянулись камеры, погруженные в темноту. Стены и пол из гранита, арочные своды высотой почти пять метров и шириной три метра. Единственный свет проникал через высокие окна, с потолка капала вода, на полу образовались лужи.

— Наш главный генератор отказал около четырех утра. Замки в камерах электронные, наша недавняя инновация. Классная идея, да? Так что в четыре двери всех камер автоматически открылись. К счастью, они еще закрываются вручную, поэтому мы загнали большинство пациентов обратно и заперли. Но у одного стервеца есть ключ, и время от времени он открывает какую-нибудь камеру, прежде чем снова улетучиться.

— Бритоголовый? — спросил Тедди.

Бейкер бросил на него быстрый взгляд:

— Он самый. Один из сбежавших. Видимо, у него ключ. Фамилия Личфилд.

— Он играл в пятнашки внизу на лестнице, когда мы поднимались.

Бейкер подвел их к третьей камере справа и открыл дверь.

— Бросайте его сюда.

Им потребовалось несколько минут, чтобы найти в темноте койку, а потом Бейкер включил фонарик, и они уложили Вингиса. Тот застонал. В ноздрях пузырилась кровь.

— Мне понадобится подмога, чтобы повязать этого Личфилда, — сказал Бейкер. — В подвале сидят ребята, которых даже во время кормежки стерегут шесть человек. Если они окажутся на свободе, это будет второй Лос-Аламос.^[14]

— Сначала озабочьтесь врачебной помощью, — сказал Чак.

Бейкер отыскал чистый уголок носового платка и прижал его к пораненной щеке.

— Нет времени.

— Для него.

Бейкер поглядел на них через решетку.

— Ладно. Поищу доктора. А вам... две минуты на все про все, договорились?

— Договорились, — сказал Чак. Они вышли из камеры. — Ему нужен врач.

Бейкер запер камеру.

— Уже иду.

Он побежал трусцой по коридору, по дороге обгоняя троих охранников, волочивших в клетку бородатого верзилу.

— Что скажешь? — спросил Тедди. У дальнего окна просматривался силуэт мужчины, вцепившегося в решетку, и охранники, тащившие брандспойт. Глаза Тедди постепенно привыкали к свинцовому освещению в коридоре, только камеры по-прежнему оставались в кромешной тьме.

— Где-то здесь должны храниться личные дела, — сказал Чак. — Все-таки лечебный корпус. Ты ищи Лэддиса, а я поищу дела, идет?

— И где ты собираешься их искать?

Чак оглянулся на дверь.

— Судя по звукам, чем выше, тем безопаснее. Значит, администрация должна быть на верхнем этаже.

— О'кей. Где и когда встречаемся?

— Через пятнадцать минут?

Мощная струя из брандспойта сбила мужчину с решетки, и охранники поволокли его прочь.

В камерах кто-то зааплодировал, а кто-то застонал так, будто истекал кровью на поле боя.

— Пятнадцать минут, отлично. В большом зале?

— Договорились.

Они обменялись рукопожатиями. Ладонь Чака была влажная, как и верхняя губа.

— Смотри в оба, Тедди.

В дверь за их спиной ворвался пациент и через секунду промчался мимо. Его босые грязные ступни мелькали в воздухе синхронно с локтями, а бежал он так, словно ему был обещан приз.

— Постараюсь, — сказал Тедди с улыбкой.

— Ладно тогда.

— Ладно.

Чак повернул в обратную сторону. В дверях он обернулся. Тедди ободряюще кивнул.

Не успел Чак открыть дверь, как мимо него прошли двое санитаров. Он же свернул на лестницу и скрылся из виду. Один из санитаров обратился к Тедди:

— Тут Большая Белая Надежда^[15] не пробегал?

Тедди повернул голову и увидел вдали пациента, пританцовывающего на месте и изображающего бой с тенью. Показал на него пальцем, и они втроем побежали.

— Он был боксером? — поинтересовался на ходу Тедди.

Высокий негр в летах, бежавший слева, ответил:

— Ты, что ль, с пляжа? Из корпусов для отдыхающих? Ну да. Вообще-то наш Вилли тренируется перед боем с Джо Луисом в Мэдисон-сквер-гарденс. Между нами, он совсем не плох.

Между тем они приближались к парню, который изо всех сил молотил по воздуху.

— Боюсь, нас троих не хватит, — засомневался Тедди.

Второй санитар в ответ хохотнул:

— Одного хватит. Я ведь его менеджер, ты разве не в курсе? — Он закричал парню: — Эй, Вилли. Тебе надо на массаж, дружище. До боя остался час.

— Не нужен мне твой массаж. — Парень провел серию быстрых джебов.

— Да, плакал мой талон на обед, — вздохнул санитар. — Слыши?

— Один раз плакал, когда я дрался с Джерси Джо.

— А чем кончился тот бой, забыл?

Вилли вдруг опустил руки:

— Твоя правда.

— Тренировочный зал вот здесь. — Санитар показал налево.

— Только ты ко мне не прикасайся. Не люблю, когда перед боем ко мне прикасаются, сам знаешь.

— Еще бы мне не знать, убивец. — Он открыл дверь камеры. — Давай заходи.

Вилли приблизился.

— Слышишь? Толпа-то как ревет.

— Все на ногах, парень. Все на ногах.

Когда они продолжили путь, «менеджер» протянул черную руку Тедди.

— Я Эл.

Тедди ее пожал.

— Тедди. Рад познакомиться, Эл.

— Зачем вас, ребята, сюда прислали?

Тедди бросил взгляд на свой дождевик.

— На расчистку крыши. Но как увидел на лестнице пациента, так сразу погнался за ним. Лишняя пара рук, решил, вам тут не помешает.

К ногам Тедди упала горсть испражнений, из темноты камеры раздался радостный хохот, но Тедди, глядя вперед, не сбавил шага.

— Старайся держаться посередке. И все равно какая-нибудь дрянь в тебя попадет. Ты видел, кто в тебя кинул?

— Нет, я...

— Бля!

— Что?

— Я вот своего вижу.

Тут и Тедди увидел идущего прямо на них типа, мокрого как мышь, а за ним, бросив брандспойт, бежали охранники. Это был щуплый рыжий паренек с красными глазами в тон шевелюре и лицом в угрях, словно обсаженным мухами. В последний момент он рванул вправо, чтобы нырнуть в черный проем, который они проглядели, и руки Эла сграбастали пустой воздух над его темечком, а дальше паренек сделал перекат, снова вскочил на ноги и побежал.

Эл рванул за ним, а тут и охранники пронеслись мимо с дубинками наготове, такие же мокрые, как преследуемый.

Тедди, как бы подчиняясь инстинкту, кинулся было за ними, но тут до него донесся шепот:

— Лэддис.

Он остановился как вкопанный, ожидая повторения. Ничего. Только коллективные стоны, на мгновение прерванные погоней за рыжим, возобновились с новой силой вперемежку с периодическим лязгом подкладного судна.

Тедди опять вспомнились желтые пилюли. Если Коули *действительно* заподозрил, что они с Чаком...

— Лэд. Дис.

Он развернулся — справа перед ним были три камеры. Все темные. Тедди ждал, понимая, что говорящий видит его, спрашивая себя, уж не Лэддис ли это собственной персоной.

— Ты обещал меня спасти.

Голос звучал либо из камеры в середине, либо из той, что слева. Явно не голос Лэддиса. Но тем не менее знакомый.

Тедди подошел к решетке в середине. Порывшись в карманах, достал спички. Чиркнул одной, и высветились маленькая раковина и койка, на которой стоял на коленях мужчина с ввалившимися ребрами и что-то писал на стене. Он взглянул через плечо на Тедди. Не Лэддис. Незнакомый человек.

— Вы не соблаговолите... Я предпочитаю работать в темноте. Премного благодарен.

Тедди отошел от решетки, успев заметить, что вся стена центральной камеры была испещрена письменами, ни одного свободного места, тысячи ужатых четких строк, состоящих из таких мелких буквочек, что их прочесть можно было разве что вплотную приблизив к ним глаза.

Он перешел к соседней камере, тут спичка как раз погасла, а из темноты, теперь совсем близко, прозвучал все тот же голос:

— Ты меня кинул.

Тедди дрожащей рукой чиркнул новой спичкой, но она сломалась пополам.

— Сказал, что вытащишь меня отсюда. Ты обещал.

Очередная спичка, не загоревшись, улетела в камеру.

— И солгал.

Четвертая спичка с шипением вспыхнула ярким пламенем, он поднял ее повыше и заглянул внутрь. В левом углу на койке сидел мужчина, опустив голову между колен и обхватив руками ляжки. Проплешину в середине обрамляли седые волосы. Сквозь кожу просвечивали кости. Он был в одних белых трусах.

Тедди облизнул сухие губы и позвал:

— Эй!

— Они меня вернули. Они говорят, что я их клиент.

— Я не вижу вашего лица.

— Они говорят, что теперь я дома.

— Вы не могли бы поднять голову?

— Они говорят, что это мой дом. Что мне отсюда уже не выйти.

— Я хочу увидеть ваше лицо.

— Зачем?

— Позвольте мне увидеть ваше лицо.

— Что, не узнал мой голос? После всех наших разговоров?

— Поднимите голову.

— Мне казалось, наши отношения выходят за рамки чисто профессиональных. Что мы стали друзьями. Спичка, кстати, сейчас погаснет.

Тедди взирал на голое темя, на подрагивающие конечности.

— Говорю вам, дружище...

— Что ты мне говоришь? Что ты можешь мне сказать? Очередную ложь.

— Я вас не...

— Ты лжец.

— Неправда. Поднимите...

Когда пламя обожгло кончик указательного пальца и внутреннюю поверхность большого, он выронил спичку.

Камера погрузилась во мрак. Он лишь слышал скрип кроватных пружин, корябанье грифеля о стену да хруст косточек.

И снова он услышал имя:

— Лэддис.

На этот раз голос донесся из правого угла камеры.

— Только не надо мне о правде.

Он выдернул сразу две спички и соединил их вместе.

— Она тут ни при чем.

Он чиркнул спичками. Койка была пуста. Он перенес пламя правее. Мужчина стоял в углу, спиной к нему.

— Согласен?

— Вы о чем? — спросил Тедди.

— Насчет правды.

— Не согласен.

— А я говорю, она тут ни при чем.

— В правде все дело. Мы должны установить...

— Все дело в тебе, Лэддис. С самого начала. А я тут с боку припека. Одно звено в цепочке.

Мужчина развернулся. И пошел на него. Лица у него не было. Опухшее месиво пурпурно-черно-вишневых тонов. Сломанный нос заклеен крест-накрест белым пластырем.

— Господи, — вырвалось у Тедди.

— Нравится?

— Кто это сделал?

— Ты.

— Каким образом я мог...

Джордж Нойс подошел вплотную к решетке. Его распухшие губы, напоминавшие велосипедные шины, были черны от швов.

— Трепач. Наобещал с три короба, а я снова здесь. Все из-за тебя.

Тедди вспомнил их последний разговор в тюрьме, в комнате для свиданий. Даже несмотря на землистый цвет лица, это был здоровый, жизнерадостный человек, оптимистично глядящий в будущее. Он даже рассказал анекдот, что-то про итальянца и немца в баре Эль-Пасо.

— Смотри на меня, — сказал Джордж Нойс. — Не отводи глаза. Ты ведь не собирался выводить их на чистую воду.

— Джордж, — он старался отвечать тихим ровным голосом, — это неправда.

— Правда.

— Нет. Чем, по-вашему, я занимался последний год жизни? Планированием этого визита. И вот я здесь.

— Пошел ты!

Его крик обжег Тедди как пощечина.

— Пошел ты! — еще раз выкрикнул он. — Последний год жизни ты занимался планированием? Ага. Планированием убийства Лэддиса. Вот вся твоя игра. Убить Лэддиса. И чем она обернулась *для меня*? Вот этим. Я снова оказался здесь. А я больше не могу. Эта пыточная не для меня. Ты слышишь? С меня довольно, довольно, довольно.

— Джордж, послушайте. Как они вас сюда вернули? Надо оформить перевод. Провести психиатрические консультации. Затребовать личное дело. Джордж, вся эта бумажная волокита...

В ответ раздался смех. Джордж просунул лицо между железными прутьями и заиграл бровями.

— Раскрыть тебе маленькую тайну?

Тедди шагнул ближе.

— Так-то оно лучше.

— Говорите, — сказал Тедди. И тут же получил плевок в лицо.

Он отступил на пару шагов, уронив при этом спички, и вытер лоб рукавом.

Из темноты раздался голос:

— Знаешь, на чем специализируется Коули?

Тедди провел ладонью по лбу и переносице. Сухо.

— Душевные травмы, вызванные горем, — ответил он. —

Самоедство, связанное с чувством вины.

— Неееет. — Это слово вырвалось у Джорджа с сухим смешком. — Насилие. Конкретно — мужское. Он проводит специальное исследование.

— Это Нэлинг.

— Коули. Этим занимается Коули. К нему привозят буйных и маньяков со всей страны. Почему, по-твоему, здесь так мало пациентов? Ты считаешь, что кто-то будет вникать в обстоятельства перевода пациента, склонного к насилию и имеющего психические проблемы? Ты действительно так считаешь?

Тедди снова чиркнул двумя спичками.

— Я отсюда уже никогда не выйду, — сказал Нойс. — Один раз удалось. Второй не получится.

— Успокойтесь, успокойтесь. Как они вас нашли?

— Они знали. Неужели непонятно? Все, что у тебя на уме. Весь твой план. Это их игра. Отлично разыгранная пьеса. Все это, — его рука описала широкий круг, — придумано для тебя.

Тедди улыбнулся.

— И ураган они тоже устроили для меня? Отличный трюк.

Нойс молчал.

— Объясните, раз вы все знаете.

— Не могу.

— Естественно. Так что давайте без паранойи, о'кей?

— Ты часто оставался здесь один? — спросил Нойс, разглядывая его сквозь решетку.

— Что?

— Один. Как часто ты оставался здесь один с тех пор, как все началось?

— Постоянно.

У Джорджа бровь полезла вверх.

— Сейчас ты один?

— С партнером.

— И кто он, твой партнер?

Тедди ткнул пальцем в сторону верхнего этажа.

— Его зовут Чак, он...

— Попробую угадать, — перебил его Нойс. — Ты с ним прежде никогда не работал.

Тедди вдруг почувствовал, как на него давит этот каземат. Холод пробрал его до костей. На короткое время он потерял дар речи, как будто мозг перестал подавать сигналы языку. Наконец он вымолвил:

— Он федеральный пристав из Сиэтла...

— *Ты с ним прежде никогда не работал, так?*

— Это несущественно, — сказал Тедди. — Я знаю людей. Я знаю этого человека. Я ему доверяю.

— И на чем основано твое доверие?

На этот вопрос не было простого ответа. Как объяснить природу веры? Вот она есть, и вот ее уже нет. Во время войны были люди, которым на поле боя он бы доверил свою жизнь, а в миру не доверил бы им свой кошелек. А были люди, которым бы он доверил свой кошелек и даже свою жену, но не доверил бы им в бою прикрывать свою спину, не рискнул бы пойти с ними на задание.

Чак мог отказаться его сопровождать, мог отоспаться в мужском общежитии, пока все разбирали завалы после шторма, спокойно дожидаясь известия о приходе парома. Их миссия закончена, Рейчел Соландо нашлась. У Чака не было никакого резона, никакого интереса помогать ему в поисках Лэддиса или в его желании доказать, что в «Эшклифе» клятву Гиппократа превратили в посмешище. И тем не менее он здесь.

— Я ему доверяю, — повторил Тедди. — Не знаю, как еще сказать.

Нойс печально поглядел на него через решетку.

— Считай, что они уже победили.

Тедди помахал в воздухе догорающими спичками и бросил их на пол. Открыв коробку, он обнаружил там последнюю спичку. Нойс, по-прежнему стоявший у решетки, шумно принюхивался.

— Пожалуйста, — шептал он сквозь слезы. — Пожалуйста.

— Что?

— Не дай мне здесь загнуться.

— Не дам.

— Они уведут меня на маяк, ты же знаешь.

— На маяк?

— И вырежут мозг.

Вспыхнула спичка, и Тедди увидел, что Нойс вцепился в железные прутья и по его распухшему лицу текут слезы.

— Они не...

— Сходи туда. Погляди. И если вернешься живой, расскажешь, чем они там занимаются. Пойди удостоверься.

— Я схожу, Джордж. Обязательно. И я вытащу вас отсюда.

Нойс опустил голову и плакал, прижавшись к прутьям голым темечком, а Тедди вспомнил, как во время их последнего свидания в тюрьме он сказал: «Если меня вернут в это место, я наложу на себя руки», на что Тедди ему ответил: «Этого не будет».

Самая настоящая ложь.

Ибо Нойс, вот он. Избитый, сломанный, дрожащий от страха.

— Джордж, посмотрите на меня.

Нойс поднял голову.

— Я вытащу вас отсюда. Держитесь. Не делайте ничего непоправимого. Слышите меня? Держитесь. Я вернусь за вами.

Джордж Нойс улыбнулся сквозь слезы и медленно-медленно покачал головой:

— Ты не можешь одновременно убить Лэддиса и открыть всю правду. Придется делать выбор. Ты это понимаешь?

— Где он?

— Скажи, что ты это понимаешь.

— Я понимаю. Где он?

— Ты должен сделать выбор.

— Я не буду никого убивать, Джордж.

Глядя через решетку на Нойса, он сам поверил в сказанное. Если такова плата за то, чтобы этот доходяга, жертва страшной системы, вернулся домой, он отложит свою вендетту. Не откажется от нее, а перенесет на потом. В надежде, что Долорес его поймет.

— Я не буду никого убивать, — повторил он.

— Лгуншка.

— Нет.

— Она умерла. Отпусти ее.

Он прижался к решетке заплаканным улыбающимся лицом, держа Тедди под прицелом своих запухших глаз.

Тедди почувствовал комок в горле. Вот она сидит в июльской дымке, освещенная тусклым оранжевым светом фонарей, как это бывает летом после городского заката, и смотрит, как он паркуется у дома, и дети, на пару секунд прервавшие уличный бейсбол, возобновляют игру, а над ее головой выстиранное белье полощется на ветру, она смотрит, положив подбородок на запястье и отведя зажженную сигарету к уху, как он идет к ней, в кои-то веки с цветами, и сразу видно, что она его единственная любовь, его девушка, она смотрит, словно пытаясь запомнить его походочку, и эти цветы, и саму эту минуту, а ему хочется ее спросить, с каким звуком сердце разбивается от счастья, когда один вид любимого человека заполняет все твое существо, как не заполнит ни пища, ни кровь, ни воздух, когда тебе кажется, что ты был рожден для короткого мига и что вот он наступил, бог знает почему.

Отпусти ее, сказал Нойс.

— Я не могу. — Слова вышли какими-то ломкими, неестественно звучащими, а за ними, где-то в середине грудной клетки, уже готов был вырваться крик отчаяния.

Нойс, не выпуская из рук железных прутьев, максимально отклонился назад, а голову вывернул так, что ухо оказалось на плече.

— Значит, ты никогда не покинешь этот остров.

Тедди промолчал.

Нойс зевнул, как будто то, что он собирался ему сказать, навевало на него сон.

— Его перевели из корпуса С. Если в корпусе А его нет, то остается только одно место.

Он ждал, когда до Тедди дойдет смысл сказанного.

— Маяк?

Нойс кивнул, и в этот миг погасла последняя спичка.

Целую минуту Тедди стоял, вглядываясь во тьму, а затем услышал скрип пружин, это Нойс снова улегся на койку.

Он повернулся, собираясь уйти.

— Эй!

Он застыл, стоя спиной к камере.

— С Богом.

На обратном пути он увидел, что его поджидает Эл. Тот стоял посередине гранитного коридора, встречая Тедди оценивающим взглядом.

— Поймали парня? — спросил Тедди.

Эл пошел с ним рядом.

— А то. Скользкий как угорь сукин сын. Но здесь далеко не убежище.

Они шли по проходу, ближе к центру, а у Тедди в голове все крутились слова Нойса. «Как часто ты оставался здесь один?» Интересно, давно ли Эл наблюдает за ним. Тедди, мысленно прокручивая эти три дня на острове, пытался вспомнить хотя бы один момент, когда он действительно был в полном одиночестве. Даже когда он принимал душ, кто-то находился в соседней кабинке или поджидал у выхода.

С другой стороны, он с Чаком не раз оказывался на этом острове в одиночестве...

Он с Чаком.

Что, собственно, он знал про Чака? Он вспомнил, как тот, стоя на пароме, глядел на океан...

Отличный парень, сразу вызывающий симпатию, из тех, с кем хочешь находиться рядом. Из Сиэтла. Недавно переведен на новое место. Картежник-ас. Ненавидит своего отца — единственный диссонанс. Нет, было еще что-то, засевшее в мозгу, откуда Тедди пытался это «что-то» выудить... Ну-ка?

Неуклюжий? Гм. Впрочем, в Чаке нет ничего неуклюжего. Живчик от природы. Проворен, как гусиные какашки. Излюбленное выражение отца Тедди. Где ты в нем заметил неуклюжесть? И все же. Разве не было момента, когда это проявилось? Был. В этом у Тедди не было сомнений. Вот только подробности не мог вспомнить. В данную минуту. В этом месте.

Хотя, по большому счету, какое это имеет значение? Он ему доверяет. Чак залез в стол Коули.

А ты это видел?

В эти минуты Чак, рискуя своей карьерой, ищет личное дело Лэддиса.

Откуда ты знаешь?

Когда они достигли двери, Эл сказал:

— Поднимешься по лестнице и попадешь на крышу.
— Спасибо.

Тедди помедлил, чтобы проверить, не останется ли Эл караулить у дверей.

Но тот развернулся и двинулся обратно по коридору, что укрепило Тедди в его прежних мыслях. Никто за ним не шпионит. В глазах Эла он — всего лишь санитар. А у Нойса паранойя. Его можно понять — поставь себя на его место, — и тем не менее.

Проводив Эла глазами, Тедди повернул ручку двери — на лестничной площадке его никто не поджидал, ни санитары, ни охранники. Он был один. Совершенно один. Дверь за ним сама закрылась, он начал спускаться и на повороте, где они минут пятнадцать назад столкнулись с Бейкером и Вингисом, увидел Чака. Сжав сигарету между пальцев, он сделал несколько быстрых затяжек и, мельком глянув на приближающегося напарника, вдруг развернулся и чуть не побежал вниз.

— Мы ведь условились встретиться в зале, — заговорил с ним сверху Тедди.

— Они здесь, — сказал Чак, когда Тедди его нагнал. Они вступили в просторный зал.

— Кто?

— Смотритель и Коули. Не сбавляй хода. Нам надо поскорее убраться отсюда.

— Они тебя заметили?

— Не знаю. Я вышел из регистратуры двумя этажами выше и увидел их в дальнем конце зала. Коули обернулся, и я тут же вышел на лестницу.

— Так, может, они не обратили на тебя внимания.

Чак практически перешел на бег.

— На санитара в дождевике и ковбойской шляпе, выходящего из регистратуры на административном этаже? Да, нам, конечно, не о чем беспокоиться.

У них над головами несколько раз вспыхнул свет с таким треском, словно перемалывались кости. Донесшиеся издалека электрические разряды сопроводил взрыв воплей, свиста и завываний. Казалось, здание оторвалось от земли и затем опустилось на прежнее место. Звуки сирены пронеслись по каменным катакомбам.

— Восстановилась подача электроэнергии. Как вовремя, — сказал Чак, выходя на лестничную клетку.

Они спускались по лестнице, когда навстречу им протопотали четверо охранников, и им пришлось прижаться к стене, чтобы пропустить их.

За карточным столом сидел все тот же тип, разговаривая по телефону. Он поднял на них слегка остекленевшие глаза, но потом взгляд прояснился.

— Секундочку, — сказал он в трубку и обратился к ним, как раз сошедшим с последней ступеньки. — Эй, вы двое, подождите-ка.

В вестибюле образовалась толпа — санитары, охранники, двое облепленных грязью пациентов в наручниках, — и приставы поспешили с ней смеяться, по дороге обойдя парня; тот вскочил из-за столика с кружкой кофе, и этой кружкой широким жестом чуть не заехал Чаку в грудь.

А первый охранник уже кричал:

— Эй! Вы двое! Эй!

Они не сбавили шаг, а люди уже оборачивались на крик, пытаясь понять, к кому взвывает охранник.

Через пару секунд эти люди обнаружат объекты повышенного интереса.

— Я сказал — подождите!

Тедди толкнул дверь на уровне груди.

Она не подалась.

— Эй!

Он схватился за круглую медную ручку, этакий ананас вроде того, что был в доме Коули. Ручка оказалась мокрая от дождя.

— Мне надо с вами поговорить!

Ручка повернулась, Тедди распахнул дверь. Навстречу по ступенькам поднимались двое охранников. Тедди придержал дверь, давая выйти Чаку и пропуская охранника, который кивнул в знак

благодарности. Когда оба вошли внутрь, Тедди отпустил дверь, и они с Чаком сбежали с крыльца.

Он увидел слева группу одинаково одетых мужчин: кто-то курил, кто-то пил кофе под дождиком, прислонившись к стене, народ перебрасывался шутками. Они с Чаком двинули в эту сторону, не оглядываясь назад, ожидая в любую секунду, что дверь, из которой они вышли, снова откроется и им в спину полетят новые окрики.

— Ну что, нашел Лэддиса? — спросил его Чак.

— Нет. Зато нашел Нойса.

— Что?

— Ты слышал.

Поравнявшись с группой, они приветственно кивнули, в ответ одни улыбнулись, другие помахали рукой, а один парень дал Тедди прикурить. Они шли вдоль стены, которая, казалось, тянется на четверть мили, шли, невзирая на крики, которые, вполне возможно, относились к ним, шли, поглядывая на дула винтовок, смотрящих с бастионов вниз.

Когда стена закончилась, они повернули налево, в заболоченное зеленое поле, и увидели, что поваленные ветром секции успели заменить новыми, рабочие заливали опоры жидким цементом, само же ограждение тянулось в оба конца, отрезая им путь, и было ясно, что так просто им отсюда не выйти.

Тогда они повернули назад, через открытое пространство. Это наш единственный шанс, решил Тедди. Лучше уж мимо охранников. Любое другое направление, и мы привлечем к себе слишком большое внимание.

— Думаешь, прорвемся, босс?

— Только вперед.

Тедди снял намокшую шляпу, и Чак последовал его примеру. За шляпами последовали плащи, которые они перекинули через руку. Теперь они подставили себя под редкий дождь. Их поджидал знакомый охранник.

— Не останавливаемся, — сказал Тедди напарнику.

— Ладно.

Тедди попробовал прочесть по лицу намерения охранника. Оно ничего не выражало и казалось безучастным, то ли от скуки, то ли парень просто настраивался на стычку.

Тедди помахал ему рукой.

— Есть грузовики, — сказал охранник.

Тедди на ходу повернул голову и переспросил:

— Грузовики?

— Чтобы отвезти вас, ребята, назад. Придется подождать. Один уехал минут пять назад, но скоро вернется.

— Ну и ладно. Разомнем пока ноги.

На мгновение в глазах охранника что-то промелькнуло. Или у Тедди разыгралось воображение, или парень унюхал запашок дерьма.

— Будь здоров, — сказал ему Тедди, держа курс на рощицу и ощущая спиной, что охранник смотрит им вслед и весь форт вместе с ним. Быть может, Коули и смотритель стояли сейчас на крыльце или на крыше. И смотрели им вслед.

Они достигли рощицы, никто не закричал, никто не сделал предупредительного выстрела, и они благополучно скрылись между толстых стволов с обтерханной листвой.

— Слава тебе господи, — несколько раз пробормотал Чак.

Тедди уселся на валун, только сейчас осознав, что он весь мокрый от пота. Сердце учащенно бьется, в глазах резь, плечи и шея покалывают, и все это от переполняющих его эмоций.

Они спаслись.

Тут их взгляды встретились, и через секунду они уже дружно смеялись.

— Когда я увидел, что ограждение восстановлено, я подумал: «Ну все, песец», — сказал Чак.

Тедди разлегся на камне, ощущая себя свободным как в детстве. Он смотрел на небо, проглядывающее сквозь пелену облаков. Он вдыхал запахи мокрых листьев и мокрой земли и мокрой коры. Он слышал слабый шорох уходящего дождя. Хотелось закрыть глаза и очнуться по ту сторону гавани, в Бостоне, в собственной постели.

Он чуть не задремал, и это лишний раз напомнило ему об усталости, и тогда он сел, выудил сигарету из кармана рубашки и прикурил у Чака. Потом еще придвинулся и сказал:

— Будем исходить из того, что они узнают о том, что мы были в форте. Если уже не знают.

Чак кивнул.

— Бейкер наверняка расколется.

— И этот охранник у лестницы. По-моему, ему поручили следить за нами.

— Или он просто хотел, чтобы мы расписались в журнале прихода и ухода.

— В любом случае нас запомнили.

На бостонском маяке завыла сирена; все детство Тедди в Халле прошло под этиочные протяжные звуки. Ничего более тоскливого он не знал. При этих звуках хотелось обнять все, что угодно, — человека, подушку, себя.

— Нойс, — напомнил Чак.

— Да.

— Он действительно здесь?

— Собственной персоной.

— Господи, но каким образом, Тедди?

И Тедди рассказал ему о Нойсе, о полученных им побоях, о его враждебности, страхах, дрожащих конечностях, слезах. Он рассказал Чаку все, кроме намеков Нойса на самого Чака. Последний слушал его, время от времени кивая и глядя на Тедди так, как подростки глядят на вожатого в бойскаутском лагере, когда в сумерках все сидят вокруг костра и слушают байки про привидения.

А чем *их* история, в сущности, отличается от этих баек? — подумал Тедди.

Когда он закончил, Чак спросил:

— Ты ему веришь?

— Я верю, что это он. На все сто.

— Может, у него психологический срыв. Без дураков. Сам говорил, в прошлом с ним такое уже бывало. Тогда все законно. В тюрьме он срываются, и начальство говорит: «Слушайте, когда-то он был пациентом „Эшклифа“. А давайте пошлем его обратно».

— В принципе возможно, — сказал Тедди. — Но когда я его видел в последний раз, он производил впечатление абсолютно нормального человека.

— Когда это было?

— Месяц назад.

— За месяц может многое измениться.

— Это правда.

— А как насчет маяка? — спросил Чак. — Ты веришь, что там сидят сумасшедшие ученые, которые, пока мы с тобой беседуем, вставляют электроды в мозг этого Лэддиса?

— Я сомневаюсь, что они там перерабатывают отходы.

— Я тоже. Но все это, согласись, попахивает гран гиньолем.^[16]

Тедди нахмурился:

— Это что еще за хрень?

— Ужастиками, — сказал Чак. — Сказочными страшилками.

— Я знаю, что такое страшилки и ужастики. Я спросил про *гран гиньоль*.

— Это французское выражение. Прости.

Глядя на то, как Чак пытается спрятать за улыбкой свое смущение или просто подумывает о том, чтобы сменить тему, Тедди сказал:

— Вы там в своем Портленде, я вижу, напирали на французский?

— В Сиэтле.

— Ах да. — Тедди приложил руку к сердцу. — Прости.

— Просто я люблю театр, — сказал Чак. — Это театральный термин.

— Я знал одного парня из нашей конторы в Сиэтле.

— Серьезно? — Чак в рассеянности похлопал себя по карманам.

— Да. Ты, наверно, тоже его знал.

— Возможно. Показать тебе, что я нашел в досье Лэддиса?

— Его звали Джо. Джо... — Тедди пощелкал пальцами и вопросительно посмотрел на товарища. — Помоги мне. На языке вертится. Джо, э-э...

— Имя распространенное. — Чак добрался до заднего кармана.

— Контора-то маленькая.

— Вот.

Чак вытащил из заднего кармана пустую руку. Тедди заметил, что сложенный листок остался торчать из кармана.

— Джо Фэйрфилд, — сказал он, отмечая про себя неуклюжесть напарника. — Ты его знаешь?

Чак снова сунул руку назад:

— Нет.

— Он точно перевелся в Сиэтл.

Чак пожал плечами:

— Это имя мне ничего не говорит.

— Или в Портленд? Все время их путаю.

— Я заметил.

Пока он доставал свой листок, Тедди вдруг вспомнил, как в день их приезда на остров Чак не сразу вручил свой пистолет охраннику, а долго возился с застежкой на кобуре. Совсем нехарактерно для судебного пристава. Если на то пошло, из-за такой «мелочи» можно лишиться жизни.

Между тем Чак протянул ему сложенную бумажку.

— Это учетный листок, заполненный при поступлении Лэддиса. Учетный листок и история болезни — это все, что я обнаружил в его досье. Ни отчетов о всяких инцидентах, ни записей о профилактических беседах, ни фотографий. Очень странно.

— Да, — согласился Тедди. — Странно.

Листок так и застыл в протянутой руке.

— Держи, — сказал Чак.

— Пусть остается у тебя.

— Не хочешь взглянуть?

— Потом.

Тедди неотрывно смотрел на своего напарника. Повисла пауза.

— В чем дело? — наконец спросил Чак. — Я не знаю, кто такой Джо как-его-там-по-батюшке, и поэтому ты на меня так смотришь?

— Никак я на тебя не смотрю, Чак. Я же сказал, что постоянно путаю Портленд с Сиэтлом.

— Это я понял, и...

— Пошли, — сказал Тедди.

Он встал. Чак посидел еще несколько секунд, тупо глядя на листок в руке. Посмотрел на деревья вокруг. На Тедди. На берег вдали.

Снова прозвучала сирена.

Чак встал и сунул листок в задний карман.

— О'кей, — сказал он. — Ладно. Как скажешь. Я за тобой.

Тедди взял курс через лес, на восток.

— Куда ты? — спросил Чак. — «Эшклиф» в противоположной стороне.

Тедди мельком на него поглядел.

— Я не в «Эшклиф».

На лице Чака появилась гримаса то ли раздражения, то ли испуга.

— И куда же мы тогда идем, черт подери?

Тедди молча улыбнулся.

— Маяк, — догадался его напарник.

— Где мы? — поинтересовался Чак.

— Заблудились.

Выйдя из леса, они оказались не перед ограждением вокруг маяка, а гораздо севернее. В результате шторма на месте леса образовался рукав морского залива, а из-за поваленных или накренившихся деревьев они постоянно сбивались с курса. Тедди подозревал, что они отклоняются в сторону, но, судя по последним прикидкам, они вышли чуть ли не к кладбищу.

Впрочем, маяк был хорошо виден. Его верхняя треть выглядывала из-за холма, поросшего деревьями и буро-зеленым кустарником. К поляне, на которой они стояли, примыкала вытянувшаяся длинным рукавом топь, а дальше зубчатые черные скалы образовали естественную преграду на пути к холму. Тедди сразу понял, что им остается только одно — повернуть назад в лес и поискать место, где они не туда повернули, иначе придется возвращаться в изначальную точку.

Он объяснил это напарнику, который веткой стряхивал с брюк налипшие колючки.

— А можем сделать крюк, зайти с восточной стороны, — сказал Чак. — Помнишь, как мы с Макферсоном, вчера ночью? По проселочной дороге? По-моему, за этим холмом кладбище. Ну так что, делаем крюк?

— Всё лучше, чем через лес продираться.

— Тебе не понравилось? — Чак провел ладонью сзади по шее. — А я обожаю москитов. Кажется, у меня на лице еще осталась пара местечек, куда они не добрались.

Это был их первый разговор за целый час. У Тедди было ощущение, что им обоим хочется снять возникшее между ними напряжение. Но момент был упущен. Он надолго замолчал, и Чак пошел вдоль поляны, взяв курс на северо-запад, что неизбежно должно было вывести их к побережью.

Тедди глядел Чаку в спину, пока они шли и карабкались и снова шли. Мой партнер, сказал он Нойсу. Я ему доверяю, сказал он. Но

почему? Потому что иначе нельзя. Потому что никто не пойдет на такое дело в одиночку.

Если вдруг он канет в неизвестность, если не вернется на материки, то неплохо иметь такого друга, как сенатор Херли. Это уж точно. Его запросы не останутся незамеченными. Их услышат. Другой вопрос, насколько громким окажется голос малоизвестного демократа из маленького североамериканского штата в нынешней политической обстановке?

Департамент судебных приставов своих в беде не бросает. Они наверняка пошлют людей. Но тут уже вопрос времени. Успеют ли они в «Эшклиф» до того, как здешние эскулапы окончательно разберутся с его мозгами, сделав из него второго Нойса. Или, того хуже, еще одного придурука, играющего в пятнашки.

Хотелось бы верить, потому что чем дольше он смотрел в спину Чаку, тем отчетливее понимал, что он один. Совершенно один.

— Опять скалы, — объявил Чак. — Ну дела, босс.

Они стояли на узком мысу, справа под ними плескалось море, а слева виднелась поляна, поросшая низкой растительностью, площадью около акра. Ветер усилился, небо сделалось красновато-бурым, в воздухе ощущался привкус соли.

На поляне просматривались каменные кучки. Три ряда, по три камня в каждом. Сама поляна была со всех сторон зажата скалами.

— Оставим их без внимания? — задал риторический вопрос Тедди.

Чак протестующе поднял руку.

— Через пару часов сядет солнце, а мы еще не добрались до маяка, прошу заметить. И даже до кладбища. К тому же большой вопрос, можно ли вообще отсюда спуститься. И ты готов рискнуть головой, чтобы взглянуть на кучки камней?

— А если это шифр...

— Ну и что? Мы уже знаем, что Лэддис здесь. Ты разговаривал с Нойсом. Нам надо только вернуться домой с этой информацией, со всеми доказательствами. И твоя задача выполнена.

Он был прав. Тедди это понимал.

Прав, если они сообщники.

А если нет, и если это шифр, и Чак не хочет, чтобы Тедди его разгадал...

— Десять минут вниз, десять наверх, — сказал он вслух.

Чак устало уселся на черную каменную плиту, достал из пиджака сигарету.

— Ладно. Только на этот раз я посижу здесь.

— Как скажешь.

Чак закурил, сложив ладони домиком.

— Значит, договорились.

Тедди наблюдал, как дымок, просачиваясь между пальцами, относится ветром к морю.

— Увидимся, — сказал он.

Сидя к нему спиной, Чак бросил ему вслед:

— Постарайся не сломать себе шею.

Тедди уложился в семь минут, на три меньше обещанного, поскольку земля и песок были мокрые и он несколько раз прокатился. Он пожалел о том, что утром ограничился одним кофе. Сейчас его пустой желудок урчал от голода, а нехватка сахара в крови в сочетании с недосыпом привели к легким завихрениям в голове и мельтешению в глазах.

Он пересчитал камни в каждой кучке, а цифры переписал в блокнот, поставив рядом в скобках соответствующие буквы алфавита. Получилось:

13(M)-21(U)-25(Y)-18(R)-1(A)-5(E)-8(H)-15(0)-9(I)

Он закрыл блокнот, засунул его в нагрудный карман и начал взбираться по песчаному склону, на крутых подъемах цепляясь за что можно и вырывая клочьями траву, оскальзываясь и то и дело съезжая вниз. На обратный путь у него ушло двадцать пять минут, к тому времени небо стало цвета темной бронзы, и он осознал, что Чак, на чьей бы стороне тот ни находился, был прав: день быстро заканчивался, и, какой бы ни оказалась разгадка шифра, он только зря потерял время.

До маяка они сегодня, скорее всего, уже не доберутся, а если и доберутся? Если Чак работает на Коули и компанию, то идти с ним вместе на маяк — это все равно что птице лететь на оконное стекло.

Тедди видел над собой вершину холма с выступающим утесом и огромную арку бронзовеющего небосвода, а про себя думал: «Долорес, это косяк. Больше от меня ничего не зависит. Жизнь Лэдиса продолжится. Как и всего „Эшклифа“. А нам останется утешать себя мыслью, что мы запустили процесс, который в конечном счете может обрушить эту гнилую конструкцию».

Ближе к вершине он обнаружил трещину, узкую полость, образовавшуюся в результате эрозии породы. Тедди вжался спиной в песчаную стену, ухватился обеими руками за плоскую скальную плиту над головой и, подтянувшись, сначала лег грудью на утес, а затем уже закинул на него ноги.

Он лежал на боку и смотрел на море. Какая синь, какая энергетика на закате дня. Лицо обдувал бриз, морская гладь под темнеющим небом простиравась без конца и края, и он вдруг почувствовал себя песчинкой, маленьким человечком, но это его не умаляло. Скорее, как ни странно, наполняло гордостью. Он часть всего этого. Песчинка, да. Но составляющая с ним одно целое. Живая.

Лежа на уступе, одной щекой на камне, он окинул взглядом весь утес, и только сейчас до него дошло, что Чак исчез.

Его тело лежало у подножия утеса, омываемое набегающей волной.

Для начала Тедди спустил ноги с утеса и, нашарив ступнями камни, убедился в том, что они выдержат его вес. Только сейчас он выдохнул, с удивлением узнав, что задерживал дыхание, затем его локти соскользнули с ребра утеса, и он прочно утвердился на камнях, но тут один из них поехал, и правая лодыжка вместе с ним, тогда он прижался всем телом к скале, пока не восстановил равновесие.

Развернувшись, он сполз немного вниз, распластавшись, как краб, на скале, а затем начал спуск. Процедура не быстрая. Одни камни торчали из скалы, надежные, как болты корабельной кормы. Другие держались на честном слове, и невозможно было определить, где какой, пока не ступишь на него как следует.

Минут через десять на глаза ему попалась сигарета, одна из чаковских «Лакиз», наполовину выкуренная, с почерневшим кончиком, похожим на заточенный карандаш.

Что могло спровоцировать падение? Да, ветер усилился, но не настолько, чтобы сбить с ног взрослого мужчину с ровной площадки.

Тедди подумал о том, как Чак в одиночестве выкуривал свою последнюю в жизни сигарету, подумал о всех, кто был ему небезразличен и кто умер, пока он нес службу. Конечно, Долорес. Его отец, где-то на дне этого залива. Его мать, скончавшаяся, когда ему было шестнадцать лет. Тутти Вичелли. В Сицилии ему прострелили рот, и он улыбался Тедди странноватой улыбкой, как будто проглотил что-то необычное на вкус, а из уголков рта текли струйки крови. Мартин Фелан, Джейсон Хилл, этот крепыш поляк из Питтсбурга, пулеметчик — как бишь его звали? — Ярдак? Точно. Ярдак Джилибиовски. Блондинистый парень, веселивший их в Бельгии. Прострелили ногу. Вроде ничего угрожающего, вот только так и не удалось остановить кровотечение. И конечно, Фрэнки Гордон, которого он тогда оставил в клубе «Кокосовая роща». Спустя два года Тедди зажег спичку о его каску со словами «Ну что, жопа на выпасе, толстая корова из Айовы?», на что Фрэнки было отреагировал: «Ну ты

и мастер заверну...» — и наступил на мину. У Тедди же в левой икре до сих пор сидит кусок шрапнели.

И вот теперь Чак.

Узнает ли Тедди когда-нибудь, можно ли было доверять ему? Следовало ли поверить ему на слово? Чаку, который умел его рассмешить и благодаря которому головная боль, устроенная им на этом острове, была более-менее терпимой. Чаку, который всего несколько часов назад предлагал взять на ланч яйца «бенедикт» и рубен тонкой нарезки.

Тедди задрал голову, чтобы свериться с ребром утеса. Примерно половину расстояния он одолел. За это время небо сделалось темно-синим, как море, и продолжало с каждой минутой темнеть.

Так что же могло сбросить Чака с утеса?

Противоестественные обстоятельства.

Если, конечно, он что-нибудь не уронил. И не полез за этим вниз. Если он не устал, как сейчас Тедди, шаг за шагом спускаться с утеса, хватаясь за дерн и ощупывая ногой каждый камень.

Он сделал передышку, по лицу катился пот. Он осторожно высвободил левую руку и провел по лицу, а пот обтер о брючину. Потом повторил процедуру, сменив руку. Когда же он вновь ухватился за скалистый выступ, то рядом увидел сложенный листок.

Застрявший между камнем и коричневым корнем, он слегка трепетал на ветру. Тедди извлек его двумя пальцами и, даже не разворачивая, догадался, что это.

Учетный листок Лэддиса.

Он сунул его в задний карман, вспомнил, как этот листок чуть не выпал из заднего кармана Чака, и вдруг понял, почему Чак полез вниз.

За этим листком.

Для Тедди.

Последние двадцать футов состояли из валунов, огромных черных яиц в бурых водорослях. Тедди пришлось развернуться на сто восемьдесят градусов, теперь он цеплялся сзади за скальные выступы, удерживая вес основаниями ладоней, так и передвигался с валуна на валун, мимо прячущихся в расщелинах крыс.

Вот и последний валун, а с ним и береговая отмель. Он прямиком направился к бездыханному телу, только это оказалось никакое не

тело, а длинный камень, выбеленный солнцем и увитый толстыми канатами морских водорослей.

Слава... уж не знаю кому. Чак жив.

Тедди сложил ладони рупором и, задрав голову к вершине, громко позвал товарища. Он звал и звал, его крики уносились в море, метались эхом среди скал, подхватывались ветром, а он все ждал, что над верхней площадкой утеса появится голова Чака.

Может, он как раз сейчас готовится спуститься к нему вниз?

Тедди кричал, пока не осип.

Он взял паузу в ожидании ответного крика. Уже стало слишком темно, чтобы разглядеть что-либо на утесе. В ушах свистел ветер. Доносилась возня крыс среди камней. Выкрикнула чайка. Плескались волны. А через пару минут снова простонала сирена на бостонском маяке.

Когда его глаза привыкли к темноте, он увидел устремленные на него взгляды. Десятки глаз. Крысы влезли на валуны и разглядывали его без всякого страха. Ночью эта песчаная коса принадлежала им, а не ему.

Но Тедди боялся не столько крыс, сколько воды. Плевать он хотел на юрких грязных ублюдков. Их можно пострелять. Интересно, сколько из этой своры выстоит, глядя, как разносит в клочья их товарок?

Вот только у него не было с собой оружия, а число крыс успело удвоиться. Длинные хвосты подметали камни. Вода лизала подошвы, маленькие глазки так и сверлили его, и что бы он там ни говорил об отсутствии страха, по спине пробегал холодок, а легкое жжение в ступнях намекало на то, что пора отсюда сваливать.

Он медленно двинулся вдоль берега и быстро убедился, что их здесь сотни, они выползали на свет луны, как тюлени на солнце. Крысы спрыгнули на песок и оккупировали место, где он только что стоял. Он повернул голову в другую сторону, чтобы посмотреть, далеко ли тянется отмель.

Недалеко. Впереди, примерно в тридцати ярдах, в море вдавался еще один утес, который фактически обрубал береговую линию, а правее, в открытом море, виднелся остров, о котором Тедди даже не подозревал. Он прочно лежал в лунном свете таким бруском коричневого мыла, словно отвоевав себе местечко. В день приезда они

стояли с Макферсоном на этих утесах и никакого другого острова не видели. Он был готов поклясться.

Так откуда, черт побери, этот островок тут взялся?

Он слышал, как сцепились несколько крыс, но большинство просто царапало коготками камни да попискивало, и Тедди почувствовал, как зуд в щиколотках поднимается к коленям и ляжкам.

Оглянувшись, он не увидел песка — вся отмель была покрыта этими тварями.

Он поднял глаза к вершине утеса. Спасибо полной луне и бесчисленным ярким звездам. И тут взгляд отметил цвет, в котором было не больше смысла, чем в острове, выросшем на пустом месте.

Оранжевое пятно посередине большого утеса. Сумерки. Черный утес. И оранжевое пятно.

Тедди уставился на него, пятно же, померцав, потухло, потом снова ожило, потухло, ожило. Это было похоже на пульсацию.

На трепетание огня.

Там была пещера. Или глубокая расщелина. А в ней человек. Чак. Кто ж еще. Наверно, полез вниз за тем листком. Может, поранился или подвернул ногу и ушел вбок, вместо того чтобы продолжить спуск.

Тедди снял ковбойскую шляпу и направился к ближайшему валуну. Полдюжины глаз уставились на него, он махнул на них шляпой, и мерзкие твари брызнули с валуна, а он быстро встал на камень и пуганул обитателей следующего, которые тут же разбежались, и так он продвигался, с камня на камень, и крыс становилось все меньше, а на последних черных «яйцах» их и вовсе не было, и затем он начал карабкаться вверх по склону, хотя его руки, ободранные еще во время спуска, продолжали кровоточить.

Впрочем, подъем оказался легче, чем можно было ожидать. Сам склон выше и шире первого, зато есть уступы и больше растительности.

Он карабкался полтора часа под немигающими взглядами звезд, как прежде крыс, и в процессе подъема он потерял свою Долорес, уже не мог мысленно ее увидеть, рассмотреть ее лицо, или руки, или большой рот. Впервые после смерти она по-настоящему покинула его. Конечно, это результат физического истощения и голода и недосыпа, и тем не менее. Она покинула его, так что под этим лунным светом он взбирался без нее.

Но по крайней мере он слышал ее голос, звучавший в мозгу и говоривший ему: «Давай, Тедди. Давай. Живи дальше».

Неужели наступил этот момент? После двух лет блуждания под водой и посматривания на пистолет, лежащий на столике, в темноте гостиной, под пение Томми Дорси или Дюка Эллингтона, и абсолютной уверенности, что он не в силах сделать хотя бы один шаг в сторону этой сучьей жизни, и такой тоски по ней, что однажды, скрежетнув зубами, он сломал кончик резца, — неужели после всего этого действительно наступил момент, когда он позволил ей уйти?

«Ты не привиделась мне, Долорес. Я точно знаю. Но в данную минуту кажется, что привиделась».

«Давно пора, Тедди. Давно пора. Отпусти меня».

«Да?»

«Да, детка».

«Я попробую. О'кей?»

«О'кей».

Тедди уже отчетливо видел оранжевые сполохи. Он явственно, пусть еще слабо, ощущал тепловую волну. Положив руку на каменный выступ над головой, он посмотрел на оранжевые блики, пляшущие на кисти, затем подтянулся и положил локти на выступ. Стали видны отсветы на отвесных стенах. Он встал во весь рост и чуть не уперся темечком в свод пещеры, который уходил, загибаясь вправо. Тедди двинулся в эту сторону и через секунду увидел источник света — костерок из сложенных веток, лежащих в углублении в каменном полу. У костра стояла длинноволосая женщина, держа руки за спиной.

— Кто вы? — спросила она.

— Тедди Дэниелс.

Женщина была в казенной одежде пациентки больницы: светло-розовая полотняная курточка, брючки на завязках и тапочки.

— Это ваше имя. А профессия?

— Я коп.

Она склонила набок голову, и он разглядел отдельные седые волосы.

— Вы судебный пристав.

Тедди кивнул.

— Вы не могли бы вытащить руки из-за спины? — попросил он.

— Зачем?

— Хочу посмотреть, что вы там держите.

— Зачем?

— Хочу знать, что мне угрожает.

Она едва заметно улыбнулась:

— Я думаю, вы в своем праве.

— Я рад, что вы так думаете.

Она вытащила из-за спины руки, в которых обнаружился хирургический скальпель.

— Я его подержу, если вы не против.

Он поднял вверх ладони, словно сдаваясь.

— Нет возражений.

— Вы знаете, кто я?

— Пациентка «Эшклифа».

Еще один наклон головы, сопровождаемый касанием больничной одежды.

— Надо же. Интересно, что меня выдало?

— Ладно, ладно. Уели.

— Что, все федеральные приставы такие проницательные?

— Я давно ничего ел, — сказал Тедди. — Туговато соображаю.

— А спали как?

— Простите?

— С тех пор как вы на острове, как вам спится?

— Не очень, если это вам о чем-то говорит.

— Еще бы. — Она подтянула брючки и, усевшись на пол, пригласила его жестом сделать то же самое.

Тедди сел и всмотрелся в ее лицо.

— Вы Рейчел Соландо, — произнес он. — Настоящая.

Она молча повела плечами.

— Вы убили своих детей? — спросил он.

Она подтолкнула скальпелем ветку.

— У меня никогда не было детей.

— Нет?

— Нет. И замужем я не была. Зато, вы удивитесь, я была здесь больше чем пациент.

— Как можно быть больше чем пациентом?

Она подтолкнула толстую корягу, и та с хрустом осела, отчего над костром поднялся сноп искр, но они погасли, не долетев до свода

пещеры.

— Я была членом медперсонала, — сказала она. — Сразу после войны.

— Вы были медсестрой?

Она поглядела на него сквозь костер.

— Я была врачом, пристав. Первая женщина-врач в госпитале «Драммонд» в Делавэр. Первая женщина-врач в «Эшклифе». Перед вами, сэр, настоящий первопроходец.

Или бредящая душевнобольная, подумал Тедди.

Он поймал на себе ее взгляд, в котором сквозили доброта и усталость и понимание.

— Вы думаете, что я сумасшедшая, — сказала она.

— Нет.

— Что еще можно думать о женщине, прячущейся в пещере?

— Я подумал, что на это, вероятно, есть причина.

Она грустно улыбнулась и покачала головой:

— Я не сумасшедшая. Нет. Хотя разве сумасшедший скажет что-нибудь другое? Вот вам кафкианство в чистом виде. Если ты не сумасшедший, но тебя объявили таковым, то все твои протесты только укрепят их в этом мнении. Понимаете, о чем я?

— Ну, в общем...

— Представьте это в виде силлогизма. Теза: «Сумасшедшие отрицают, что они сумасшедшие». Следите за логикой?

— Да, — сказал Тедди.

— Антитеза: «Боб отрицает, что он сумасшедший». И синтез: «Следовательно, Боб сумасшедший». — Она положила скальпель на землю рядом с собой и поворошила костер палкой. — Если тебя все считают сумасшедшей, то любые твои действия, которые в других обстоятельствах сработали бы в твою пользу, в реальности укладываются в рамки действий безумца. Твои разумные протесты квалифицируются как *отрицание очевидного*. Твои обоснованные страхи рассматривают как *паранойю*. Твой инстинкт выживания награждается ярлыком *защитный механизм*. Ситуация заведомо проигрышная. По сути, это смертный приговор. Однажды сюда попав, ты остаешься здесь навсегда. Из корпуса С назад ходу нет. Никому. Нет, кто-то, конечно, вышел, не спорю, но только после хирургического вмешательства. Операции на мозге. Вжик —

скальпелем в глаз. Самое настоящее варварство, в голове не укладывается, о чем я им прямо говорила. Я с ними боролась. Я писала письма. Они могли меня просто убрать, правильно? Уволить или освободить от занимаемой должности, чтобы я, например, преподавала или даже занималась лечебной практикой в каком-нибудь другом штате, но их это не устраивало. Они не могли допустить, чтобы я уехала, исключено. Нет, нет и нет.

Во время своего монолога она все больше и больше отдавалась эмоциям, при этом тыча палкой в костер и обращаясь не столько к Тедди, сколько к собственным коленям.

— Вы правда были доктором? — спросил Тедди.

— Да, правда. — Она подняла на него взгляд. — Собственно, была и есть. Я работала здесь вместе с другими врачами. А потом я начала задавать вопросы о крупных партиях барбитурата и опиумных галлюциногенов. Стала недоумевать — к сожалению, вслух — по поводу хирургических операций, носящих экспериментальный, мягко говоря, характер.

— Чем они здесь занимаются?

Она сморщила губы и одновременно скривила рот в подобии улыбки.

— А вы не догадываетесь?

— Я знаю, что они нарушают Нюрнбергский кодекс.

— Нарушают? Они вытерли об него ноги.

— Я знаю, что здесь применяют радикальные методы лечения.

— Радикальные — да. Лечения — нет. Здесь, пристав, никого не лечат. Вам известно, кто финансирует эту больницу?

Тедди кивнул:

— КРАД.

— И всякие «левые» фонды, — добавила она. — Денежки сюда текут рекой. А теперь задайте себе вопрос: откуда в теле возникает боль?

— Зависит от того, какое место поранено.

— Нет. — Она категорически покачала головой. — Плоть тут ни при чем. Мозг посыпает сигналы через нервную систему. Мозг контролирует боль. Он контролирует страх. Сон. Сочувствие. Голод. Все, что мы ассоциируем с сердцем или душой или нервной системой, на самом деле контролируется мозгом. Абсолютно все.

— О'кей...

Ее глаза блестели в отсветах костра.

— А если установить над ним контроль?

— Над мозгом?

Она кивнула.

— Создать человека, которому не нужен сон, который не испытывает боли. Любви. Симпатии. Человека, которого бесполезно допрашивать, потому что вся информация в его мозгу стерта. — Она поворотила горящие ветки и снова подняла на него глаза. — Пристав, здесь создают роботов. Чтобы они возвращались в большой мир и выполняли работу как роботы.

— Но такими возможностями, такими научными знаниями...

— Овладеют еще нескоро, да, — согласилась она. — Этот процесс растянется на десятилетия. Они начали с того же, с чего начали Советы. Промывание мозгов. Эксперименты по созданию экстремальных условий. Так нацисты подвергали евреев испытанию предельной жарой и холодом, чтобы потом применить к солдатам рейха эти навыки выживания. Неужели, пристав, вы не понимаете? Через пятьдесят лет сведущие люди оглянутся назад и скажут: «Вот, — она ткнула пальцем в земляной пол, — вот где все это начиналось. Нацисты использовали евреев. Советы использовали узников Гулага. А здесь, в Америке, мы использовали пациентов на острове Проклятых».

Тедди ничего не сказал ей на это. Слова не приходили в голову. Она перевела взгляд на пламя.

— Они не могут вас отпустить. Вы же понимаете?

— Я федеральный пристав. Как они меня остановят?

Она встретила это заявление широкой улыбкой и аплодисментами.

— Я была видным психиатром из уважаемой семьи. Когда-то мне казалось, что это гарантирует неприкосновенность. Не хочется вас расстраивать, но — увы. Позвольте вас спросить, у вас в прошлом были психологические травмы?

— У кого их не было?

— Разумеется. Но это не абстрактный разговор о людях вообще. Мы говорим о конкретных вещах. О вас. У вас есть душевные слабости, которые они могли бы против вас использовать? Были ли в вашей прошлой жизни эпизоды, которые можно рассматривать как факторы, предопределившие потерю рассудка? Так что, когда вас

поместят сюда, а они это сделают, ваши друзья и коллеги скажут: «Ну конечно. Он сломался. Окончательно. Да и кто бы на его месте не сломался? Это все война. И потеря матери». Или кого вы там потеряли. Ну и?

— Такое можно сказать о ком угодно, — возразил Тедди.

— То-то и оно. Вы еще не поняли? Да, такое можно сказать о ком угодно, но они это скажут о вас. Как у вас с головой?

— С головой?

Она пожевала нижнюю губу и пару раз кивнула.

— Да, с котелком. Как он? Видели странные сны в последнее время?

— Было дело.

— Головные боли?

— Я подвержен мигреням.

— Господи. Вы шутите?

— Нет.

— Вы принимали здесь какие-нибудь таблетки, хотя бы аспирин?

— Да.

— Чувствуете себя не в своей тарелке? Будто это не совсем вы?

Ничего страшного, успокаиваете вы себя, просто мне малость не по себе. Вот и соображаю туговато. Но у вас нелады со сном, сами сказали. Непривычная койка, непонятная среда, да еще ураган в придачу. Так вы себе объясняете свое состояние. Да?

Тедди кивнул.

— Вы наверняка ели в здешнем кафетерии. Пили там кофе. По крайней мере, успокойте меня, что вы курили собственные сигареты.

— Моего партнера, — признался Тедди.

— А у доктора или санитара не стреляли?

В кармане рубашки у него лежали сигареты, выигранные в покер. Он вспомнил, как выкурил в день приезда сигарету Коули, и еще подумал тогда, что такой сладкий табак попался ему в первый раз.

Она прочла ответ по его лицу.

— Обычно для того, чтобы нейролептический наркотик проявил себя в крови, требуется от трех до четырех дней. А до этого времени больной практически не замечает никакого эффекта. Иногда случаются приступы, которые легко спутать с мигренью, особенно если она

периодически повторяется. Но вообще приступы — явление редкое. Обычно единственное, на что обращает внимание больной...

— Хватит называть меня больным.

— ...это на сны, они становятся все ярче и делятся все дольше, они нанизываются друг на друга, выстраиваются в цепочки и превращаются в этакий роман сродни фантазиям Пикассо. Еще один заметный эффект — больной начинает чувствовать себя немного как в тумане. Мысли становятся несколько бессвязными. Но ведь это можно всегда списать на расстройство сна и всякие кошмары, правильно? Нет, пристав, я не называю вас «больным». Пока. Это просто фигура речи.

— Если впредь я буду избегать местной пищи, сигарет, кофе и таблеток, о каком ущербе на данный момент можно говорить?

Она убрала волосы с лица и закрутила их в узел на затылке.

— Боюсь, что весьма серьезном.

— Предположим, до завтра я не смогу уехать с этого острова, а наркотики начнут действовать. Как я это пойму?

— Самые очевидные индикаторы — сухость во рту в сочетании, как это ни парадоксально, с обильным слюноотделением, ну и конечно, трепет. Вы заметите легкую дрожь. Она начнется там, где сустав большого пальца соединяется с запястьем, потом захватит палец и наконец овладеет всей кистью.

Овладеет.

— Что еще? — спросил Тедди.

— Особая чувствительность к свету, боли в левом полушарии мозга, «застревание» слов. Вы начнете заикаться.

До его слуха донеслись звуки океанского прибоя, разбивающегося о скалы.

— Что происходит на маяке?

Она обняла себя за плечи и подалась к огню.

— Операции.

— Операции? Их можно делать в больнице.

— Операции на мозге.

— Их тоже удобнее делать в больнице.

Она смотрела на языки пламени.

— Экспериментальная хирургия. Не «давайте-вскроем-и-устраним-проблему», а «давайте-удалим-и-посмотрим-что-будет».

Незаконные операции, пристав. Так сказать, привет нацистам. — Она улыбнулась ему. — Именно там они плодят своих призраков.

— Кто об этом знает? На острове, я имею в виду.

— О маяке?

— Да.

— Все.

— Ну уж. Санитары, сестры?

Она выдержала его взгляд сквозь пламя костра, и ее глаза были чистыми, ясными.

— Все, — повторила она.

Сам он не помнил, как отключился, но видимо, все-таки уснул, потому что она тряслась его за плечо.

— Вы должны уходить, — говорила она. — Они считают меня мертвой. Думают, что я утонула. Если они, разыскивая вас, забредут сюда, то мне конец. Я прошу прощения, но вы должны идти.

Он поднялся и протер глаза.

— Там, — она показала наверх, — проходит дорога. Немного восточнее этого утеса. Потом поворачивает на запад. Примерно через час пути она выведет вас к особняку бывшего командующего войсками.

— Вы ведь Рейчел Соландо? — спросил он ее. — Я знаю, та, которую мне раньше показали, была самозванкой.

— Почему вы так решили?

Кончики пальцев. Вчера перед сном он их разглядывал. Когда утром проснулся, они уже были чистыми. Обувная вакса, подумал он сначала, но потом вспомнил, как он к ней прикоснулся...

— Она выкрасила волосы. Перед самой встречей со мной.

— Вы должны уходить. — Она мягко подтолкнула его к выходу.

— А если я захочу вернуться? — сказал он.

— Вы меня здесь не застанете. Я постоянно перемещаюсь.

Каждую ночь на новом месте.

— Но я бы мог забрать вас, увезти отсюда.

Она печально улыбнулась и откинула пряди с висков.

— Вы не услышали, что я вам сказала.

— Услышал.

— Вы отсюда никогда не уедете. Вы пополнили наши ряды. —
Она тронула его за плечо и еще раз подтолкнула к выходу из пещеры.

Тедди остановился на пороге, обернулся.

— У меня есть друг. Сегодня вечером мы были вместе, а потом
потерялись. Вы его, случайно, не видели?

В ответ все та же печальная улыбка.

— Пристав, у вас здесь нет друзей.

К тому времени, когда он добрался до дома Коули, он уже с трудом передвигал ноги.

Обойдя особняк сзади, он вышел на дорогу, которая вела к главным воротам, с таким ощущением, будто все расстояния успели с утра учестьвериться, и тут рядом с ним, возникнув из темноты, вдруг оказался мужчина и взял его под руку со словами:

— А мы тут уже гадали, когда ж вы наконец объявитесь.

Смотритель больницы.

Кожа белая, как свечной воск, гладкая, как отлакированная, и будто слегка прозрачная. Холеные ногти такой длины, что вот-вот начнут загибаться, и тоже белые, как кожа. Но вот отчего действительно делалось не по себе, так это от его глаз: шелковисто-голубоватые, глядящие на мир с детским удивлением.

— Рад наконец-то с вами познакомиться, смотритель. Как поживаете?

— Тип-топ, — последовал ответ. — А вы?

— Лучше не бывает.

Тедди почувствовал, как его руку стиснули чуть повыше локтя.

— Приятно слышать. Мы решили прогуляться?

— Так как пациентка нашлась, я подумал, отчего бы не осмотреть остров.

— Надеюсь, получили удовольствие.

— О да.

— Прекрасно. Познакомились с нашими старожилками?

Тедди напрягся, подбирая слова. Голова отчаянно гудела, ноги едва держали.

— Да... крысы.

Смотритель похлопал его по спине:

— Крысы, ну конечно! В них есть что-то царское, вы не находите?

Тедди посмотрел ему в глаза:

— Крысы — они и есть крысы.

— Вредители, ну да. Я понимаю. Но то, как они сидят на задних лапах и смотрят на вас немигающим взглядом с безопасного

расстояния, или как они юркают в щель быстрее, чем вы успеваете моргнуть... — Он задрал голову к звездам. — Может быть, «царский» — не совсем то слово. А как вам «сноровистые»? Удивительно сноровистые существа.

Когда они достигли главных ворот, он, не выпуская локтя Тедди, развернулся вместе с ним, и впереди возник особняк Коули, а за ним морская гладь.

— Как вам последний дар Божий?

— Простите? — переспросил Тедди, заглянув в глаза своего спутника и обнаружив вдруг порок в этих кристально чистых глазах.

— Дар Божий, — повторил тот и широким жестом обвел раскуроченную ураганом землю. — Выплеск ярости. Когда я спустился на первый этаж у себя дома, это дерево, рухнувшее прямо в гостиную, тянулось ко мне, как Господня десница. Не буквально, конечно. В переносном смысле. Бог любит насилие. Вы ведь должны это понимать?

— Нет, — возразил Тедди. — Не понимаю.

Смотритель, пройдя несколько шагов, обернулся.

— Иначе откуда на земле столько насилия? Оно сидит в нас и рвется наружу. Оно дается нам естественнее, чем дыхание. Мы воюем. Мы приносим жертвы. Мы мародерствуем и истязаем наших братьев. Мы заваливаем поля смердящими трупами. А зачем? Чтобы показать Ему, что мы усвоили Его урок.

Тедди заметил, как он поглаживает переплет книжицы, прижатой к животу. Он улыбнулся, обнажив желтые зубы:

— Господь дал нам землетрясения, ураганы, торнадо. Он дал нам вулканы, извергающие на наши головы огонь и серу. Океаны, пожирающие наши корабли. Вообще природу, этого улыбающегося убийцу. Он дал нам болезни, чтобы на смертном одре мы окончательно осознали: все отверстия в человеческом теле существуют только для того, чтобы через них уходила жизнь. Он дал нам вожделение, и ярость, и жадность, и грязные мысли, дабы мы совершали насилие во славу Его. Что может быть чище бури, которую мы только что пережили? Моральных устоев не существует. Только одно — сумеет ли мое насилие победить ваше?

— Я не уверен, что... — начал Тедди.

— Сумеет?

— Что?

— Мое насилие победить ваше?

— Я не сторонник насилия, — сказал Тедди.

Смотритель сплюнул на землю в сантиметрах от их ботинок.

— Ты тот еще насильник. Уж я-то знаю, потому что сам такой. Не ставь себя в неловкое положение, сынок, отрицая то, что у тебя в крови. И меня не ставь. Если мы сейчас отбросим общественные условности и я окажусь единственной преградой между тобой и пищей, ты размозжишь мне голову камнем и вонзишь зубы в филейную часть. — Он придвинулся вплотную. — Если я сейчас захочу выгрызть твой правый глаз, ты меня остановишь?

В его по-детски голубых глазах вспыхнул огонек. Тедди представил себе, как его черное сердце бьется в грудной клетке.

— А вы попробуйте, — предложил Тедди.

— Достойный ответ, — прошептал смотритель.

Тедди пытался обрести почву под ногами, чувствуя прилив крови.

— Так и надо. — Все тот же горячечный шепоток. — «Сроднился я с моими кандалами».

— Что-что? — Тедди тоже перешел на шепот. В теле возникли странные вибрации.

— Байрон, — прозвучал ответ. — Эту строчку ты запомнишь, не сомневаюсь.

Тедди ухмыльнулся, а его сопровождающий отступил на шаг.

— Похоже, вы тут ломаете все каноны, смотритель.

В ответ такая же ухмылочка.

— Он относится к этому спокойно.

— К чему?

— К тебе. К твоей маленькой игре. Он находит ее достаточно безобидной. Но я так не считаю.

— Не считаете?

— Нет. — Смотритель отошел на пару шагов, скрестил руки за спиной, так что книжица оказалась прижатой к копчику, потом развернулся и, широко, по-военному, расставив ноги, уставился на собеседника.

— Ты сказал, что решил прогуляться, но меня не проведешь. Я тебя насквозь вижу.

— Мы только что познакомились, — напомнил ему Тедди.

Смотритель покачал головой:

— Мы птицы одного полета и давно знакомы. Я знаю тебя как облупленного. В твоих глазах я вижу тоску. — Он выпятил губы и поглядел на свои ботинки. — Это я как-нибудь переживу, хотя в мужчине она вызывает жалость. Переживу, потому что она мне ничем не угрожает. Но ты опасен.

— Каждый имеет право на свое мнение, — сказал Тедди.

Смотритель потемнел лицом.

— Ничего подобного. Мужчины — народ темный. Едят, пьют, испускают газы, прелюбодействуют и плодятся. Последнее особенно прискорбно, ибо мир был бы намного лучше, будь нас меньше. Кого мы плодим? Даунов, уличных подонков, психов, аморальных уродов. Вот кем мы наводняем землю. На юге сейчас пытаются приструнить своих ниггеров, но вот что я тебе скажу. Бывал я на юге, все они ниггеры. Белые ниггеры, черные ниггеры, женщины-ниггеры. Они там повсюду, и толку от них не больше, чем от двуногих собак. Собака, по крайней мере, может по запаху взять след. И ты тоже ниггер, сынок. Ты сделан из плохого теста. Я сразу это чую. По запаху.

Его голос странным образом зазвучал в высоком регистре, почти как женский.

— Что ж, завтра утром я перестану доставлять вам беспокойство, — сказал Тедди.

Смотритель улыбнулся:

— Надеюсь, сынок.

— Я освобожу вас и этот остров от своего присутствия.

Смотритель сделал два шага к нему, и с его губ сползла улыбка. Он приблизил свое лицо, держа Тедди под прицелом глаз новорожденного ребенка.

— Никуда ты, сынок, не уедешь.

— Вот тут я готов с вами поспорить.

— Спорь себе на здоровье. — Смотритель обнюхал воздух рядом с лицом Тедди — слева, справа.

— Что-то унюхали? — поинтересовался пристав.

— Мммм. — Тот немного отстранился. — Чую запашок страха, сынок.

— Тогда вам, наверно, следует принять душ. Смыть с себя эту гадость.

Оба помолчали, а затем смотритель сказал:

— Вспомни про кандалы, ниггер. Это твои лучшие друзья. Я буду с нетерпением ждать нашего последнего танца. Ах, какое это будет кровопускание.

Он повернулся и зашагал по дороге к дому.

В мужском общежитии было пусто. Ни одной живой души. Тедди поднялся в свою комнату, повесил дождевик в стенному шкафу и осмотрелся в поисках каких-либо признаков того, что Чак вернулся. Не нашел.

Он хотел было сесть на кровать, но понял, что сразу вырубится и проспит до утра, поэтому отправился в ванную, там плеснул в лицо холодной водой и прошелся мокрой расческой по своему «ежику». Ощущения такие, будто с костей содрали мясо, а кровь превратилась в солод. Запавшие глаза обведены красными кругами, кожа посерела. Он бросил в лицо еще несколько пригоршней холодной воды, а затем вытерся и вышел наружу.

Никого.

Теплело, воздух сделался влажным и клейким, загомонили сверчки и цикады. Обходя территорию, Тедди думал о том, что, может, Чак все-таки его опередил и сейчас точно так же бродит по окрестностям в надежде с ним столкнуться.

Если не считать того, что в воротах маячил охранник, а в окнах горел свет, жизнь вымерла. Он дошел до больницы, поднялся по ступенькам и потянул на себя дверь. Заперто. Он услышал скрип петель и, оглянувшись, увидел, что охранник вышел к своему товарищу и ворота за ним закрылись. Тедди развернулся на месте, шоркнув подошвами по бетонной площадке.

Он присел на ступеньку. Вот тебе и Нойс с его пророчеством. Ты остался один как перст. Заперты в этой мышеловке. Хотя вроде бы не под наблюдением.

Он обошел здание больницы и с облегчением вздохнул, увидев сидящего на заднем крыльце санитара с зажженной сигареткой. Это был худой поджарый чернокожий паренек. Он поднял взгляд на Тедди, а тот достал из кармана сигарету с вопросом:

— Прикурить дадите?

— Запросто.

Их лица на секунду сблизились, пока парень подносил зажигалку, Тедди ему улыбнулся, пробормотав слова благодарности, курнул, вдруг вспомнил, что ему недавно говорили в пещере насчет чужих сигарет, и, не затягиваясь, медленно выпустил дым изо рта.

— Как поживаете? — поинтересовался он.

— Ничего, сэр. А вы?

— Нормально. А где все?

Паренек ткнул большим пальцем позади себя.

— Там. Какое-то важное совещание. О чем, не знаю.

— Все врачи и медсестры?

Паренек кивнул:

— А также кое-кто из пациентов и практически все санитары. Я тут торчу из-за этой двери — засов плохо закрывается. А так все там.

Тедди набрал в рот и через мгновение выпустил очередное облачко. Авось паренек ничего не заметит. А про себя подумал: не пройти ли прямо сейчас внутрь, на арапа? Глядишь, паренек примет его за санитара из корпуса С.

Но тут он увидел в окно, что вестибюль заполняется людьми и все направляются к главному выходу.

Он еще раз поблагодарил паренька за зажигалку, свернул за угол и увидел перед зданием толпу. Люди перемещались, закуривали, болтали. Сестра Марино, говоря что-то Трею Вашингтону, положила руку ему на плечо, а он запрокинул голову и захохотал.

Тедди уже направился к ним, но в этот момент со ступенек раздался голос Коули:

— Пристав!

Тедди повернулся, а главврач спустился с крыльца, взял его под руку и повел в сторону.

— Где вы были?

— Гулял. Осматривал ваш остров.

— Правда?

— Правда.

— Что-то любопытное увидели?

— Крыс.

— Да уж, этого добра у нас хватает.

— Как подвигается починка крыши? — полюбопытствовал Тедди.

Коули вздохнул:

— По всему дому стоят ведра для сбора воды. Чердак загублен. И пол в спальне для гостей. Моя жена придет в ужас. На чердаке хранилось ее свадебное платье.

— А где ваша жена? — спросил Тедди.

— В Бостоне. У нас там квартира. Ей и детям надо было сменить обстановку, вот и устроили себе маленький уик-энд. Такое это место, через какое-то время начинает действовать на нервную систему.

— На меня оно уже подействовало, доктор, хотя я здесь неполных три дня.

Коули понимающе кивнул с едва заметной улыбкой.

— Но вы ведь уезжаете.

— Уезжаю?

— Домой, пристав. Ведь Рейчел нашлась. Обычно паром приходит сюда около одиннадцати утра. Так что к полудню, я полагаю, вы уже будете дома.

— Было бы хорошо.

— Еще бы. — Коули провел ладонью по волосам. — Хочу вам сказать, пристав, только вы не обижайтесь...

— Так, снова приехали.

— Нет, нет. Никаких личных оценок вашего эмоционального состояния. Просто хотел сказать, что ваше присутствие возбудило многих наших пациентов. Кое-кто здорово завелся. Как если бы в город приехал Джонни Лоу.^[17]

— Мне очень жаль.

— Тут нет вашей вины. Дело не лично в вас, а в структуре, которую вы представляете.

— Ну, тогда все не так страшно.

Коули прислонился к стене. Он вдруг показался Тедди бесконечно усталым в своем измятом лабораторном халате и распущенном галстуке.

— Сегодня днем прошел слух, что в корпусе С, на этаже, где расположены больничные палаты, появился неопознанный мужчина, одетый как санитар.

— Правда?

Коули смотрел ему в глаза:

— Правда.

— Как интересно.

Коули стряхнул пушинку с галстука.

— Этот неизвестный явно обладал опытом укрощения особо опасных индивидов.

— Не может быть.

— Может, может.

— В чем еще был замечен упомянутый неизвестный?

— Гм. — Коули снял с себя халат и перебросил его через руку. — Я рад, что вам это интересно.

— Кто же не любит слухи и сплетни?

— И не говорите. Упомянутый неизвестный — доказательство, прошу заметить, у меня нет — имел продолжительный разговор с параноидальным шизофреником по имени Джордж Нойс.

— Гм.

— Представьте.

— Так этот, э...

— Нойс.

— Ну да, Нойс. Он что, бредит?

— Не то слово, — сказал Коули. — Своими рассказнями и небылицами он возбуждает других...

— «Возбуждает». Кажется, вы повторяетесь.

— Извините. Скажем иначе, выводит людей из равновесия. Две недели назад он довел больных до того, что его избили.

— Надо же.

Коули пожал плечами.

— Такое случается.

— И какие же рассказни? — поинтересовался Тедди. — Какие небылицы?

Коули покрутил рукой в воздухе:

— Обычный параноидальный бред. Весь мир ополчился против него, и все в таком духе. — Он встретился взглядом с Тедди, глаза засияли. Он закурил. — Значит, уезжаете.

— Похоже, что так.

— Первым паромом.

Тедди холодно улыбнулся:

— Если нас вовремя разбудят.

Коули ответил ему улыбкой:

— Мы постараемся.

— Отлично.

— Сигарету? — спросил Коули.

Тедди поднял ладонь протестующим жестом:

— Нет, спасибо.

— Пытаетесь бросить?

— Хотя бы подсократиться.

— Это правильно. Если верить журналам, табак провоцирует страшные болезни.

— Правда?

Коули кивнул:

— В частности, рак.

— В наши дни существует множество способов умереть.

— Да. Но и все больше способов вылечиться.

— Вы так считаете?

— Иначе я бы не занимался этой профессией. — Коули послал вверх струю дыма.

— У вас есть такой пациент, Эндрю Лэддис? — спросил Тедди.

Главврач снова опустил голову.

— Это имя мне ничего не говорит.

— Ничего?

Коули пожал плечами:

— А должно?

Тедди помотал головой:

— Я знал этого парня. Он...

— Где?

— Не понял?

— Где вы его знали?

— На фронте, — пояснил Тедди.

— А-а.

— В общем, до меня дошел слух, что у него поехала крыша, и его послали сюда.

Коули не спеша затянулся.

— Это ложный слух.

— Выходит, так.

— Бывает. — Главврач сделал паузу. — Вы сказали «нас» минуту назад.

— Что?

— Вы употребили множественное лицо.

— Говоря о себе? — Тедди приложил руку к груди.

Коули кивнул:

— Вы сказали: «Если нас вовремя разбудят». *Nas*.

— Ну да. Сказал. Вы его, кстати, не видели?

Главврач вопросительно поднял брови.

— Ну полно. Он здесь?

Коули рассмеялся, глядя на него.

— Что такое? — спросил Тедди.

Коули пожал плечами:

— Я немного озадачен.

— Чем?

— Вами, пристав. Это такая оригинальная шутка?

— Шутка? — переспросил Тедди. — Я просто поинтересовался, здесь ли он.

— Кто? — В голосе Коули прозвучала нотка нетерпения.

— Чак.

— Чак? — тупо повторил Коули.

— Мой напарник, — сказал Тедди. — Чак.

Коули отлепился от стены, рука с зажженной сигаретой повисла в воздухе.

— У вас не было никакого напарника, пристав. Вы приехали сюда один.

— Подождите... — начал Тедди и осекся.

Их лица сблизились. Он ощущал кожей теплый летний воздух.

— Расскажите мне о нем, — попросил главврач. — О своем напарнике.

Такого холодного любопытства в глазах Тедди видеть еще не приходилось. Испытующий, проницательный и убийственно вежливый взгляд. Взгляд водевильного актера, который с абсолютно серьезным лицом делает вид, будто он знать не знает, откуда последует убойная реплика.

Коули — это Стэн, а он — Олли.^[18] Такой шут гороховый со спущенными подтяжками и колом стоящими штанинами, до которого соль анекдота доходит в последнюю очередь.

— Пристав? — Главврач сделал еще шажок к нему, как человек, подкрадывающийся к сидящей бабочке.

Если он начнет протестовать или требовать ответа, где же все-таки Чак, или станет доказывать с пеной у рта, что Чак действительно существует, это будет вода на их мельницу.

Глаза Коули смеялись.

— Сумасшедшие отрицают, что они сумасшедшие, — сказал Тедди.

Еще шажок.

— Простите?

— Боб отрицает, что он сумасшедший.

Коули скрестил руки на груди.

— Следовательно, Боб сумасшедший, — закончил Тедди.

Коули откачнулся на пятках, на губах появилась улыбка.

Тедди улыбнулся в ответ.

Так они стояли друг против друга какое-то время, в то время как ночной бриз шуршал кронами деревьев.

— Знаете, — начал главврач, опустив голову и ковыряя носком траву. — Мне удалось здесь кое-что создать. Но такие вещи редко когда сразу оцениваются по заслугам. Все хотят скорых результатов. Мы устаем от страхов, мы устаем от депрессии, мы устаем от избытка

чувств, мы устаем от усталости. Мы хотим вернуться в прошлое, которого уже не помним, и, парадокс, отчаянно подгоняем будущее. Терпение идержанность — первые жертвы прогресса. Ничего нового. Так было всегда. — Он поднял голову. — У меня много влиятельных друзей и не меньше влиятельных врагов. Тех, кто мечтает отнять у меня мое детище. Но без борьбы я его не отдаю, понятно?

— Все понятно, доктор.

— Вот и хорошо. — Коули разъял скрещенные руки. — А что до вашего напарника...

— Какого напарника? — удивился Тедди.

Трей Вашингтон лежал на кровати и читал старый номер журнала «Лайф», когда Тедди пришел в общежитие.

Тедди бросил взгляд на койку Чака. Она была заправлена, а простыни и одеяло в струнку натянуты, и не догадаешься, что еще недавно в ней кто-то спал.

Его пиджак, брюки, рубашка и галстук, вернувшиеся из прачечной в полиэтиленовом пакете, висели в стеклянном шкафу. Он снял с себя форму санитара и стал надевать свою одежду под шорох переворачиваемых страниц глянцевого журнала.

— Как дела, пристав?

— Нормально.

— Это хорошо.

Он заметил, что Трей избегает встречаться с ним взглядом, а уткнулся в журнал, чисто механически листая страницы.

Тедди переложил во внутренний карман пиджака учетный листок Лэддиса вместе с блокнотом, потом сел на койку Чака, прямо напротив Трея, завязал галстук, шнурки и молча застыл.

Трей перелистнул очередную страницу.

— Завтра будет жара.

— Да?

— Настоящая парилка. Пациенты не любят жару.

— Не любят?

Трей покачал головой и перевернул страницу.

— Нет, сэр. Становятся беспокойными и все такое. А завтра к тому же полнолуние. Совсем беда. Нам только этого не хватало.

— Почему?

— Что «почему», пристав?

— Почему вы заговорили о полнолунии? Вы думаете, оно действует на психику?

— Я не думаю, я знаю. — Трей обнаружил загнутый уголок и расправил его указательным пальцем.

— Это как же?

— Прикиньте. Луна влияет на прилив, так?

— Так.

— Она действует на воду, как такой магнит.

— Предположим.

— А человеческий мозг больше чем на пятьдесят процентов состоит из воды.

— Серьезно?

— Серьезно. Если старушка Луна такое вытворяет с океаном, прикиньте, что она может сотворить с нашим мозгом.

— Как давно вы здесь работаете, мистер Вашингтон?

Трей, разгладив уголок, перевернул страницу.

— Да уж давно. Как дембельнулся в сорок шестом.

— Отслужили в армии?

— Отслужил. Пришел за пушкой, а получил поварешку. Вместо немцев травил своих плохой стряпней.

— Идиоты.

— Это точно, пристав. Пусти они нас на передовую, война бы к сорок четвертому уже закончилась.

— Не спорю.

— А вас, наверно, пошвыряло по свету.

— И не говорите. Посмотрел мир.

— И что вы о нем думаете?

— Языки разные, а всюду дерьмо.

— Вот, значит, как.

— Знаете, как меня сегодня назвал смотритель?

— Ну-ка?

— Ниггер.

Трей оторвался от журнала.

— Как-как?

Тедди кивком подтвердил.

— Слишком много вокруг людей, говорит, из плохого теста. Уличные подонки. Дауны. Ниггеры. И я один из них.

— И вам это не понравилось. — Трей хмыкнул, и этот звук умер, едва слетев с губ. — Хотя вам невдомек, что значит быть ниггером.

— Само собой, Трей. Но этот человек — ваш босс.

— Он не мой босс. Я в медперсонале. Мой босс — Белый Дьявол. А этот по тюремной части.

— Все равно он ваш смотритель.

— Ни фига. — Трей приподнялся на локте. — Слышали, что я сказал? Или мне вам еще раз повторить, пристав?

Тедди равнодушно пожал плечами.

Трей опустил ноги на пол и сел на кровати.

— Хотите меня вывести из себя?

Тедди покачал головой.

— Тогда почему вы спорите, когда вам говорят, что я не работаю на этого белого говнюка?

Тедди снова пожал плечами.

— В трудную минуту, если он отдаст приказ? Вы возьмете под козырек.

— Что я сделаю?

— Возьмете под козырек. Как заводная игрушка.

Трей провел рукой по нижней челюсти, глядя на Тедди тяжелым взглядом. Он даже оскалился, словно не веря собственным ушам.

— Это не в качестве оскорбления, — сказал Тедди.

— Тэк, тэк, тэк.

— Просто я заметил, что на этом острове люди научились создавать собственную правду. Видимо, считают, что если повторять одно и то же много-много раз, то так оно и есть на самом деле.

— Я не работаю на этого человека.

Тедди ткнул в него пальцем:

— Вот-вот. Та самая «островная правда», от которой я в восторге.

Казалось, еще секунда, и Трей его ударит.

— Сегодня после вечернего собрания, — продолжал Тедди, — ко мне подошел доктор Коули и сказал, что у меня не было никакого напарника. Если я спрошу об этом вас, вы скажете мне то же самое. Вы станете отрицать, что играли в покер с этим человеком и смеялись над его шутками. Что он вам советовал бежать от вашей злобной

старой тетушки. Что он спал вот на этой кровати. Так, мистер Вашингтон?

Трей опустил глаза в пол.

— Я не знаю, пристав, о чем вы говорите.

— Ну да, ну да. У меня не было напарника. Теперь это единственная правда. Так решили. Его не было на этом острове и нет. Ни раненого. Ни мертвого. Ни запертого в корпусе С или на маяке. Повторите за мной для полной ясности? «У меня не было напарника». Ну же. Давайте!

Трей поднял на него взгляд:

— У вас не было напарника.

— И вы не подчиняетесь смотрителю больницы.

Трей сомкнул пальцы рук на коленях. Тедди видел, как он мучается. Глаза влажные, подбородок дрожит.

— Вам надо сматываться отсюда, — прошептал он.

— Я догадываюсь.

— Не-ет. — Трей несколько раз мотнул головой. — Вы не в курсе. Забудьте, что вы слышали. Вам *кажется*, что вы чего-то знаете. Они еще возьмут вас за жабры. И обратного хода нет. То, что они с вами сделают, — это финиш.

— Расскажите, — попросил Тедди, хотя Трей сразу затряс головой. — Расскажите мне, что здесь происходит.

— Я не могу. Нет. Вы слышите? — Его брови поползли вверх, зрачки расширились. — Я. Не. Мо. Гу. Вы уж как-нибудь сами. И парома на вашем месте я бы не стал дожидаться.

Тедди хохотнул:

— Я не то что с этого острова, я за пределы этой территории не могу убраться. А если бы и мог, мой напарник...

— Забудьте про него, — прошипел Трей. — Нет его. Усекли? Нет и не будет, зарубите себе на носу. Вы должны думать о себе и только о себе.

— Трей, я в мышеловке.

Охранник встал с кровати и подошел к окну. То ли он всматривался в темноту, то ли разглядывал собственное отражение, об этом Тедди мог только догадываться.

— Вам нельзя возвращаться. И я вам ничего не говорил.

Тедди ждал продолжения. Трей обернулся к нему через плечо.

— Лады?

— Лады, — ответил он.

— Паром приходит завтра в десять. Ровно в одиннадцать уходит в Бостон. Это ваш шанс. Иначе придется ждать еще два или три дня, когда с юга подойдет рыболовецкий траулер «Бетси Росс», чтобы сбросить кое-какой груз. — Он встретился взглядом с Тедди. — Не тот груз, который полагается жителям острова. Учтите, траулер к берегу не причаливает. Нет, сэр. Придется до него плыть.

— Совсем, что ли? Три дня на острове мне не продержаться, — сказал Тедди. — Я же не знаю все ходы и выходы. В отличие от вашего смотрителя и его людей. Они меня найдут.

Трей помолчал.

— Значит, паром, — произнес он в конце концов.

— Значит, паром. Но как я выберусь за ворота?

— И-эх! Везет же некоторым, — сказал Трей. — Ураган к черту вывел из строя нашу энергосистему. Мы успели восстановить почти всю проволоку, по которой пропущен ток. Почти.

— А где пока не восстановили? — спросил Тедди.

— Юго-запад. Две секции, сходящиеся под прямым углом. В другие места вам лучше не соваться — поджарит как цыпленка. Усекли?

— Усек.

Трей кивнул своему отражению.

— Тогда вперед. Время не терпит.

Тедди поднялся.

— А как же Чак? — спросил он.

Трей нахмурился:

— Нет никакого Чака. О'кей? Нет и не было. Вернетесь на Большую землю, вот там и болтайте о Чаке сколько вашей душе угодно. А здесь... Нет такого человека.

А ведь он мог наврать, подумал Тедди, стоя перед юго-западным углом каменного периметра. Вот сейчас я возьмусь рукой за проволоку, а утром они найдут мое тело, обугленное как сгоревший стейк. Дело сделано. Трей получит звание «Лучший служащий года» и, возможно, золотые часы в придачу.

Он осмотрелся, поднял с земли длинную ветку и, с разбега запрыгнув на пристенок, стукнул ею по проводу правее угловой секции. Вспыхнуло пламя, ветка загорелась. Он спрыгнул вниз. Пламя погасло, но ветка успела почернеть.

Он предпринял еще одну попытку, на этот раз опробовал проволоку правой секции, примыкающей к углу. Ничего.

Отдышавшись, он вскочил на пристенок слева и стукнул по верхнему проводу. И вновь не заискрило.

Ограждение на стыке двух секций венчал металлический штырь, и Тедди лишь с третьей попытки удалось за него ухватиться. Карабкаясь на стену, он задевал проволоку всеми частями тела — плечами, коленями, руками — и каждый раз хоронил себя заживо.

Но его не убило током. И после того как он взобрался на стену, ему оставалось только спуститься вниз с другой стороны.

Он стоял среди листвы и глядел на «Эшклиф».

Он приехал сюда за правдой и не нашел ее. Он приехал сюда за Лэддисом, и его тоже не нашел. А по дороге потерял Чака.

В Бостоне у него будет время обо всем посожалеть. Прочувствовать свою вину и стыд. Оценить возможности и, посоветовавшись с сенатором Херли, разработать план наступления. Он сюда еще вернется, и очень скоро. Без вариантов. Желательно с ордером на обыск и повестками в суд. На собственном пароме. Кипящий праведным гневом.

А сейчас есть облегчение, оттого что он жив и находится по эту сторону стены.

Облегчение и страх.

Через полтора часа он добрался до пещеры, но женщины уже след простили. От костра осталось лишь несколько тлеющих угольков, и Тедди присел возле них погреться, хотя воздух был не по сезону теплый, и влажность увеличивалась на глазах.

Он поджидал ее в надежде, что она просто вышла за новым хворостом, но в глубине души знал, что она не вернется. Может, решила, что его уже поймали и сейчас он рассказывает смотрителю и Коули о ее тайном убежище. А может, — конечно, маловероятно, но почему бы не помечтать? — ее разыскал Чак, и они вместе перебрались в более надежное место.

Когда последний уголек погас, Тедди снял пиджак и укрыл им грудь и плечи, а затылком прислонился к стене. Как и накануне вечером, последнее, на что он обратил внимание, прежде чем провалиться в сон, были пальцы.

Они начали дергаться.

День четвертый
Плохой моряк

Все мертвые и предположительно мертвые разбирали свою верхнюю одежду.

Все происходило в кухне, где на крючках висели разные пальто. Отец Тедди снял свой старый бушлат, влез в рукава, помог Долорес одеться и обратился к Тедди:

— Знаешь, что я хочу на Рождество?
— Нет, папа.
— Волынку.

И Тедди догадался, что он имеет в виду сумку с клюшками для гольфа.

— Как у Айка, — сказал он.
— Точно, — подтвердил отец и протянул Чаку его пальто.

Чак надел. Классное кашемировое пальто довоенного покроя. Шрам с левой щеки куда-то исчез, зато руки были все такие же изнеженные, словно не его, и он нервно шевелил пальцами.

— Ты закрутил роман с этой докторшей? — спросил его Тедди.
Чак покачал головой:
— Хватило ума. Я был на скачках.
— Сорвал куш?
— Проиграл по-крупному.
— Сочувствую.
— Передай жене мой прощальный поцелуй, — сказал Чак. — В щечку.

Тедди протиснулся между матерью и Тутти Вичелли с его окровавленным простреленным ртом и поцеловал Долорес в щеку.

— Детка, почему ты вся мокрая? — спросил он.
— Я совершенно сухая. — Она адресовалась его отцу.
— Будь я помоложе, я бы на этой девушке женился, — сказал тот.

Они были все насквозь промокшие, даже его мать, даже Чак. На пол стекала вода. Чак протянул ему три полена со словами:

— Для костра.
— Спасибо, — сказал Тедди и тут же забыл, куда их положил.
Долорес почесала живот.

— Чертовы кролики. Зачем их только земля носит!

В комнату вошли Лэддис и Рейчел Соландо. Без пальто. Точнее, вообще без одежды. Лэддис передал Тедди бутылку ржаного виски через голову матери и принял Долорес в свои объятия. Но Тедди даже не успел его приревновать, так как в это время Рейчел опустилась перед ним на колени, расстегнула молнию на брюках и взяла его член в рот, а Чак, и его родители, и Тутти Вичелли помахали ему в дверях на прощание, Лэддис же с Долорес уединились в спальне, и он слышал, как они там избавлялись от одежды и учащенно дышали, и все это было абсолютно нормально, даже замечательно, сам же он поднял Долорес с колен, а в спальне Рейчел с Лэддисом уже трахались как ненормальные, а он поцеловал жену и накрыл ладонью ее киску, за что она его поблагодарила, а он вошел в нее сзади, сшибив при этом поленья с кухонного столика, а в это время смотритель больницы и его люди распивали принесенную Лэддисом бутылку, и босс одобрительно подмигивал Тедди и, подняв стакан в его честь, говорил подчиненным:

— У этого белого ниггера елда что надо.

— Стреляйте в него не раздумывая. Слышите меня? Если этот тип свалит с острова, мы все окажемся в глубокой жопе, господа.

Тедди сбросил с себя пиджак, прикрывавший грудь и плечи, и подполз к выходу из пещеры.

Смотритель и его люди стояли на вершине, прямо над ним. Солнце уже взошло. Кричали чайки.

Тедди поглядел на циферблат: 8 утра.

— Учтите, риск смерти подобен, — обращался к подчиненным босс. — Этот человек закален в боях. Он награжден медалями «Пурпурное сердце» и «Дубовый лист». На Сицилии он задушил двоих противников голыми руками.

Тедди знал, что эта информация есть в его личном деле. Но как, черт подери, они сумели его раздобыть?

— Он владеет ножом и хорош в рукопашной. Не подходите к нему слишком близко. Просто при первом удобном случае пристрелите его, как двуногого пса.

Несмотря на всю серьезность ситуации, Тедди улыбнулся. Интересно, часто ли этим охранникам доводилось слышать сравнение с двуногим псом?

Троє охраників начали спускатися на веревках по боковій стороні небольшого утеса, і Тедді, отоїдя в глиб пещери, наблюдав за тем, як вони досягли отмели. А спустя кілька хвилин вони піднялися обратно, і він услышав, як один із них ділжив:

— Внизу його немає, сэр.

Каке-то час він прислухувався, поки вони обшаривали околиці великого утеса і прилегаючу дорогу і наконец ретировались, але він виїждав ще годину, перед тим як покинути пещеру, опасаючись, чи не послышатся ли голоса з тилу, де може бути друга пошукова команда, і на будь-який випадок давав їй час відволітися від зустрічі нежелательної.

К тому моменту, коли він виїхав на дорогу, на годину було двадцять хвилин десятого. Він йшов на захід в хорошому темпі, але стараючись бути постійно начеку.

С прогнозом погоди Трій угадав. Уже пекло вовсю, і він пришлось сняти піджак, який він перебросив через руку. Галстук він також сняв і сунув в кишеню. В рот словно хто-то поклаив каменеву соль, від поту горіли очі.

І вновь він увівся в сні Чака, надягаючого пальто, і чому-то це кольнуло його більше, ніж коли-небудь. До зустрічі Рейчел з Леддисом сон населяли одні покійники. Не считая Чака. І він також сняв з крючка пальто і вийшов після за іншими. Тедді навіть думати не хотів про те, як це слідують розуміти. Якщо вони схватали-таки Чака на утесі, то, видимо, вони як раз волокли його в той момент, коли Тедді, покинувши отмель, карабкається вгору по скелям. І те, хто суміл незамітно до ньому підкрасться, явно були професіоналами, так як Чак навіть не вскрикнув.

Коїм же треба бути, щоби бесследно зникли навіть один, а сразу два федераційні пристави?

Неограниченої.

І якщо їх план складався в тому, що Тедді повредився розсудком, то для Чака вони повинні були придумати нещо інше. Никто відь не поверить, що у двох федераційних приставів одночасно поїхала кришта в течієння яких-то чотирьох днів. Значить, Чак повинен був погибнути від нещастного випадку. Відомо, в разгар урагану. Якщо вони дійсно обирають — а всі говорять про цьому, — то, скоріше

всего, смерть Чака будет ими представлена как инцидент, после которого Тедди свихнулся окончательно и бесповоротно.

Идеальная симметрия, ничего не скажешь.

Но если Тедди не вернется с этого острова, в главном офисе все равно не примут на веру эту версию, как бы логично она ни звучала, а пошлют новых приставов, чтобы они разобрались на месте.

И что же они здесь найдут?

Тедди поглядел на свои пальцы и кисти. Тремор явно усилился. И мозг после бессонной ночи лучше работать не стал. Голова как в тумане, язык плохо ворочается. Если к тому моменту, когда приедут новые приставы, лекарства возьмут свое, то, вероятно, они застанут его ходящим под себя, с текущей изо рта слюной. И, таким образом, официальная версия «Эшклифа» полностью подтвердится.

Он услышал протяжный гудок, поднялся на возвышенность и увидел, как паром, закончив разворот в бухте, задним ходом двигается к причалу. Он ускорил шаг и через десять минут впереди, между деревьев, показалось заднее крыльцо тюдоровского особняка Коули.

Он свернулся с дороги в лес и услышал, как мужчины разгружают паром, как ящики с грохотом шлепаются на причал, как лязгают тележки на колесиках, как громыхают ботинки по деревянному настилу. Он достиг последнего ряда деревьев и увидел на причале санитаров и двоих ребят с парома, прислонившихся к корме, а еще охранников, кучу охранников с винтовками у бедра, обращенных лицом к лесу, обшаривающих взглядом рощицы и поля на подступах к больнице.

Покончив с разгрузкой, санитары ушли с причала, прихватив свои тележки, охранники же остались, и Тедди понял, что нынче утром их единственная задача заключается в том, чтобы он ни при каких обстоятельствах не попал на паром.

Он пробрался через лес обратно к дому Коули. Было слышно, как на верхнем этаже трудятся рабочие, а один смолил крышу, сидя спиной к Тедди. В гараже с западной стороны дома Тедди обнаружил автомобиль, «бьюик роудмастер» 1947 года. Красно-коричневого цвета, с белой кожаной обивкой. Надраенный до блеска, не прошло и двух дней после разрушительного урагана. Любимая игрушка.

Тедди открыл водительскую дверь и почувствовал запах кожи, как будто машина только сошла с конвейера. В бардачке лежало несколько

коробков спичек, и он забрал все разом.

Он вынул из кармана галстук, подобрал с земли камешек и обвязал вокруг него узкий конец. Открутив крышку горловины топливного бака, он затолкал внутрь камешек и сам галстук, так что на виду, как водится, осталась лишь его парадная цветастая часть.

Он вспомнил, как Долорес подарила ему этот галстук, усевшись к нему на колени и завязав галстуком ему глаза.

— Прости, детка, — прошептал Тедди. — Он мне нравится, так как это твой подарок. Но сказать по правде, это дрянь каких поискать.

Он улыбнулся небесам, словно извиняясь перед ней, и, чиркнув спичкой, зажег от нее целый коробок, а от него уже широкий конец галстука.

И бросился бежать со всех ног.

Он успел углубиться в лес, когда раздался взрыв. Он услышал крики и, оглянувшись, увидел за деревьями поднимающиеся к небу огненные клубы, а затем раздались взрывы потише, вроде хлопков петард, — это в машине лопались оконные стекла.

Достигнув опушки, он свернул пиджак в комок и спрятал под камнями. Он видел, как охранники и паромщики бежали по дорожке к дому Коули, и понимал, что если делать задуманное, то делать это надо прямо сейчас, без лишних трепыханий, и слава богу, потому что стоит только начать размышлять над тем, что ему предстоит, и все, на этом можно ставить крест. Он выскочил из лесу и помчался вдоль берега, а перед самым причалом, дабы не попасться на глаза тем, кто в это время бежал назад к парому, взял резко влево и бросился в воду.

Господи, ну и холодрыга. Он надеялся, что вода хоть немного прогрелась, день-то жаркий, но ледяные иглы вонзились в тело, как будто сквозь него пропустили электрический ток, а из грудной клетки вышел весь воздух. Тедди загребал, стараясь не думать о всякой морской живности — угрях, и медузах, и крабах, а то и акулах. Кто-то, возможно, только посмеялся бы, но он-то знал, что акулы в основном атакуют людей на мелководье, то есть как сейчас, вода по пояс или до горла. От дома Коули до него долетали крики, сердце в груди стучало как молот, но он, в очередной раз подныривая, не обращал на это внимания.

Он увидел девочку из сна — ее тело тихо проплывало под ним, глаза открыты, взгляд обращен в себя.

Он встряхнул головой, видение исчезло, а впереди обнаружился киль, массивная черная лопасть, гуляющая в зеленой воде, и он, подплыв, ухватился за него. Перебирая руками, он добрался до носа и тогда заставил себя высунуть из воды голову. Он почувствовал на лице теплые солнечные лучи, набрал полные легкие воздуха и постарался отогнать от себя мысленную картинку: вот он перебирает на глубине ногами, а какое-то морское существо сначала таращится на это диво, а затем подплывает поближе, чтобы их обнюхать...

Трап оказался на своем месте — прямо перед ним. Он ухватился за третью перекладину и завис на ней. Донесся тяжелый топот по деревянному причалу, а затем голос смотрителя:

— Обыщите паром.

— Сэр, мы отсутствовали каких-то...

— Вы оставили свой пост, а теперь еще спорите?

— Нет, сэр. Виноват, сэр.

Под тяжестью нескольких мужчин трап подался вниз. Тедди услышал, как они открывают двери, как отодвигают мебель.

Что-то, похожее на руку, скользнуло у него между ног, он стиснул зубы и заставил себя выкинуть из головы все мысли, чтобы не представлять реальной картины. В любом случае чудо-юдо проследовало своим ходом, и Тедди выдохнул.

— Моя машина. Сукин сын взорвал мою машину. — Голос Коули звучал прерывисто, как у запыхавшегося человека.

— Дело далеко зашло, док, — сказал смотритель.

— Мы, кажется, договорились, что решение принимаю я.

— Если этот человек покинет остров...

— Он не покинет остров.

— Точно так же вы не предполагали, что он превратит ваше авто в адский столб пламени. Эту операцию надо остановить, не дожидаясь нового ущерба.

— Я не могу выкинуть полотенце, слишком много затрачено усилий.

Голос смотрителя возвысился сразу на два тона:

— Если этот человек уедет с острова, нам всем крышка.

Тут и Коули возвысил голос ему под стать:

— Никуда он с этого чертова острова не уедет!

С минуту оба молчали, только доски скрипели, когда они тяжело переминались с ноги на ногу.

— Ладно, док. Но пока мы его не найдем, этот паром отсюда не двинется.

Тедди чувствовал, как от ледяного холода горят ноги.

— Придется это как-то объяснить людям в Бостоне, — сказал Коули.

Тедди поспешил закрыть рот, чтобы не выдать себя зубной дробью.

— Вот вы и объясняйте. А паром будет стоять.

Что-то ткнулось в левую ногу Тедди.

— Пусть будет по-вашему.

Еще тычок. В ответ он так дрыгнул ногой, что раздался громкий всплеск.

Послышились шаги на корме.

— Здесь его нет, сэр. Мы все проверили.

— Так куда же он делся? — спросил смотритель. — Кто-нибудь знает?

— Черт!

— Да, доктор?

— Он двинул к маяку.

— Эта мысль мне тоже приходила в голову.

— Я этим займусь.

— Возьмите людей.

— Я сам. У нас там есть люди.

— Их явно недостаточно.

— Сказал же, я сам.

Ботинки Коули протопали по деревянному причалу, а дальше под ними заскрипел песок.

— Маяк не маяк, но паром отсюда не уйдет, — сказал охранникам смотритель больницы. — Заберите у кэпа ключ зажигания и принесите мне.

И Тедди поплыл назад.

Плыя в основном под водой, он не скоро рискнул обернуться и лишь вблизи берега нашупал ногами песчаное дно. Позади остались несколько сот метров, а тем временем охранники оцепили весь причал.

Он снова ушел под воду, загребая вдоль береговой линии, боясь плыть саженками или даже по-собачьи, дабы всплесками воды не привлечь к себе ненужного внимания, и только через какое-то время, когда вместе с береговым изломом ушел в сторону, он отважился выйти из воды. Немного посидел на песке, подставив тело солнцу и весь дрожа. Потом встал и долго шел по берегу, пока густые заросли снова не загнали его в воду. Он связал шнурки, повесил ботинки на шею и, опять пустившись вплавь, представил себе отцовские кости, лежащие где-то здесь, на дне океана, представил акул с их плавниками и мощными хлесткими хвостами, и барракуду с рядами белоснежных зубов, и в очередной раз осознал, что проходит через это испытание только потому, что так надо, а меж тем тело уже онемело, и теперь ему ничего не оставалось, кроме как идти до конца, и ведь не исключено, что через пару дней придется это повторить, после того как траулер «Бетси Росс» сбросит свое добро на южном мысу, но он знал, что единственный способ победить страх — это встретить его лицом к лицу, он хорошо усвоил этот урок во время войны, а все же, будь его воля, он бы никогда и ни за что добровольно не вошел в воду. Океан наблюдал за ним, ощупывал его. Он физически ощущал, что океан древнее самих богов и горд собой, оттого что унес столько жизней.

Было около девяти, когда он увидел маяк. Он не мог быть до конца уверен, поскольку его часы остались в кармане пиджака, но, судя по положению солнца, это было так. Он выбрался на берег, над которым нависал тот самый утес, и лежал на большом валуне под солнцем до тех пор, пока не кончилась дрожь и синюшная кожа не приобрела нормальный оттенок.

Если Чак там, наверху, Тедди вывезет его отсюда, в каком бы состоянии тот ни находился. Живого или мертвого, он не оставит его здесь.

Тогда тебе смерть.

Он узнал голос Долорес и не мог не признать ее правоты. Два дня ожидания траулеров вместе с небоеспособным, нефункционирующим Чаком гарантировали провал. Их накроют...

Тедди улыбнулся.

...как двуногих псов.

Я не могу его бросить, сказал он Долорес. Не могу. Другое дело, если я его не найду. Но он мой напарник.

Ты с ним только-только познакомился.

Все равно он мой напарник. Если он на маяке, если они его мучают идерживают против воли, я должен его освободить.

Даже ценой своей смерти?

Даже ценой моей смерти.

Тогда надеюсь, что его там нет.

Он спустился с валуна и пошел по дорожке из песка и ракушек, которая огибалась островок из водорослей, и тут он поймал себя на мысли, что Коули не совсем прав, считая его склонным к самоубийству. Скорее тут нужно говорить о тяге к смерти. Уже который год он не видел резона жить, это правда. Но в равной степени он не видел резона оборвать жизнь. Собственоручно? Даже по ночам, в минуты отчаяния, это казалось ему недостойным выходом. Постыдным. Мелочным.

А вот...

Вдруг перед ним вырос охранник, чей вид обескуражил его не меньше, чем того вид Тедди. Охранник стоял с расстегнутой ширинкой, винтовка закинута за спину. Он потянулся было к ширинке, а потом передумал, но Тедди уже успел ударить его по кадыку основанием ладони. Тот схватился за горло, а Тедди, пригнувшись, врезал ему ногой по спине, после чего охранник рухнул, и тогда Тедди, снова распрымившись, с размаху пнул его в правое ухо. У бедняги закатились глаза и отвалилась челюсть.

Тедди, склонившись над ним, снял с плеча ремень и вытащил из-под тела винтовку. Дыхание прослушивалось. Значит, живой.

Теперь он был вооружен.

За ограждением он увидел небольшой барак, который и решил проверить для начала. Внутри он обнаружил несколько коек, журналы с девочками, кружку со старым кофе да два комплекта униформы охранников на вбитых в дверь крючках.

Он вышел из барака и направился прямиком к маяку. Толкнув дверь прикладом винтовки, он оказался в пустой сырватой комнате с цементным полом и плесенью на стенах. Спиральная лестница вела наверх.

Он поднялся по ней на второй этаж, тоже пустой. Наверняка здесь должен быть подвал, и немаленький, вероятно соединенный переходом

с самой больницей. Хотя... маяк — он и есть маяк.

Он услышал какое-то поскребывание наверху, поднялся по лестнице еще на один пролет и увидел перед собой массивную железную дверь. Он ткнул в нее дулом винтовки, и она слегка подалась.

К поскребыванию добавились запах сигаретного дыма и шум океана. Здесь, на верхотуре, гулял ветер. Если смотритель сообразил разместить охранников по ту сторону двери, подумал Тедди, то мне кранты.

Милый, беги.

Не могу.

Почему?

Потому что все нити ведут сюда.

Что ты имеешь в виду?

Всё. Всё вместе.

Я не понимаю...

Ты. Я. Лэддис. Чак. Этот бедолага Нойс. Все нити ведут сюда. Или это сейчас прекратится, или я сам положу этому конец.

Вспомни его руки. Я о Чаке. Неужели ты до сих пор не понял?

Нет. А что такое?

Его руки, Тедди. Они его выдали.

Он понял, о чем она говорит. Руки Чака — да, это было важно, но не сейчас, когда он стоял на лестнице перед железной дверью.

Я должен туда войти, детка.

О'кей. Только будь осторожен.

В полуприседе, с винтовкой в левой руке, упертой прикладом в бок, и правой, лежащей на полу для большей устойчивости, Тедди долбанул ногой в дверь, та распахнулась, он по инерции упал на одно колено и, быстро вскинув винтовку, взял под прицел...

Коули.

Тот сидел за столом спиной к раскрытыму квадратному оконцу, за которым голубел и серебрился океан, легкий бриз наполнял комнату морскими запахами и играл его волосами.

Коули не выглядел удивленным. Или испуганным. Он стряхнул пепел в стоявшую перед ним пепельницу и сказал, обращаясь к Тедди:

— Малыш, ты почему весь мокрый?

Стена за спиной Коули была вся закрыта розовыми простынями, соединенными мятыми полосками скотча. На рабочем столе стояла полевая рация, а еще там можно было увидеть разные папки, блокнот и пиджак Тедди, учетный листок Лэддиса. На стуле в углу лежал магнитофон с крутящимися бобинами, стоящий сверху микрофончик был направлен в комнату. Непосредственно перед Коули лежала тетрадь в черном кожаном переплете, в которой он что-то писал.

— Садитесь, — сказал он, оторвавшись от писанины.

— Что вы сказали?

— Я сказал «садитесь».

— Нет, перед этим.

— Вы меня отлично поняли.

Тедди шагнул в комнату. Хотя приклад винтовки больше не упирался в плечо, дуло было по-прежнему направлено на главврача.

Коули продолжил писать в тетрадь.

— Она не заряжена.

— Что?

— Винтовка. Там нет патронов. С вашим боевым опытом могли бы и заметить.

Тедди дернул на себя затвор и проверил патронник. Он был пуст. На всякий случай он направил дуло на боковую стену и нажал на спуск, но в ответ услышал лишь сухой щелчок.

— Можете поставить ее в угол, — сказал Коули.

Тедди положил винтовку на пол и подтянул к себе свободный стул, но не сел.

— Что там за этими простынями?

— Об этом мы еще поговорим. Садитесь. И снимите мокрую одежду. Вот, держите. — Коули бросил ему через стол большое махровое полотенце. — Оботритесь немножко, а то еще простудитесь.

Тедди просушил волосы, затем снял рубашку, скомкал и швырнулся в угол, обтер торс. Закончив эту процедуру, он взял со стола пиджак.

— Не возражаете?

Коули оторвался от тетради:

— Нет, конечно. Берите.

Тедди надел пиджак на голое тело и сел на стул.

Коули еще немного пописал, царапая пером бумагу.

— Сильно вы помяли охранников? — поинтересовался он.

— Не очень, — ответил Тедди.

Коули, кивнув, бросил ручку на тетрадь и покрутил ручку рации, чтобы ее подзарядить. Потом снял телефонную трубку, переключил рычажок коммутатора и сказал в трубку:

— Да, он здесь. Пусть доктор Шин проверит ваших ребят, а затем пришлите его ко мне.

Он положил трубку на рычаг.

— Неуловимый доктор Шин, — сказал Тедди.

У Коули брови походили вверх-вниз.

— Попробую угадать. Он приехал утренним паромом.

Главврач покачал головой:

— Все это время он был на острове.

— Прячась у всех на виду, — съязвил Тедди.

Коули развел руки и слегка пожал плечами:

— Он блестящий психиатр. Молодой, но многообещающий. Это был наш совместный план, его и мой.

Тедди почувствовал, как задергалась жилка на шее слева.

— И как, сработал?

Коули поднял страницу тетради, чтобы бросить взгляд на следующую, затем разжал пальцы.

— Не очень. Я ожидал большего.

Он встретился взглядом с Тедди, и последний увидел в его глазах то, что он уже видел когда-то на лестнице и на собрании персонала перед ураганом, и это выражение никак не вязалось ни с информацией о нем, ни с этим островом, ни с маяком, ни с той дьявольской игрой, которую они тут все затеяли.

Сострадание.

Если бы Тедди не знал истинного положения дел, то поклялся бы, что именно это выражение читается во взоре главврача.

Тедди обвел взглядом комнатку, простыни на стене.

— Вот он, значит, какой.

— Вот такой, — согласился Коули. — Маяк. Священный Грааль. Великая правда, которой вы взыскиваете. Он оправдывает ваши

ожидания?

— Я еще не видел подвала.

— Здесь нет подвала.

— Это маяк.

Тедди воззрился на свой блокнот, лежащий на столе.

— Ваш блокнот с описанием разных историй болезни, да, — подтвердил Коули. — Мы обнаружили его в вашем пиджаке, в лесу, неподалеку от моего дома. Вы взорвали мою машину.

Тедди повел плечами:

— Сожалею.

— Моя любимая машина.

— Это чувствуется.

— Я стоял в автомобильном салоне весной сорок седьмого и, когда сделал выбор, помнится, сказал себе: «Ну вот, Джон, ты и поставил галочку. Теперь тебе не понадобится другая машина по крайней мере в ближайшие пятнадцать лет». — Он вздохнул. — С каким удовольствием я тогда поставил галочку.

Тедди поднял руки, как бы сдаваясь:

— Еще раз примите мои сожаления.

Коули покачал головой:

— Неужели вы хоть на минуту поверили в то, что мы позволим вам проникнуть на этот паром? Даже если бы вы устроили глобальную диверсию, взорвав весь остров, что, по-вашему, это изменило бы?

Тедди пожал плечами.

— Сегодня утром все наши службы занимались исключительно вашей персоной, а именно тем, чтобы не подпустить вас к парому, — сказал Коули. — Я не понимаю, на что вы рассчитывали.

— Это мой единственный шанс. Я должен был попытаться, — объяснил Тедди.

Коули разглядывал его в некотором замешательстве, а затем опустил глаза и пробормотал:

— Как же я любил эту машину.

— У вас есть вода? — спросил Тедди.

Коули, не сразу отреагировавший на просьбу, наконец развернулся на стуле, и за его спиной, на подоконнике, обнаружился графин с водой и два стакана. Он наполнил оба и один протянул через стол.

Тедди одним глотком осушил свой стакан.

— Сухость во рту? — сказал Коули. — Словно зуд, который, сколько ни пей, не проходит? — Он пододвинул графин и смотрел, как Тедди снова наполняет стакан. — И трепет в руках усиливается. А как ваша мигрень?

При этих словах за левым глазным яблоком его пронзила острая боль, как будто туда воткнули раскаленный прут, а оттуда боль распространилась сначала к виску, а затем еще выше, по всей черепной коробке, а также вниз, к скуле.

— Ничего, — выдавил он из себя.

— Будет хуже.

Тедди отпил еще воды.

— Не сомневаюсь. Об этом меня предупредила врач.

Коули с улыбкой откинулся назад и постучал ручкой по тетради.

— Это кто же?

— Я не спросил ее имя, но она когда-то работала с вами.

— Вот как. И что же она вам конкретно сказала?

— Она сказала, что нейролептики начинают действовать на четвертый день. Она предсказала и сухость во рту, и головные боли, и трепет.

— Хороший специалист.

— Ага.

— Только это не от нейролептиков.

— Нет?

— Нет.

— А отчего тогда?

— От воздержания, — сказал Коули.

— Воздержания от чего?

Еще одна улыбка, а затем взгляд Коули сделался отстраненным, он открыл блокнот на последней странице и пододвинул его Тедди.

— Это ведь ваш почерк?

Тедди глянул на страницу.

— Допустим.

— Последний шифр?

— Ну да, шифр.

— Который вы не разгадали.

— У меня не было возможности. Началась небольшая заварушка, если вы не заметили.

— Конечно, конечно. — Коули снова постучал ручкой по тетради. — Может, сейчас попробуете?

Тедди посмотрел на ряд из девяти цифр вперемежку с буквами:

13(M)-21(U)-25(Y)-18(R)-1(A)-5(E)-8(H)-15(0)-9(I)

А раскаленный прут все тыкал изнутри глазное яблоко.

— Вообще-то я неважно себя чувствую.

— Но это же просто, — сказал Коули. — Девять букв.

— Сейчас... мигрень немного отпустит.

— Хорошо.

— Воздержание от чего? — повторил свой вопрос Тедди. — Что вы мне давали?

Главврач похрустел суставами пальцев и с широким зевком откинулся на спинку стула.

— Хлорпромазин. Он дает побочный эффект. И боюсь, не один. Я от него не в восторге. Вообще-то я собирался прописать вам имипрамин, но в свете последних событий от этой идеи придется отказаться. — Он подался вперед. — В целом я не большой поклонник фармакологии, но в вашем случае это необходимость.

— Имипрамин?

— Еще его называют тофранил.

Тедди улыбнулся:

— Ихлорпро...

— ...мазин, — кивнул Коули. — Это то, что вы должны принимать и от чего вы пока воздерживаетесь. Мы вам даем хлорпромазин последние два года.

— Последние... что вы сказали?

— Два года.

Тедди хмыкнул:

— Послушайте, я знаю, что у вас, ребята, длинные руки. Но зачем набивать себе цену?

— Я не набиваю себе цену.

— Вы накачиваете меня в течение двух лет?

— Я предпочитаю термин «лечим».

— Вы хотите сказать, что в бюро федеральных приставов у вас есть свой человек, который каждое утро подмешивает мне в кофе эту

дрянь? Погодите, или он работает в киоске, где я по дороге на службу покупаю стакан кофе? Еще лучше. Значит, в течение двух лет ваш человек в Бостоне пичкал меня лекарствами.

— Не в Бостоне, — тихо произнес Коули. — Здесь.

— Здесь?

Главврач кивнул.

— Здесь. Вот уже два года вы являетесь пациентом этой больницы.

До слуха Тедди донесся звук прибоя, в ярости разбивающегося о скалы. Он сцепил пальцы, чтобы как-то унять дрожь, стараясь не обращать внимания на пульсирующий глаз, а уколы становились все жарче и настойчивее.

— Я федеральный пристав, — сказал Тедди.

— Вы *были* федеральным приставом, — поправил его Коули.

— Был и есть. Федеральный пристав Соединенных Штатов. Я выехал из Бостона в понедельник утром 22 сентября 1954 года.

— Вот как? Может, вы мне скажете, как вы добрались до парома? — попросил Коули. — На машине? И где же вы припарковались?

— Я приехал на метро.

— Ветка метро не доходит до порта.

— Я пересел на автобус.

— Почему не на машине?

— Она в ремонте.

— Ах так. А что вы помните об этом дне? О воскресенье? Вы можете мне рассказать, чем вы занимались? Что с вами было перед тем, как вы очнулись в туалете на пароме?

Да, он мог рассказать. Точнее, мог бы, если бы не этот чертов прут, сверливший изнутри его глаз, откуда боль распространялась в гайморову полость.

Ладно. Напрягись. Скажи ему, что ты делал в воскресенье. Ты пришел домой с работы. В свою квартиру в Баттонвуде. Нет, нет. Квартира в Баттонвуде сгорела дотла, после того как ее поджег Лэддис. Тогда где ты живешь? Господи. Стоит перед глазами. Сейчас, сейчас. На... на... Каслмонт-авеню. Ну конечно. У воды.

О'кей, о'кей. Расслабься. Ты вернулся к себе на Каслмонт, поужинал, потом выпил молока и лег спать. Так? Так.

— А как насчет этого? — спросил Коули и пододвинул ему учетный листок Лэддиса. — Успели посмотреть?

— Нет.

— Нет? — Главврач присвистнул. — Вы же ради этого приехали. Если вы принесете сенатору Херли эту бумажку — доказательство отрицаемого нами существования шестьдесят седьмого пациента, — вы раскроете наши черные делишки.

— Это правда.

— Еще какая правда. И у вас за двадцать четыре часа не нашлось времени на нее взглянуть?

— Я же сказал, началась небольшая...

— Заварушка, понимаю. Что ж, взгляните сейчас.

Тедди прочел: имя, возраст, дата поступления. И комментарии:

Пациента отличает высокий интеллект и в высшей степени бредовые идеи. Склонность к насилию. Повышенная возбудимость. Не испытывает угрызений совести за совершенные преступления, поскольку отказывается их признавать. Пациент сочинил целую серию детально проработанных фантастических историй, которые мешают ему осознавать свои реальные действия.

Подпись: доктор Л. Шин

— Вполне правдоподобно, — сказал Тедди.

— Вполне правдоподобно?

Тедди кивнул.

— В отношении кого?

— Лэддиса.

Коули встал. Он подошел к стене и сдернул одну из простыней.

Прямо на стене пятнадцатисантиметровыми заглавными буквами были написаны четыре имени:

EDWARD DANIELS — ANDREW LAEDDIS
RACHEL SOLANDO — DOLORES CHANAL

Тедди ждал продолжения, как, впрочем, и Коули, так что целую минуту оба хранили молчание.

Наконец Тедди изрек:

— Свой резон в этом, наверно, есть.

— Вглядитесь в имена.

— Я вижу.

— Вы, пациент номер 67, пропавшая пациентка и ваша жена.

— Да. Я не слепой.

— Вот вам ваше «правило четырех», — сказал Коули.

— В смысле? — Тедди массировал висок в надежде каким-то образом выгнать изнутри этот огненный прут.

— Вы у нас гений по части шифров, вот вы мне и скажите.

— Что я должен сказать?

— Что общего между именами Эдвард Дэниелс и Эндрю Лэддис?

Он уставился на собственное имя в паре со вторым.

— В них по тринадцать букв.

— Верно, — сказал Коули. — Верно. А еще?

Тедди долго вглядывался.

— Не знаю.

— Ну же. — Коули снял рабочий халат и перекинул через спинку стула.

Он пытался сконцентрироваться, уже успев устать от этой салонной игры.

— Не спешите.

Очертания букв начали расплываться.

— Что-нибудь еще?

— Ничего не вижу. Только одно, тринадцать букв.

Коули хлопнул по именам тыльной стороной ладони.

— Ну же!

Тедди помотал головой, испытывая тошноту. Буквы прыгали перед глазами.

— Сосредоточьтесь.

— Я сосредоточился.

— Что общего между буквами? — давил Коули.

— Я не... Их тринадцать. Там и там.

— А еще?

Буквы начали сливаться.

— Ничего.

— Ничего?

— Ничего. Чего вы от меня ждете? Как я могу сказать вам то, чего не знаю? Я не...

— Одни и те же буквы! — выкрикнул Коули.

Тедди подался вперед, стараясь сфокусировать взгляд, чтобы буквы перестали плясать.

— Что?

— Одни и те же буквы.

— Нет.

— Это взаимосвязанные анаграммы.

— Нет, — упрямо повторил Тедди.

— Нет? — Коули нахмурился и провел пальцем по верхнему ряду. — Одни и те же буквы. Всмотритесь. Edward Daniels. Andrew Laeddis. Одни и те же. Вы по части шифров дока, даже подумывали стать шифровальщиком во время войны, не правда ли? И вы мне говорите, что не видите полного совпадения букв в этих именах?

— Нет! — Тедди тер запястьями глаза, тщетно пытаясь их прочистить или избавиться от лишнего света.

— «Нет» в том смысле, что это не одни и те же буквы? Или что вы *не хотите*, чтобы они оказались одними и теми же буквами?

— Это невозможно.

— Это так. Раскройте глаза. Смотрите внимательней.

Тедди, еще шире раскрыв глаза, продолжал мотать головой, и буквы подрагивали и прыгали из стороны в сторону.

Коули хлопнул ладонью по нижнему ряду букв.

— Тогда попробуйте это. Dolores Chanal и Rachel Solando. По тринадцать букв. Не хотите мне сказать, что между ними общего?

Тедди отдавал себе отчет в том, что видит, но он также понимал, что это невозможно.

— Нет? Это вам тоже не по зубам?

— Этого не может быть.

— И тем не менее, — сказал Коули. — Снова одни и те же буквы. Взаимосвязанные анаграммы. Вы приехали сюда ради правды? Вот она, ваша правда, Эндрю.

— Тедди, — сказал Тедди.

Главврач смотрел ему в глаза с уже знакомым фальшивым выражением участия.

— Ваше имя Эндрю Лэддис, — сказал Коули. — Шестьдесят седьмой пациент «Эшклифа» — это вы, Эндрю.

— Вранье!

Тедди выкрикнул это, и крик эхом отозвался в его голове.

— Ваше имя Эндрю Лэддис, — повторил Коули. — Вас поместили в эту клинику по решению суда год и десять месяцев тому назад.

Тедди досадливо махнул рукой:

— Это уже чересчур даже для вас, ребята.

— Факты, Эндрю, факты. Вы...

— Не называйте меня так.

— ...поступили к нам почти два года назад, после того как совершили страшное преступление. Общество такое простить не может, в отличие от меня. Посмотрите мне в глаза, Эндрю.

Его взгляд двинулся вверх по протянутой руке, еще выше, по торсу, и наконец встретился с глазами главврача, светившимися этим фальшивым состраданием, этой имитацией участия.

— Меня зовут Эдвард Дэниелс.

— Нет. — Коули тряхнул головой с видом человека, теряющего последние силы. — Вас зовут Эндрю Лэддис. Вы сделали страшную вещь и не можете себе этого простить, поэтому разыгрываете спектакль. Вы придумали насыщенный событиями сложный сюжет, в котором вы являетесь героем, Эндрю. Вы убедили себя в том, что вы по-прежнему федеральный пристав и приехали сюда по заданию. А здесь вы раскрыли заговор, и, стало быть, что бы мы вам тут ни говорили, это только работает на вашу фантазию о заговорщиках. Наверно, можно было бы махнуть на это рукой, живите себе в своем мире фантазии. Я — за. Если бы вы были безобидны, я только за. Но вы склонны к насилию, это ваша стихия. К тому же, с учетом вашего военного опыта и подготовки в силовых структурах, вы здорово поднаторели. Вы самый опасный пациент в этой клинике. С вами не могут справиться. Вот почему было принято решение... посмотрите на меня.

Тедди поднял глаза. Коули потянулся к нему через стол с мольбой во взгляде.

— Было решено, что, если мы не сумеем вернуть вам здравый смысл — сейчас, прямо сейчас, — будут приняты радикальные меры, чтобы впредь вы уже никому не причинили зла. Я понятно выражаюсь?

На секунду — даже не на полную секунду, на десятую долю — Тедди ему почти поверил. Но затем он улыбнулся.

— У вас, док, хорошо получается. А плохого полицейского сыграет Шин? — Он оглянулся на дверь. — Не пора ли ему уже появиться?

— Смотрите на меня, — сказал Коули. — Смотрите мне в глаза.

Тедди посмотрел. Глаза главврача были красные от недосыпа, с признаками головокружения. И чего-то еще. Чего же? Он вглядывался в эти глаза, выдерживая пристальный взгляд Коули. И тут до него дошло. Он понимал, что впечатление обманчиво, но взгляд выдавал человека с разбитым сердцем.

— Послушайте, — сказал Коули. — Кроме меня, у вас никого нет и не было. Вот уже два года, как я выслушиваю ваши фантазии. Мне знакома каждая деталь, каждая складочка — шифры, пропавший напарник, ураган, женщина в пещере, бесчеловечные эксперименты на маяке. Я все знаю про Нойса и про вымышленного сенатора Херли. Я знаю про Долорес, которая регулярно является вам во сне, мокрая до нитки. Я знаю про поленья на кухонном столике.

— Всё-то вы врете, — перебил его Тедди.

— Тогда откуда мне это известно?

Тедди взвешивал факты на своих дрожащих пальцах.

— Я ел вашу еду, пил ваш кофе, курил ваши сигареты. Блин, я принял три таблетки «аспирин», которые вы мне дали в утро моего приезда. А на следующий день вы меня усыпили. Когда я очнулся, вы сидели возле моей кровати. С этой минуты я уже был сам не свой. Вот с чего все началось. С этого вечера и моей мигрени. Чем вы меня накачали?

Коули откинулся назад. Лицо его исказила гримаса, как будто он проглотил какую-то кислятину, взгляд уткнулся в окно.

— Мое время истекает, — прошептал он.

— Что вы сказали?

— Время, — тихо сказал он. — Мне дали четыре дня, и они практически истекли.

— Так отпустите меня. Я вернусь в Бостон и напишу отчет об увиденном, но вы не бойтесь — ваши влиятельные друзья все равно не дадут ему ходу.

— Нет, Эндрю, — сказал Коули. — У меня не осталось друзей. Восемь лет я вел здесь бои, и теперь весы качнулись в сторону моих оппонентов. Я проиграю и потеряю свое положение и финансирование. Я поклялся перед наблюдательным советом, что удачно проведу ролевую игру, какой еще не знала психиатрия, и что она вас спасет. Вернет вас к нормальной жизни. А если я ошибался? — Глаза у него расширились, рука подперла подбородок, словно он пытался поставить на место нижнюю челюсть. Но затем рука упала, и он встретился взглядом с Тедди. — Эндрю, неужели вы не понимаете? Ваше поражение станет моим поражением. А мое поражение будет означать конец.

— Да, дело швах, — подытожил Тедди.

За окном кричали чайки. До него долетали запахи соли, и солнца, и мокрого песка.

— Подойдем с другого боку, — продолжал Коули. — Вы считаете случайным совпадением, что имя Рейчел Соландо, являющейся, кстати, исключительно плодом вашего воображения, содержит те же самые буквы, что и имя вашей покойной жены, и тот факт, что она тоже убила своих детей?

Тедди встал, теперь у него дрожали руки от кончиков пальцев до плеч.

— Моя жена не убивала своих детей. У нас не было детей.

— Не было детей? — переспросил Коули и подошел к стене.

— Нет, черт бы вас побрал.

— О'кей. — Главврач сдернул очередную простыню.

На стене открылись: диаграмма с места преступления, фотографии озера, фотографии трех детских трупов. И их имена, написанные такими же крупными печатными буквами:

ЭДВАРД ЛЭДДИС
ДЭНИЕЛ ЛЭДДИС
РЕЙЧЕЛ ЛЭДДИС

Тедди поглядел на свои руки; они подпрыгивали так, будто жили отдельной от него жизнью. Если бы можно было сейчас на них наступить, он бы сделал это с удовольствием.

— Это ваши дети, Эндрю. Или вы будете отрицать, что они существовали? Не слышу?

Тедди наставил на него дрожащую руку с вытянутым указательным пальцем:

— Это дети Рейчел Соландо. Это озеро возле ее дома и диаграмма с места преступления.

— Это ваш дом. Вы туда переехали, прислушавшись к рекомендациям лечащих врачей вашей жены. Помните? После того как она *случайно* устроила пожар в вашей квартире. Увезите ее из города, сказали они, куда-нибудь на природу. Может быть, она поправится.

— Она не была больной.

— Она была сумасшедшей, Эндрю.

— И перестаньте, черт подери, называть меня так. Она не была сумасшедшей.

— Классическая депрессия. Ей был поставлен диагноз: маниакально-депрессивный психоз. Она была...

— Неправда.

— ...склонна к суициду. Она мучила детей. Вы закрывали на это глаза. Вы считали ее слабохарактерной. Вы себе говорили: здравомыслие — это вопрос выбора, ей только надо вспомнить про свои обязанности. По отношению к вам. К детям. Вы запили, дальше — больше. Вы затворились в своей раковине. Старались реже бывать дома. Игнорировали опасные знаки. Пропускали мимо ушей то, что вам говорил приходский священник, ее собственные родные.

— Моя жена не была сумасшедшей!

— Почему игнорировали? Потому что вы ее *стыдились*.

— Моя жена не была...

— У психиатра, один-единственный раз, она оказалась после неудачной попытки самоубийства и была помещена в клинику. Даже вы оказались тут бессильны. Вам было сказано, что она представляет угрозу как для себя...

— Мы никогда не обращались к психиатру!

— ...так и для своих детей. Вас многократно предупреждали.

— У нас не было детей. Мы говорили об этом, но она никак не могла забеременеть.

Господи! Такое чувство, как будто в голову ему вбивают скалкой куски стекла.

— Подойдите сюда, — попросил Коули. — Ну же. Подойдите ближе и взгляните на имена и фотографии с места преступления. Вам будет интересно узнать...

— Это может быть подделка. Вы могли всё подделать.

— Вас преследуют кошмары. Каждую ночь. Вы никуда не можете от них деться, Эндрю. Вы рассказывали мне свои сны. В последнее время вам не снились два мальчика и маленькая девочка? А? Она приводила вас к вашему надгробному камню? Вы «плохой моряк», Эндрю. Вам объяснить, что это значит? Это значит, что вы плохой отец. Вы не вели их правильным курсом. Вы их не спасли. Не хотите поговорить о «бревнышках»? А? Подойдите и *посмотрите*. Разве это не дети из ваших ночных кошмаров?

— Ерунда.

— Так вы гляньте. Подойдите и посмотрите.

— Вы меня накачали, вы убили моего напарника, вы говорите, что он не существовал. Вы собираетесь упечь меня в клетку, потому что я знаю, чем вы тут занимаетесь. Я знаю про эксперименты. Я знаю о препаратах, которые вы даете шизофреникам, о бесконтрольном применении лоботомии, о полном игнорировании Нюрнбергского кодекса. Я знаю все про ваши делишки, доктор.

— Вот как? — Коули скрестил руки на груди, привалившись к стене. — Просветите меня, будьте так добры. За четыре дня вы здесь все осмотрели. Вы проникли в каждый уголок. Где врачи-нацисты? Где вы видели сатанинские операции?

Он снова подошел к столу, чтобы заглянуть в свои записи.

— Эндрю, вы все еще верите, что мы занимаемся промыванием мозгов? Что мы давно проводим эксперименты по созданию... как вы выразились? ах да... солдат-призраков! Профессиональных убийц! — Он хмыкнул. — Я должен отдать вам должное, Эндрю. Даже в наш век воинствующей паранойи мало кто может сравниться с вашими фантазиями.

Тедди наставил на него дрожащий палец:

— Это экспериментальная клиника с радикальными методами лечения...

— Все верно.

— Вы принимаете самых буйных больных.

— И снова вы правы. Одна поправка: *и* самых помешанных.

— А еще вы...

— Ну?

— Проводите эксперименты...

— Да! — Коули хлопнул в ладоши и отвесил короткий поклон. —

Признаюсь во всех грехах.

— Хирургические.

Коули поднял вверх палец:

— Вот это нет. Извините. В этой области никаких экспериментов.

Хирургические операции проводятся лишь в крайних случаях и каждый раз при моем отчаянном сопротивлении. Но у меня только один голос, и не в моей власти сразу изменить десятилетиями сложившуюся практику.

— Вы лжете.

Коули вздохнул:

— Приведите мне один пример, подтверждающий ваши общие рассуждения. Хотя бы один.

Тедди хранил молчание.

— А те факты, которые представил вам я, вы предпочли оставить без комментариев.

— Потому что это никакие не факты. Все сфабриковано.

Коули сложил ладони и приложил их к губам, словно в молитве.

— Выпустите меня с этого острова, — сказал Тедди. — Как офицер федеральной службы при исполнении обязанностей я требую, чтобы вы меня выпустили.

Коули на секунду закрыл глаза. Когда он их снова открыл, взгляд сделался яснее и жестче.

— О'кей, о'кей. Вы меня убедили, пристав. Я облегчу вам задачу.

Он поднял с пола кожаный дипломат, щелкнул замочками — и на стол полетел пистолет.

— Это ваш пистолет?

Тедди молча разглядывал оружие.

— На рукояти выгравированы ваши инициалы, правильно?

Тедди продолжал смотреть, глаза застилал пот.

— Да или нет, *пристав*? Это ваш пистолет?

Он видел щербинку на дуле от выстрела Филипа Стакса, который метил в него, а попал в сталь и в результате погиб от рикошета собственной пули. Он видел инициалы Э. Д. на рукояти пистолета, подарка местного отделения приставов. А на защитной скобе, закрывающей спусковой крючок, остались царапины, после того как во время погони в Сент-Луисе зимой сорок девятого пистолет упал на асфальт.

— Это ваш пистолет?

— Да.

— Возьмите его, пристав. Убедитесь в том, что он заряжен.

Тедди перевел взгляд с оружия на главврача.

— Ну же, пристав. Возьмите его в руки.

Тедди выполнил просьбу. Пистолет дрожал на ладони.

— Заряжен? — спросил Коули.

— Да.

— Уверены?

— Я чувствую вес.

Коули кивнул:

— Тогда стреляйте. Это ваш единственный шанс покинуть остров.

Тедди попробовал укрепить руку с пистолетом другой рукой, но та дрожала не меньше. Он сделал несколько вдохов с медленными выдохами, глядя в прицел через пелену пота, застилающую глаза, но Коули, находившийся от него в каком-то метре, прыгал перед ним вверх-вниз и раскачивался из стороны в сторону, как будто они оба стояли на палубе в открытом море.

— У вас пять секунд, пристав.

Коули взял трубку радио, покрутил ручку и поднес трубку ко рту.

— Три секунды. Жмите на спуск, или вы окончите свои дни на этом острове.

Тедди ощущал тяжесть оружия. Даже несмотря на трепет, у него был шанс. Убить Коули, убить тех, кто сейчас ждет за дверью.

— Пришлите его ко мне, — сказал главврач в трубку.

Но вот зрение его прояснилось, и трепет ослаб до мелкой дрожи, и он увидел сквозь прицел, как Коули кладет трубку на место.

Лицо главврача приняло удивленное выражение, словно только сейчас до него дошло, что у Тедди может хватить сил довести дело до конца.

Предостерегающим жестом он поднял руку вверх:

— О'кей, о'кей.

И тогда Тедди выстрелил ему точнехонько в середину грудной клетки.

А затем взял чуть выше и выстрелил в лицо.

Водой.

Коули нахмурился. Часто поморгал. Достал из кармана носовой платок.

В это время за спиной Тедди открылась дверь, он резко развернулся на стуле и взял вошедшего на мушку.

— Не стреляй, — сказал Чак. — Я забыл надеть плащ.

Коули вытер лицо платком и сел на стул, а Чак обогнул стол и остановился рядом с ним. Тедди вертел перед собой странный пистолет.

Потом он перевел взгляд на Чака, который успел сесть, и только сейчас заметил на нем рабочий халат.

— Я думал, ты погиб, — сказал он.

— Жив курилка, — ответил Чак.

Вдруг Тедди стало трудно говорить. Он начал заикаться, как и предсказывала ему женщина-врач.

— Я... я... готов... был... умереть, чтобы вытащить тебя... отсюда. Я... — Он бросил пистолет на стол, чувствуя, что из него ушли последние силы. Он рухнул на стул, не в силах продолжать.

— Мне очень жаль, — сказал Чак. — Мы с доктором Коули промучились не одну неделю, прежде чем решили запустить этот план. Меньше всего мне хотелось оказаться предателем или тебя расстроить. Поверь мне. Но мы посчитали, что у нас нет альтернативы.

— Времени у нас в обрез, — заметил Коули. — Это была наша последняя попытка вернуть вас к жизни, Эндрю. Идея радикальная даже для этого заведения, но я надеялся, что она сработает.

Тедди хотел утереть пот с глаз, но только размазал. Он вглядывался в Чака сквозь эту пелену.

— Кто вы? — спросил он.

Чак протянул ему руку через стол:

— Доктор Лестер Шин.

Тедди от рукопожатия отказался, и через пару секунд Шин ее убрал.

— Значит... — Тедди ноздрями втянул влажный воздух, — значит, вы спокойно выслушивали мои слова о том, как нам необходимо найти Шина, а сами... а сами и были этим Шином.

Шин молча кивнул.

— Называли меня «боссом». Травили анекдоты. Развлекали. И все это время следили за каждым моим шагом, да, Лестер?

Шин, не выдержав его взгляда, опустил глаза на собственный галстук, которым он тихо поигрывал.

— Я должен был присматривать за вами в интересах вашей же безопасности.

— Моей безопасности, — повторил Тедди. — Это меняет дело. Все сразу стало моральным.

Шин оставил в покое свой галстук.

— Мы знаем друг друга два года, Эндрю.

— Меня зовут не Эндрю.

— Я ваш психиатр. Вот уже два года. Неужели вы меня не узнаете?

Тедди манжетой пиджака провел по глазам, на этот раз зрение прояснилось, и он отчетливо разглядел перед собой старину Чака с его неумелым обращением с оружием и изнеженными руками, никак не вязавшимися с профессией силовика. Это были руки врача.

— Вы были моим другом, — сказал Тедди. — Я вам доверял. Рассказывал о своей жене. Об отце. Ради вас я корячился на этом чертовом утесе. А в это время вы за мной присматривали? В интересах моей безопасности? Вы были моим другом, Чак. Ах, извините. Лестер.

Шин закурил, и Тедди не без удовольствия отметил про себя, что у доктора тоже дрожат руки. Не сильно. Не так, как у него самого, но все же. Правда, после того как доктор закурил и бросил обгорелую спичку в пепельницу, трепет прекратился.

Надеюсь, тебя мучит та же проблема, подумал Тедди.

— Да, — заговорил Шин, Тедди же зарекся с этой минуты думать о нем как о Чаке. — Да, я заботился о вашей безопасности. Мое исчезновение, если хотите знать, было частью вашей фантазии. Учетный листок Лэддиса вы должны были найти на дороге, но на вершине утеса произошла неожиданность. Я вытащил бумажку из заднего кармана, и ее унес ветер. Я полез за ней вниз, понимая, что иначе по этой крутизне полезете вы. Спустился под ребро утеса, а дальше не могу. Захватило дух. А минут через двадцать вы спустились у меня под носом. При желании я мог до вас дотронуться.

Коули прочистил горло.

— Когда вы полезли с обрыва, мы уже были готовы отменить всю затею. Зря не отменили.

— Затея. — Тедди подавил смешок, прикрыв рот ладонью.

— Да, Эндрю, это был спектакль, — сказал Коули. — Такая...

— Меня зовут Тедди.

— ...пьеса, между прочим, вами написанная, а мы лишь помогли вам ее поставить. Но пьесы без финала не бывает, а финалом в данном случае был для вас маяк.

— Как удобно, — покивал Тедди, разглядывая голые стены.

— Вы рассказывали нам эту историю на протяжении двух лет. Про то, как вы приехали сюда в поисках пропавшего больного и столкнулись с хирургическими экспериментами в духе Третьего рейха и промывкой мозгов в советском духе. Про то, как Рейчел Соландо убила троих своих детей, в точности как ваша жена. Про то, как у вас силой отняли вашего напарника. Кстати, ну и имечко вы ему дали! Чак Ауле. С ума сойти. Попробуйте быстро произнести несколько раз подряд. Шутки у вас, Эндрю, скажу я вам. Ну вот, отняли, значит, у вас напарника, и вам пришлось бороться в одиночку, но тут вас взяли в оборот. Чем-то накачали. И теперь вы не можете рассказать всю правду сенатору Херли. Тоже выдуманному. Вам перечислить имена сенаторов от штата Нью-Гэмпшир, Эндрю? Они у меня записаны.

— Так вы всё подстроили? — спросил Тедди.

— Да.

И тут он захотел. Последний раз он так смеялся, когда Долорес была еще жива. Отголоски смеха, сталкиваясь друг с другом и возвращаясь к нему, смешивались с новыми взрывами, обтекали стены и выплескивались наружу, в океан.

— А ураган вы тоже подстроили? — Он хлопнул по столу от избытка чувств. — Интересно, доктор, как вам это удалось?

— Подстроить ураган невозможно, — ответил Коули.

— Да уж, — сказал Тедди. — Даже у вас не получится. — И еще раз со смехом хлопнул по столу.

Главврач посмотрел на его руку, потом ему в глаза.

— Но существует такая вещь, как метеопрогноз, Эндрю. С поправкой на особенности островной жизни.

Тедди покачал головой. Прилипшая к губам улыбка, из которой ушло тепло, вероятно, выглядела глупой и беспомощной.

— Вы, ребята, не из тех, кто сдает позиции.

— Ураган был составной частью вашей фантазии, — сказал Коули. — Нам пришлось его дожидаться.

— Все вранье, — парировал Тедди.

— Вранье? Тогда объясните, откуда мы знаем анаграммы. Объясните, каким образом дети на фотографиях и в ваших снах — одни и те же. Ведь если бы это были дети Рейчел Соландо, то вы их не могли видеть. Объясните мне, Эндрю, происхождение фразы, которую я произнес при вашем появлении: «Малыш, ты почему весь мокрый?» Считаете, что я читаю мысли?

— Нет, — сказал Тедди. — Считаю, что я был мокрый.

На момент показалось, что Коули сейчас взорвется. Но он сделал глубокий вдох, сложил руки и положил их на стол.

— Ваш пистолет был наполнен водой. Ваши шифры, Эндрю, говорят сами за себя. Вы сами с собой играете в игры. Взять хотя бы ваши записи в дневнике. Например, последнюю. Взгляните. Три строчки. Девять букв. Для вас расшифровать это — пара пустяков. Взгляните.

Тедди опустил взгляд на страницу.

13(M)-21(U)-25(Y)-18(R)-1(A)-5(E)-8(H)-15(0)-9(I)

— У нас нет на это времени, — вмешался Лестер Шин. — Поймите, все изменилось. Я о психиатрии. Тут идет своя война, и мы ее проигрываем.

M-U-Y-R-A-E-H-O-I

— Вот как? И кто же эти «мы»? — рассеянно спросил Тедди.

— Те, кто считают, что путь к сознанию лежит не через втыканье пестика для колки льда в мозг или лошадиные дозы опасных медикаментов, а через честное сведение счетов с человеческим «я».

— Честное сведение счетов с человеческим «я», — повторил Тедди. — Ух ты, здорово.

Три строчки, сказал Коули. Вероятно, по три буквы в строке.

— Послушайте, — сказал Шин. — Если мы с вами потерпим неудачу, это будет наше глобальное поражение. В данный момент власть находится в руках хирургов, но это ненадолго. Штурвал перехватят фармацевты, вот только медицина от этого менее варварской не станет. Разве что на поверхности. То же зомбирование с помощью мощных препаратов, которое происходит сейчас,

продолжится под более приемлемой публичной вывеской. Здесь же, в этой клинике, Эндрю, все упирается в вас.

— Меня зовут Тедди. Тедди Дэниелс.

Первая строка, подумал Тедди, это, вероятно, «уоу».

— Нэлинг уже запланировал операционное исследование на базе вашего дела, Эндрю.

Тедди оторвался от страницы.

Коули подтвердил эту информацию кивком.

— Нам дали на все про все четыре дня. Если мы потерпим неудачу, вас ждет операция.

— Какая?

Коули посмотрел на Шина, но тот был занят изучением сигареты.

— Какая? — повторил свой вопрос Тедди.

Коули уже хотел ответить, но Шин его опередил.

— Трансорбитальная лоботомия, — произнес он усталым голосом.

Тедди сморгнул, опустил взгляд на страницу и отыскал в шифре второе слово: «аге».

— Как Нойса, — отозвался он. — Сейчас вы мне скажете, что его здесь тоже нет.

— Он здесь, — возразил Коули. — Многое из того, что вы рассказывали о нем доктору Шину, правда. Но домой, в Бостон, он не возвращался. И в тюрьме вы с ним не встречались. Он в этой клинике с августа пятидесятиго. В какой-то момент, видя положительную динамику, его перевели из корпуса С в корпус А. Где вы его и избили.

Тедди оторвался от шифра.

— Я — что?

— Вы его избили. Две недели назад. До полусмерти.

— За что?

Коули глянул на Шина.

— За то, что он назвал вас Лэддисом, — сказал Шин.

— Неправда. Я видел его вчера, и он...

— Да?

— Он ни разу не назвал меня Лэддисом, уж точно.

— Нет? — Коули перевернул страничку тетради. — У меня есть распечатки ваших разговоров. Магнитофонная запись лежит в офисе, так что обойдемся распечатками. Посмотрим, знаком ли вам этот

текст. — Он поправил очки и склонился над страницей. — Цитирую... «Все дело в тебе, Лэддис. С самого начала. А я сбоку припек. Одно звено в цепочке».

Тедди помотал головой.

— Он не называл меня Лэддисом. Вы сместили акценты. Он говорил, что дело в вас... то есть во мне... и в Лэддисе.

Коули засмеялся:

— Ну вы и жук.

Тедди улыбнулся:

— То же самое я думаю про вас.

Коули снова обратился к распечатке:

— Как насчет этого? Помните, как вы спросили Нойса, что у него с лицом?

— Конечно. Я спросил, кто его так отдал?

— Ваши доподлинные слова: «Кто это сделал?» Правильно?

Тедди кивнул.

— На что Нойс ответил — я цитирую — «ты».

— Да, но...

Коули разглядывал его, как энтомолог насекомое под увеличительным стеклом.

— Да?

— Он выражался...

— Я вас слушаю.

Тедди никак не мог подыскать правильные слова, чтобы выстроить их в цепочку, в такой подвижной состав.

— Он хотел сказать... — Тедди говорил медленно, подбирая слова, — то, что я не сумел помешать его возвращению в эту клинику... косвенным образом... привело к его избиению. Он не утверждал, что я его избил.

— Он сказал: «*Это сделал ты*».

Тедди пожал плечами:

— Пусть так, но мы с вами расходимся в интерпретации его слов.

Коули перевернул страницу.

— А как насчет этого пассажа? Нойс говорит: «Они знали. Неужели непонятно? Все, что у тебя на уме. Весь твой план. Это их игра. Отлично разыгранная пьеса. Все это придумано для тебя».

Тедди привалился к спинке стула.

— Столько пациентов, столько людей, с которыми якобы я прожил вместе почти два года, и никто не сказал мне ни слова о том, что я целых четыре дня участвую в этом маскараде?

Коули закрыл тетрадь.

— Они к этому привыкли. Вы уже год как разгуливаете с этой пластиковой бляхой. Сначала я подумал, что это будет хороший тест: дать ее вам и посмотреть, как вы себя поведете. Но что вы с ней так далеко зайдете, я и представить себе не мог. Откройте свой бумажник и скажите мне: она пластиковая?

— Дайте мне сначала разгадать шифр.

— Вы уже почти разгадали. Остались три буквы. Вам помочь, Эндрю?

— Тедди.

Коули покачал головой:

— Эндрю. Эндрю Лэддис.

— Тедди.

Коули наблюдал за тем, как он расставляет буквы на странице.

— О чем тут говорится?

Тедди засмеялся.

— Скажите нам.

Он мотнул головой.

— Поделитесь с нами, прошу вас.

— Вы это подстроили. Вы всюду расставили зашифрованные послания. Вы придумали Рейчел Соландо, использовав имя моей жены. Все это ваших рук дело.

— О чем идет речь в последнем шифре? — медленно, с расстановкой спросил Коули.

Тедди перевернул тетрадь, чтобы они оба могли прочесть:

YOU
ARE
HIM^[19]

— Довольны? — спросил Тедди.

Коули встал. Он выглядел обессиленным. Дошедшими до ручки. Когда он заговорил, в его голосе была опустошенность, которой Тедди прежде в нем не замечал.

— Мы надеялись. Мы надеялись, что нам удастся вас спасти. Мы поставили на кон свою репутацию. А сейчас пойдут разговоры о том, что мы позволили больному реально разыграть свой величайший бред, взамен же получили несколько травмированных охранников и сожженную машину. К профессиональным насмешкам я отношусь спокойно. — Он присел на подоконник и выглянул в квадратное оконце. — Может, я перерос это заведение. Или оно меня переросло. Но недалек тот день, пристав, когда медицина вытравит из человека все человеческое. Вы меня понимаете?

Тедди немного помолчал.

— Не совсем.

— Неудивительно. — Коули сложил руки на груди. В комнате на какое-то время воцарилась тишина, если не считать звуков бриза и океанского прибоя. — Вы солдат с отличиями, хорошо натренированный в рукопашном бою. За время, проведенное здесь, вы покалечили восьмерых охранников, не считая сегодняшних двоих, четырех пациентов и пятерых санитаров. Мы с доктором Шином боролись за вас долго и упорно. Но большинство персонала и вся верхушка пенитенциарной системы требуют от нас результата, в противном случае вас сделают абсолютно недееспособным.

Он слез с подоконника, снова подошел к столу и, опершись на него руками, подался вперед, держа Тедди под прицелом своих пасмурно-печальных глаз.

— Это была наша последняя попытка, Эндрю. Если вы не признаете, что вы тот, кто вы есть, и сделали то, что сделали, если вы не предпримете усилий, чтобы приплыть к берегу здравого смысла, то не в нашей власти будет вас спасти.

Он протянул ему руку.

— Ну что? — сказал он охрипшим голосом. — Эндрю. Пожалуйста. Помогите мне спасти вас.

Тедди принял эту руку и ответил крепким, недвусмысленным рукопожатием и таким же недвусмысленным взглядом. А еще улыбкой.

— Хватит называть меня Эндрю.

Его отвели в корпус С в наручниках.

Там его препроводили в полуподвальный этаж, где больные провожали его криками из камер. Они обещали его избить. Изнасиловать. Один поклялся, что разделает его, как свиноматку, и будет смаковать по кусочку.

В камере его с двух сторон караулили охранники, пока медсестра делала ему в плечо укол.

От ее волос пахло земляничным мылом. Когда она наклонилась, он ощутил ее дыхание и сразу ее узнал.

— Вы выдавали себя за Рейчел, — сказал он.

— Держите его, — попросила медсестра.

Охранники вцепились ему в плечи и вытянули руки по швам.

— Это были вы. Только с крашеными волосами. Вы — Рейчел.

— Не дергайтесь, — сказала она и вонзила иглу.

Он перехватил ее взгляд.

— Вы отличная актриса. Нет, я правда вам поверил. Все эти слова про вашего погибшего Джима. Очень убедительно, Рейчел.

Она отвела взгляд.

— Меня зовут Эмили, — сказала она и вытащила иглу. — А теперь поспите.

— Ну пожалуйста, — позвал он ее, когда она пошла к выходу.

Она обернулась уже в дверях.

— Это же были вы.

Она призналась — нет, не кивком, а глазами, неуловимым движением ресниц и одарила его улыбкой, такой безрадостной, что ему захотелось поцеловать ее волосы.

— Спокойной ночи, — сказала она.

Он не почувствовал, как охранники сняли с него наручники, не слышал, как они ушли. Звуки из соседних камер сошли на нет, воздух затвердел, превратившись в янтарь, а сам он лежал навзничь на влажной туче, и ноги-руки стали губками.

Он погрузился в сон.

Во сне они с Долорес жили в доме на берегу озера.

Им пришлось уехать из города.
Город дышал убогостью и насилием.
К тому же она спалила их квартиру в Баттонвуде.
Чтобы избавиться от призраков.

Ему снилось, что их любовь — это сталь, которой не страшны ни огонь, ни дождь, ни удары молота.

Ему снилось, что Долорес безумна.

Как-то маленькая Рейчел, когда он был уже пьяненький, но не настолько, чтобы не суметь прочитать ей сказку на ночь, перебила его:

— Папа?

— Что, солнышко? — спросил он.

— Мама иногда на меня странно смотрит.

— Странно — это как?

— Просто странно.

— Тебе становится смешно?

Она покачала головой.

— Нет?

— Нет, — подтвердила она.

— И как же она тогда на тебя смотрит?

— Как будто я ее сильно расстроила.

Он поправил одеяло, поцеловал ее на прощание, потерся носом о ее шею и заверил, что она никого не расстроила. Просто не может расстроить. Ни сейчас, ни в будущем.

Другая ночь. Он собирается лечь в постель, а Долорес, уже лежащая в кровати, потирает шрамы на запястьях и говорит ему:

— Когда ты уходишь в другое место, одна твоя половина остается там.

Он снимает часы и кладет их на тумбочку.

— Какое другое место, детка?

— А вторая половина... — она прикусывает губу, и вид у нее такой, словно она сейчас начнет бить себя по лицу кулаками, — лучше бы она совсем не возвращалась.

Она считала местного мясника шпионом. Говорила, что он ей улыбается, пока с ножа капает кровь, и что он знает русский.

Она говорила, что иногда чувствует, как этот нож вонзается ей в грудь.

Однажды маленький Тедди, когда они смотрели бейсбольную игру в Фенвей-парке, сказал ему:

— Я хотел бы жить здесь.

— Мы здесь и так живем.

— Нет, в парке.

— А чем тебе не нравится наш дом?

— Слишком много воды.

Тедди отхлебнул из фляжки и задумался. Его старший сын для своего возраста был высокий и сильный, но он часто пускал слезу и пугался по пустякам. Вот они, нынешние подростки, избалованные и изнеженные в эпоху экономического бума. Была бы жива моя мать, подумал Тедди, она бы научила внуков быть твердыми и сильными. Этот мир на них плевать хотел. Он никому ничего не дает. Только забирает.

Конечно, подобные уроки должен преподать отец, но без матери они не будут до конца усвоены.

Долорес же забивала им головы всякими снами и фантазиями, слишком часто водила их в кино, в цирк и на ярмарки.

Он отхлебнул еще из фляжки и сказал сыну:

— Слишком много воды. Еще что?

— Ничего, сэр.

Он спрашивал ее:

— Что не так? Чего я не делаю? Что я тебе недодаю? Как мне сделать тебя счастливой?

На что она отвечала:

— Я счастлива.

— Неправда. Скажи, что я должен сделать, и я это сделаю.

— Я в порядке.

— То ты вся кипишь, а то порхаешь, как бабочка.

— Что из двух тебя не устраивает?

— Это пугает детей и меня тоже. Ты не в порядке.

— Ничего подобного.

— Постоянно хандришь.

— Нет, — возражала она. — Это ты хандришь.

Он поговорил со священником, и тот пару раз к ним зашел. Поговорил с ее сестрами, и старшая, Даилиа, приехала к ним как-то на недельку из Виргинии. На какое-то время это помогло.

Они оба избегали разговоров о докторах. Доктор нужен психам, а она не псих. Просто напряжена и несчастна.

В тот вечер на тротуаре возле клуба «Кокосовая роща» он заглянул в такси через открытое окно, и они оказались лицом к лицу.

И он тогда подумал:

Я тебя знаю. Я знаю тебя сто лет и только ждал, когда ты, наконец, появишься. Долгие годы.

Я знал тебя еще в утробе матери.

Вот так, не больше и не меньше.

Он не рвался уложить ее в постель, как любой отбывающий на фронт солдат, так как точно знал, что вернется домой. Не для того же боги так выстроили звезды и помогли ему встретить свою вторую половину, чтобы тут же у него отнять.

Он просунул голову в окно машины и сказал ей:

— Не волнуйся, я вернусь.

Она тронула пальцем его лицо и сказала:

— Ты уж постараися.

Ему снилось, что он вернулся в их дом у озера.

Две недели он преследовал одного типа — от доков в Южном Бостоне до Талсы, с десятком остановок в промежутке, постоянно отставая на полшага, пока не столкнулся с ним нос к носу, выйдя из мужского туалета на заправочной.

В одиннадцать утра он вошел в дом, радуясь тому, что сегодня рабочий день, мальчики в школе, а значит, он может сразу рухнуть на постель и отлежаться, сейчас же он ощущал усталость в каждой косточке. Он налил себе двойного скотча и громко позвал Долорес. Она была на заднем дворе и вошла со словами:

— Там мало оставалось.

Он повернулся к ней со стаканом в руке.

— Ты о чем, милая?

И тут он увидел, что она совершенно мокрая, как будто только что вышла из-под душа в своем старом темном платье с выцветшими узорами. Она была босиком, вода капала с волос, стекала с подола.

— Детка, ты почему вся мокрая? — спросил он.

— Там мало оставалось, — повторила она, ставя бутылку на рабочий столик. — Я не уснула.

С этими словами она снова вышла во двор.

Тедди видел, как она, петляя и покачиваясь, направляется к беседке. Он поставил выпивку на столик и взял в руки бутылку. Это была настойка опия, прописанная ей врачом после больницы. Уезжая в командировку, он отмерял нужную дозу, переливал во флакончик и оставлял для нее в аптечке. Бутылку же запирал на ключ в подвале.

Она осушила ее до дна, притом что в бутылке оставалась шестимесячная доза.

Доплеться до беседки, она шагнула на ступеньку, упала на колени, поднялась.

Как она добралась до бутылки? Шкафчик был заперт на замок, причем не обычный замок. Даже крепкий мужчина, вооруженный болторезным станком, не сумел бы его снять. Открыть же его она не могла, так как у него единственный ключ.

Он видел, как она уселась на качалку в беседке. Переведя взгляд на бутылку, он припомнил, как стоял на этом самом месте в день отъезда, как перелил опий маленькими ложечками во флакон, при этом разок-другой отпив свое виски, как поглядывал на озеро, как убрал флакон в аптечку и поднялся наверх попрощаться с детьми, как потом спустился обратно и ответил на звонок из регионального офиса, как взял плащ и походную сумку, поцеловал Долорес на пороге и направился к своей машине...

...оставив бутылку на рабочем столике.

Он толкнул сетчатую дверь, пересек лужайку и поднялся по ступенькам в беседку, она же следила за его приближением, насквозь мокрая, отталкиваясь одной ногой от пола и тихо раскачиваясь взад-вперед.

— Детка, когда ты все это выпила? — спросил он.

— Утром. — Она показала ему язык, а потом с задумчивой улыбкой задрала голову к неровному потолку. — Там мало оставалось. Не могу заснуть, а хочется. Ужасно устала.

За ее спиной, в озере, плавали три бревнышка, и, хотя Тедди сразу понял, что это никакие не бревнышки, он поспешил перевести взгляд на жену.

— Отчего ты так устала?

Она вздернула плечиками и развела руками.

— От всего этого. Ужасно устала. Хочу домой.

— Ты дома.

Она показала вверх.

— Домой-домой.

Тедди еще раз поглядел в сторону бревнышек, медленно дрейфующих по воде.

— Где Рейчел?

— В школе.

— Она еще слишком маленькая для школы, детка.

— Только не для моей школы, — сказала его жена, оскалившись.

И тут он закричал. Крик был такой страшный, что Долорес свалилась с качалки, а он перепрыгнул через нее, перемахнул через перила и побежал, выкрикивая «нет» и «господи» и «Христом богом» и «только не мои детки», вопя, крича, стеная.

Он с ходу бросился в озеро, споткнулся, упал лицом вниз, вода накрыла его, как нефтяное пятно, но он все плыл и плыл и вынырнул аккурат среди трех дрейфующих бревнышек. Его деток.

Эдвард и Дэниел лежали лицом в воде, а вот Рейчел плавала на спине с открытыми глазами, обращенными к небу и облакам, в зрачках та же опустошенность, что и в глазах ее матери.

Он выносил их одного за другим и бережно складывал на берегу. Держал крепко, но нежно. Осязал все их косточки. Гладил по щекам. Оглаживал их плечи, грудь, ноги, ступни. Обцеловывал.

Потом рухнул на колени, и его рвало так, что в районе солнечного сплетения разгорелся пожар, а в желудке не осталось даже крошечного кусочка.

Он вернулся к утопленникам, чтобы сложить им руки на груди, и тут обратил внимание на то, что у Дэниела и Рейчел вокруг запястий следы от веревок, и тогда он понял, что Эдвард стал первой жертвой. А эти двое ждали на берегу своей очереди, все слыша, зная, что она за ними вернется.

Он еще раз поцеловал всех троих в обе щеки и в лоб и закрыл Рейчел глаза.

Брыкались ли они, когда она несла их в воду? Кричали? Или обмякли и лишь скулили, смирившись с неизбежным?

Он вспомнил, как первый раз увидел свою будущую жену на танцах в фиалковом платье, увидел это выражение лица, в которое сразу влюбился. Тогда подумалось, что оно вызвано ее неуверенностью: в шикарном платье, в шикарном клубе. Но он ошибся. Это был ужас, не очень-то и замаскированный, ужас, поселившийся в ней давно и навсегда. Ужас перед внешним миром — поездами, бомбами, громыхающими трамваями, отбойными молотками, темными улицами, русскими подлодками, кабаками с буйными завсегдатаями, океанами с акулами, азиатами с красными цитатниками в одной руке и винтовками в другой.

Все это и многое другое вызывало у нее священный ужас, но больше всего — то, что сидело в ней самой, этакий жучок с высшим интеллектом, который, засев в ее мозгу, затевал с ним рискованные игры: нажимал лапками на разные точки, отсоединял кабели по собственной прихоти.

Оставив детей на берегу, Тедди долго сидел в беседке на полу и смотрел, как жена раскачивается на качалке, и ужаснее всего было то, что его любовь к ней ничуть не стала меньше. Если бы он мог спасти ее разум, пожертвовав своим, он бы сделал это. Отдать свои руки-ноги? Без вопросов. Она была единственной любовью его жизни. Благодаря ей он выстоял в войне, в этом жутком мире. Он любил ее больше жизни, больше собственной души.

Но он оказался несостоятельным. Перед ней. Перед своими детьми. Перед семьей, которую они пытались вместе построить. Потому что он отказался видеть Долорес такой, какая она есть, то, что ее безумие — это не ее вина, что оно ей не подконтрольно, что оно не является свидетельством моральных слабостей или отсутствия воли.

Он отказывался это видеть. Ведь если она действительно его единственная любовь, его бессмертное альтер эго, то что тогда говорить о его собственном разуме, его вменяемости, его моральных слабостях?

Вот почему он отстранился от проблем, от жены. Он бросил ее, свою единственную любовь, одну и позволил ее разуму пожрать

самого себя.

Он смотрел, как она раскачивается на качалке. Как же он любил ее в эту минуту!

Любил, стыдно сказать, сильнее, чем сыновей.

Сильнее, чем Рейчел?

Пожалуй, нет. Все-таки нет.

Он мысленно увидел, как Долорес несет Рейчел к озеру, как опускает ее в воду и у девочки округляются глаза от ужаса.

Он смотрел на жену, мысленно видя дочь, а про себя думал: *Бессердечная, жестокая сучка.*

Он сидел на полу беседки и плакал. Как долго, он не знал. Он видел сквозь слезы Долорес на крыльце, поджидающую его с цветами; во время их медового месяца, глядящую на него через плечо; в фиалковом платье; беременную Эдвардом; снимающую свою ресничку с его щеки и при этом увернувшуюся от поцелуя; скавшуюся в комок у него на руках и чмокающую его в запястье; улыбающуюся ему своей утренней воскресной улыбкой, а также глядящую на него в упор, когда от ее лица оставались только эти огромные глаза, в которых читались страх и одиночество; всегда, всегда в глубине души она оставалась совершенно одинокой...

Он встал, колени дрожали.

Он присел рядом с женой на качалку.

— Мой добрый муж, — сказала она.

— Это я-то? — возразил он. — Нет.

— Да. — Она взяла его за руку. — Ты любишь меня, я знаю. Да, ты не идеален...

О чем они подумали, Дэниел и Рейчел, проснувшись оттого, что собственная мать связывала им запястья? Что прочли в ее глазах?

— О господи!

— Я понимаю. Но ты мой. И ты стараешься.

— Детка, прошу тебя, не говори больше ничего.

А Эдвард наверняка бросился бежать, и ей пришлось гоняться за ним по дому.

Лицо ее просветлело от счастья.

— Давай перенесем их в кухню, — сказала она.

— Что?

Она оседлала его и прижала к своему влажному телу.

— Посадим их за стол, Эндрю.

Она поцеловала его в веки, а он, вжавшись в нее, рыдал ей в плечо.

— Они будут нашими живыми куклами, — говорила она. — Мы их обсушим.

— Что? — Его голос утонул в теплой плоти.

— Переоденем их, — шептала она ему в ухо. — Возьмем к себе в постель.

— Не говори ничего, прошу тебя.

— Только на одну ночь.

— Пожалуйста.

— А завтра возьмем их на пикник.

— Если ты меня любишь... — Он представил себе их лежащими сейчас на берегу.

— Я всегда тебя любила, милый.

— Если ты меня любишь, умоляю, замолчи.

Ему захотелось снова к детям — оживить их и увезти отсюда, подальше от нее.

Долорес положила руку на его пистолет.

Он тут же сверху положил свою руку.

— Мне надо, чтобы ты любил меня, — сказала она. — Мне надо, чтобы ты меня освободил.

Она потянулась к пистолету, но он убрал ее ладонь. Он заглянул в ее глаза. Такие яркие, смотреть больно. Нечеловеческие глаза. Скорее собачьи. Или волчьи.

После войны, после Дахау он поклялся, что никого больше не убьет, ну разве что в безвыходной ситуации. Если на него будет нацелен пистолет. Только тогда.

Еще одной смерти он не выдержит. Не переживет.

Она снова потянулась к пистолету (глаза сделались еще ярче), и снова он убрал ее руку.

Он бросил взгляд в сторону берега — тела аккуратно сложены рядом, плечо к плечу.

Он вытащил пистолет из кобуры. И показал ей.

Закусив губу, она кивнула ему сквозь слезы. Потом подняла взгляд вверху и сказала:

— Мы сделаем вид, что они с нами. Мы искупаем их в ванне, Эндрю.

Он приставил пистолет к ее животу, рука дрожала, губы дрожали, и он сказал:

— Я люблю тебя, Долорес.

Но даже в эту минуту, когда дуло упиралось в ее живот, он был уверен, что не сделает этого.

Она опустила взгляд, словно удивляясь тому, что она еще здесь и он рядом.

— Я тебя тоже люблю. Очень. Я тебя люблю, как...

Тут он нажал на спуск. Из ее глаз брызнул звук выстрела, а изо рта воздух; глядя ему в глаза, она заткнула пулевое отверстие одной рукой, а другой схватила его за волосы.

И пока из нее уходила жизнь, он прижимал ее к себе, а она обмякла в его объятиях, и так он долго ее держал, выплакивая слова роковой любви в ее старое выцветшее платье.

Сидя в темноте, сначала он учゅял сигаретный запах и лишь потом разглядел тлеющий уголек — это Шин сделал затяжку, разглядывая его в упор.

Он сидел на кровати и плакал, не в силах остановиться и повторяя снова и снова:

— Рейчел, Рейчел, Рейчел.

Он видел ее обращенные к небу глаза, ее летящие волосы.

Когда его перестало трясти и слезы высохли, Шин спросил:

— О какой Рейчел вы вспоминали?

— Рейчел Лэддис, — ответил он.

— А вы тогда?..

— Эндрю, — сказал он. — Я Эндрю Лэддис.

Шин включил маленький свет, и по другую сторону решетки обнаружились Коули с охранником. Охранник стоял спиной, зато Коули, держась за железные прутья, внимательно следил за происходящим.

— Что привело вас сюда?

Он взял из рук Шина носовой платок и вытер лицо.

— Что привело вас сюда? — повторил свой вопрос Шин.

— Я застрелил свою жену.

— Почему вы это сделали?

— Потому что она убила наших детей и хотела покоя.

— Вы федеральный пристав? — спросил Шин.

— Сейчас нет. Был когда-то.

— Давно вы находитесь здесь?

— С третьего мая пятьдесят второго года.

— Кто была Рейчел?

— Моя дочь. Ей было четыре года.

— А кто сейчас Рейчел Соландо?

— Ее не существует. Я ее выдумал.

— Зачем?

Тедди покачал головой.

— Зачем? — повторил свой вопрос Шин.

— Я не знаю, я не знаю...

— Вы знаете, Эндрю. Скажите мне, зачем?

— Не могу.

— Можете.

Тедди обхватил голову руками и начал раскачиваться взад-вперед.

— Не заставляйте меня говорить это вслух. Пожалуйста, доктор.

Ну пожалуйста.

Коули еще крепче вцепился в железные прутья.

— Я должен это услышать, Эндрю.

Он посмотрел на главврача сквозь решетку с одним желанием — броситься на него и укусить за нос.

— Я... — начал он и остановился. Он прочистил горло и сплюнул на пол. — Я не могу смириться с тем, что позволил жене убить моих деток. Я игнорировал все знаки. Я отгонял от себя неприятные мысли. Я не повел ее к врачам, и поэтому их смерть на моей совести.

— И?

— И это не умещается в моей голове. Я не могу с этим жить.

— Но вы должны. Вы же понимаете.

Тедди кивнул. Он подтянул колени к груди.

Шин бросил взгляд через плечо на Коули, прилипшего к решетке. Главврач закурил. Он неотрывно наблюдал за Тедди.

— Вот чего я боюсь, Эндрю, — заговорил он. — Мы все это уже проходили. Девять месяцев назад — точно такой же прорыв. А затем наступил регресс. Довольно быстро.

— Мне жаль, что так получилось.

— Приятно это слышать, — сказал Коули, — но ваши извинения к делу не пришьешь. Я должен твердо знать, что вы согласились с реальностью. Мы не можем себе позволить еще один регресс, ни вы, ни я.

Тедди взглянул на Коули, исхудавшего человека с мешками под глазами. Этот человек — его спаситель. Возможно, его единственный друг.

Он увидел, как звук выстрела отразился в глазах жены, снова ощутил мокрые кисти мальчиков, сложенные у них на груди, увидел прядку волос, которую он убрал указательным пальцем с лица дочки.

— Регресса не будет, — сказал он. — Меня зовут Эндрю Лэддис. Я убил свою жену Долорес весной пятьдесят второго года...

Комната освещало солнце, когда он проснулся.

Он сел на постели и первым делом обратил взор к решетке, но ее не было. Обыкновенное окно, разве что низковатое, и тут же сообразил, что это он находится высоко, на верхней койке в комнате, которую еще недавно делил с Треем и Бибби.

Комната была пуста. Он спрыгнул на пол и открыл дверцу стенного шкафа; внутри висели его шмотки, выстиранные и выглаженные. Он оделся, подошел к окну и поставил ногу на подоконник, чтобы завязать шнурки. Выглянув в окно, он увидел во дворе пациентов, санитаров и охранников, примерно всех поровну; одни прогуливались перед зданием больницы, другие завершали уборку территории, третьяи обрабатывали розовые кусты, а точнее, то, что от них осталось.

Завязывая шнурки на втором ботинке, он присмотрелся к рукам. Никакого тремора. Зрение ясное, как в далеком детстве. И голова в порядке.

Он спустился по лестнице и вышел на территорию. В крытом переходе он разминулся с сестрой Марино, которая ему улыбнулась.

— Доброе утро, — сказала она.

— Какое утро! — откликнулся он.

— Великолепное. По-моему, этот ураган навсегда унес наше лето.

Опершись на перила, он обратил взор к небу, голубому, как глаза младенца. В воздухе была разлита свежесть, которой не хватало с июня месяца.

— Хорошего вам дня. — Сестра Марино уходила по переходу, и он подумал: мне нравится следить за тем, как раскачиваются ее бедра, а это верный признак выздоровления.

Он вышел на территорию. Несколько санитаров, свободных от дежурства, перекидывались мячом. Они ему помахали:

— Доброе утро!

— Доброе! — сказал он и тоже помахал им рукой.

Донесся гудок парома, подходящего к пристани. Посреди лужайки разговаривали Коули и смотритель больницы. Они кивнули ему

издалека, он ответил им кивком.

Он сел с краю на ступеньки и окинул взглядом территорию. Давно он так хорошо себя не чувствовал.

— Держи.

Он взял предложенную сигарету, потянулся к протянутой зажигалке и прикурил, после чего крышка «зиппо» захлопнулась.

— Как поживаешь?

— Хорошо. А ты? — Тедди втянул в легкие сигаретный дым.

— Не жалуюсь.

Он заметил, что Коули и смотритель поглядывают в их сторону.

— Интересно, что за книжицу таскает с собой смотритель.

— Так ведь помрем и не узнаем.

— А жаль.

— Может, есть на земле вещи, которые нам лучше не знать. Как считаешь?

— Интересная мысль.

— Я стараюсь.

Он сделал очередную затяжку и обратил внимание на сладковатый привкус табака. Сигаретка была покрепче, чем его, это ощущалось даже гортанью.

— Что делаем дальше? — спросил он.

— Это ты мне скажи, босс.

Он улыбнулся Чаку. Они вдвоем сидят на ступеньках под утренним солнышком и непринужденно болтают, как будто все нормально в этом лучшем из миров.

— Линять надо отсюда, — сказал Тедди. — Пора двигать домой.

Чак покивал:

— Я так и думал, что ты это скажешь.

— Есть идеи?

— Дай мне минутку на размышления.

Тедди кивнул и откинулся назад. Минутку он может себе позволить. И даже не одну. Он заметил, как Чак помотал головой и как Коули покивал в знак того, что все понял, после чего что-то сказал смотрителю, и они вдвоем направились в его сторону, а за ними четверо санитаров, один из них держал в руке белый сверток, завернутое в ткань что-то металлическое, сверкнувшее в солнечном луче.

— Слушай, Чак, — сказал он. — Тебе не кажется, что они нас вычислили?

— Да ну. — Чак, запрокинув голову, щурился на солнце. Он улыбнулся напарнику: — Кишка тонка.

— Это точно, — сказал Тедди.

notes

Примечания

1

«Восьмерка» — солдат, комиссованный из американской армии по восьмой статье: «Серьезное умственное расстройство». (*Здесь и далее прим. переводчика.*)

2

УСС — Управление стратегических служб США.

3

Домино Антуан Доминик по кличке Толстяк — чернокожий исполнитель блюзов и рок-н-ролла из Нового Орлеана.

4

«Восточная сторона небес» (*англ.*) — мюзикл Дэвида Батлера (1939) с Бингом Кросби в главной роли.

5

Прощай, милый. Прощай (*фр.*).

6

«Девушки из Баффало» (*англ.*), старинная американская песня.

С мая 1950 по май 1951 г. в американском сенате проходили слушания под председательством сенатора Кефовера по делу об организованной преступности. На скамье подсудимых оказался Фрэнк Костелло, нью-йоркский мафиози по кличке «премьер-министр криминального мира». Слушания впервые транслировались по общенациональному телевидению и вызвали в стране неслыханный резонанс.

Комитет по расследованию антиамериканской деятельности.

9

Кинозвезда 1940-х гг., фотомодель, чья фотография в купальнике пользовалась необычайной популярностью у американских солдат во время Второй мировой войны.

10

Туше — (*фр.*).

Укол, ответный удар (в фехтовании) — *прим. верстальщика.*

11

Правильно: forever and ever — до гробовой доски.

во веки веков — *прим. верстальщика.*

12

Яйца-пашот на английском маффине с маслом и канадским беконом под голландским соусом.

13

Сэндвич из ржаного хлеба, сыра, солонины и кислой капусты.

14

Имеется в виду секретный Манхэттенский ядерный проект 1942 г.

Наверное, — форт Аламо — там произошла наиболее известная битва Техасской революции 1835 г. — *прим. верстальщика.*

15

Кличка героя одноименного американского фильма, темнокожего боксера.

16

«Гран-Гиньоль» (*фр. Grand Guignol*) — парижский театр ужасов, один из родоначальников и первопроходцев жанра хоррор.

17

Американский рок-музыкант.

18

Лорел и Оливер Харди — популярный американский комический дуэт 20–40 гг. XX в.

19

Ты — это он (*англ.*).